

НИЛ ГЕЙМАН
ЭЛ САРРАНТОНИО

ВСЕ
НОВЫЕ
СКАЗКИ

ЧАК ПАЛАНИК
МАЙКЛ МУРКОК
ДЖО ХИЛЛ
ДЖОАН ХАРРИС
И ДРУГИЕ

**Джо Лэнсдейл
Майкл Суэнвик
Джеффри Дивер
Джоди Пиколт
Стюарт О'Нэн
Джин Вулф
Кэт Ховард
Уолтер Мосли
Майкл Маршалл
Джо Хилл
Кэролин Пакхерст
Джойс Кэрол Оутс
Тим Пауэрс
Лоренс Блок
Ричард Адамс
Родди Дойл
Джонатан Кэрролл
Элизабет Хэнд
Курт Андерсен
Джоанн Харрис
Джеффри Форд**

Диана Уинн Джонс
Чак Паланик
Питер Страуб
Майкл Муркок
Эл Саррантонио
Нил Гейман
Все новые сказки

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8494603
Все новые сказки (сборник): АСТ; Москва; 2016
ISBN 978-5-17-114622-1

Аннотация

Нил Гейман и Эл Саррантонио – не только блестящие литераторы и строгие критики, но и искушенные читатели, для которых сказка – это в первую очередь история. История с большой буквы. Она одинаково увлекательна для людей разного пола, возраста и национальности. Она балансирует на тонкой грани смешного и страшного, причудливого и обыденного, и для нее нет иных границ, кроме таланта и фантазии автора. А какой еще жанр отвечает этой задаче лучше, чем фантастика? Итогом трудов составителей и стала книга, которую вы держите в руках – коллекция лучших рассказов в жанрах

мифологического и городского фэнтези, хоррора, саспенса и даже реализма, написанных признанными мастерами англо-американской прозы: Чаком Палаником, Майклом Муркоком, Джо Хиллом, Джоан Харрис, Майклом Суэнвиом, Дианой Уинн Джонс, Тимом Пауэрсом и многими другими. Умные, тонкие, изысканно интеллектуальные, захватывающие, а порой и по-настоящему страшные истории, заставляющие читателя, забыв обо всем, переворачивать страницу за страницей, а дочитав – задавать главный для любого рассказчика вопрос: «А ДАЛЬШЕ? ...»

Содержание

Всего четыре слова[2]	8
Родди Дойк	13
Джойс Кэрол Оутс	31
Джоан Харрис[14]	55
Нил Гейман	86
Майкл Маршалл Смит	125
Джо Лэнсдейл	137
Уолтер Мосли	183
Конец ознакомительного фрагмента.	191

Все новые сказки (сборник)

© Силакова С., Тогобецкая М., Мартинкевич Е., Глезерова М., Казакова Н., Мельниченко М., Осокин А., перевод

© ООО «Издательство Астрель»

* * *

Эта книга – результат игры воображения. Герои, характеры, события и диалоги целиком остаются на совести авторов, их не следует воспринимать как реальные. И потому любое совпадение с действительными событиями и людьми, живыми или мертвыми, является случайным.

Всем рассказчикам и иллюзионистам, которые, развлекая публику, всегда с нами: Александру Дюма и Чарльзу Диккенсу, Марку Твену и баронессе Орци¹, и наконец, даже больше, чем остальным – Шехерезаде, которая сама была и рассказчиком, и историей.

Наша горячая благодарность Дженнифер Брел и Меррилли Хейфец, рулившим этой длинной лодкой и благополучно

¹ Баронесса Эмма Орци, или Эммушка Орци (непр. вар.: Орци, Эммушка Ортси; 1865–1947) – британская романистка венгерского происхождения; автор знаменитого романа «Алый первоцвет»; драматург и художник; в «Леди Молли из Скотланд-Ярда» впервые в качестве главного героя вывела женщину-детектива.

доставившим нас на берег.

Всего четыре слова²

Однажды мы с Элом Саррантонио разговорились о сборниках. Незадолго до того Эл издал две антологии – современного хоррора и фэнтези, исчерпывающе полных. В разговоре выяснилось, что у нас есть кое-что общее: история – вот что мы надеемся найти в каждой книге – и чего нам не хватало, когда хотелось почитать, – это захватывающих историй, от которых невозможно оторваться. Ну и конечно, истории должны быть хорошо написаны (к чему довольствоваться меньшим?). Но и этого недостаточно. Нам хотелось таких историй, которые, словно вспышка молнии, преобразовали бы тысячу раз виденное, делая мир неузнаваемым. По правде говоря, лучше, чтобы в них было все сразу.

И пусть медленно, наше желание начало сбываться...

Ребенком я вечно просил рассказать мне сказку. Взрослые сочиняли что-нибудь на ходу или читали мне книжки. Как только вырос и научился читать, я уже не расставался с книгами. Я читал по книге в день, а то и быстрее. Как и сейчас, я искал в них переживания, которые дает только художественная литература, – то есть возможность оказаться внутри историй.

² STORIES edited by Neil Gaiman and Al Sarrantonio Copyright © 2010 by Neil Gaiman and Al Sarrantonio. Introduction by Neil Gaiman and Al Sarrantonio. Copyright © 2010 by Neil Gaiman and Al Sarrantonio.

Телевидение, кино – все это было неплохо, но происходило с кем-то еще. А книжные истории разыгрывались в моей собственной голове. Я в каком-то смысле сам переносился туда.

Вот в чем заключается магия литературы: ты берешь слова и выстраиваешь из них миры.

Со временем я стал разборчивее в чтении (помню, как впервые решил, что не обязан дочитывать книгу до конца; именно тогда я понял: от того, как история рассказана, может испортиться впечатление, которое она производит). Я начал замечать, что иногда то, ради чего я читаю книги – некая магия, движущая сила рассказа, – оказывается за бортом. Я читал безупречную прозу, оставаясь равнодушным к описанным в ней историям.

Все сводится к четырем словам.

Есть люди, которые читают только нехудожественную литературу: например, биографии и книги о путешествиях. Или такие, кто предпочитает исключительно поэзию. Есть те, кто ищет в книгах советы: как изменить к лучшему свою судьбу или самих себя, как выжить в грядущем финансовом кризисе, обрести уверенность, научиться играть в покер или сколотить улей. Меня можно иногда застать за чтением книг по пчеловодству, и, поскольку сам занимаюсь беллетристикой, я с удовольствием читаю о необычных реальных событиях. Но что бы ни читали, все мы – члены сообщества лю-

бителей историй.

Впрочем, есть, конечно, и те, кто совсем не читает. Я был знаком с одним девяностолетним стариком, который, узнав, что я писатель, заявил, что когда-то, задолго до моего рождения, попробовал прочесть одну книгу, но не нашел в ней никакого смысла и больше читать не пытался. Я спросил, помнит ли он, как книга называлась, и он ответил, что все они похожи одна на другую, – совсем как человек, который, однажды попробовав улитку, долго плевался, и ему ни к чему было запоминать, как та улитка называлась.

И все же. Четыре слова.

Я окончательно осознал это всего пару дней назад, когда увидел в моем блоге такой комментарий:

Дорогой Нил!

Если бы Вы могли выбрать цитату – свою или другого писателя, – чтобы повесить на стене детской библиотеки, что бы это было?

Спасибо!

Линн

Я задумался. За прошедшие годы я успел многое сказать о книгах и о детях, а кое-кому удалось выразиться более метко и мудро, чем это вышло у меня. Наконец меня осенило, и вот что я ответил:

Вряд ли я стал бы развешивать цитаты, даже если бы мне дали испортить библиотечную стену. Думаю, я просто напомнил бы людям о том, как

важны истории, ради которых пишутся книги. Я написал бы четыре слова, которые хочет услышать любой рассказчик. Слова, которые подтверждают – да, история интересная, и ее будут читать:

«...А что было потом?»

Эти слова произносят дети, когда, рассказывая, вы вдруг замолкаете. Услышав эти слова, рассказчик понимает, что слушателям не все равно.

Для многих из нас радость, которую приносит книга, – это радость полета не скованного реальностью воображения.

Из разговора с Элом Саррантонио я понял, что не только меня все больше раздражают жанровые ограничения. Почему категории, придуманные лишь для того, чтобы люди не терялись в книжных магазинах, стали определять, как и о чем следует писать? Например, я очень люблю слово «фэнтези» за безграничную свободу писательского воображения: это своего рода гигантская игровая комната, пределы которой определяет только наша фантазия. Но коммерческое фэнтези, хорошо это или плохо, как правило, влечется по старым колеям, проложенным еще Дж. Р. Р. Толкиеном и Р. Говардом³, оставляя позади целый мир невостребованных историй. И только фантастика подразумевает свободный полет воображения, выход за рамки жанра, – все то, что ищем

³ Роберт Ирвин Говард (1906–1936) – американский писатель-новеллист жанра фэнтези; создатель Конана-киммерийца и вселенной Хайборейской эры; друг Говарда Филлипа Лавкрафта.

мы с Элом.

Нам показалось, что фантастика может и должна быть способна на большее: высвечивать реальность, искажать ее, рядить в новые одежды или прятать. Показывать знакомый мир с такой стороны, будто вы никогда его толком не видели, не рассмотрели. Г. К. Честертон сравнивал произведения фантастики с поездкой в отпуск: самый главный момент – это возвращение, когда ты вдруг словно впервые видишь собственный дом.

Итак, мистер Саррантонио и я бросили клич, и к нам отовсюду устремились истории. Писатели приняли вызов, и мы очень скоро привыкли ожидать неожиданного.

Хм, а что было потом?..

Волшебство этого маленького заклинания заключается в том, что оно вызвало к жизни сотни миллионов слов, превратило людей, никогда не помышлявших о ремесле рассказчика, в сказочников, которые дадут фору самой Шехерезаде или Джозефу Джоркенсу из книг Дансени⁴. Стоит перелистнуть страницу, и начнется приключение.

Так перелистните ее. Там, на ступеньках, вас ждут...

Нил Гейман

Перевод Екатерины Мартинкевич

⁴ Эдвард Джон Мортон Дракс Планкетт, восемнадцатый барон Дансени (1878–1957) – ирландский англоязычный писатель и поэт, один из основоположников современной фэнтези; Джозеф Джоркенс – герой романа «Дорожные истории мистера Джозефа Джоркенса» (1931), рассказчик небылиц.

Родди Дойк

Кровь⁵

Он вырос в городе Дракулы. Каждый день ходил в школу мимо дома Брэма Стокера⁶. Но относился к этому факту равнодушно. Хоть бы раз что почувствовал – но нет, в дрожь не бросало, прозрачная рука не хватала за воротник, в шею никто не целовал. Собственно, даже мемориальную доску он заметил только на восемнадцатом году жизни, когда уже заканчивал школу. Книжку он никогда не читал и вряд ли прочтет. На «Дракуле» Копполы⁷ задремал. Слышал сквозь сон, как жена вскрикивает, чувствовал, как она испуганно стискивает его коленку... Вот опять стиснула. Оказалось, пытается разбудить, свет в зале уже горит. Жена сердится:

– Как ты мог?

– В смысле?

⁵ «Blood» by Roddy Doyle. Copyright © 2010 by Roddy Doyle

⁶ *Брэм Стокер* (1847–1912) – ирландский писатель; «*Дракула*» (1897) – его самый известный готический роман; имя «Дракула» заимствовано у реального персонажа Влада Цепеша; книжный граф Дракула жил в замке неподалеку от Прохода Борга (Трансильвания). «*Дом Брэма Стокера*» – возможно, имеется в виду рассказ Стокера «Дом судьбы»; действие в нем происходит в маленьком городке Бенчерч.

⁷ «*Дракула*» (1992) – фильм американского кинорежиссера Фрэнсиса Форда Копполы (р.1939), наиболее известного кинотрилогией «Крестный отец» и фильмом о вьетнамской войне «Апокалипсис сегодня».

– Вырубиться на таком фильме!

– Я всегда вырубаюсь, если фильм хреновый.

– У нас романтический вечер, между прочим.

– Да, верно, – сказал он. – Тогда да, прости. Кстати, чем кончилось?

– Иди ты в задницу! – сказала она с нежностью.

В Дублине принято выражать нежность, ругаясь последними словами.

Короче, вся эта тема, эта история с Дракулой для него ровно ничего не значила. И все же ему захотелось крови.

Захотелось отчаянно.

«Отчаянно» – это с недавних пор. Недавняя, ненавистная перемена. Хочется пить и пить кровь, жажда нестерпимая... Вот мерзость.

Когда это началось, он сам не знал. Но точно помнил, когда именно *осознал* свою жажду.

– Тебе какой стейк, прожаренный, не очень?

– Мне? Сырой.

Жена рассмеялась. Но он сказал чистую правду. Ему хотелось именно тот кусок мяса, который она держала над сковородкой! Вот этот, сырой, немедленно!.. К черту сковородку, зачем портить продукт? Он почувствовал, как борются между собой мышцы его тела, мускулы шеи, мускулы челюстей: одни старались его удержать, другие за него вступились.

И тут он проснулся.

Но нет, он давно не спит: он стоит на кухне, уставившись на стейк, пожирая его глазами.

– Поджарь совсем чуть-чуть, – сказал он.

Она улыбнулась:

– Ты у меня дикарь.

Через несколько минут он воспользовался ее словами как лазеркой (мол, спокойно, я просто прикалываюсь, такой уж уродился), наклонился к обугленному мясу на своей тарелке и облизал его. Дети вздумали проделать то же самое, и вся компания перемазала носы бурым соусом. Он заставил себя забыть, что у него ломит челюсти, подавил в себе рык, желание кусаться. После ужина все уселись смотреть кино на диске. В общем, чудесный вечер. Честно-честно, все шло хорошо. Жизнь текла в нормальном русле. Какое-то время. Довольно долго. Несколько недель, как ему показалось. Однажды он заглянул в холодильник. На тарелке лежали два стейка из филейной части. Дожидались его. Да, наверное, прошло несколько недель, ведь Вера – жена – покупала стейки не так уж часто. Не то чтобы Вера закупала все или большую часть продуктов одна – просто возле мясной лавки она оказывалась чаще. Она покупала еду, он – вино. Она покупала мыло и туалетную бумагу. А он – вино. «Ты у меня дикарь».

Он схватил один стейк, отошел к мойке. Оглянулся через плечо – все нормально, никого – и сожрал стейк, наклонившись над мойкой. Нет, не сожрал. Сперва облизал, словно эскимо: холодный. Услышал, как зацокали по алюминию

капли крови, почувствовал, как кровь сбегает по подбородку. Такое ощущение, будто это у него течет кровь. Он начал торопливо высасывать, пить. Не то: кровь должна быть теплой, сказал он себе. И страшно возненавидел себя за эту придирку: во даешь, сам себе ломаешь кайф, ищешь предлога снова... снова проделать... это... допустим, удовлетворить потребность, избежать ломки... так-так, значит, у него внезапно появилась зависимость от крови, а он и ухом не ведет, словно так и надо. Он зарычал – рыкнул как следует, мало не покажется. Оглянулся через плечо. Впрочем, теперь уже все пофиг. «Ты у меня дикарь». Он жевал мясо, пока оно не перестало быть мясом. Все, что осталось, выплюнул в мусорное ведро. Обтер подбородок, вымыл руки. Осмотрел рубашку: чистая. Пустил горячую воду, понаблюдал, как черные капли краснеют, розовеют, пропадают совсем. Взял из холодильника тарелку со вторым стейком, спихнул его в ведро. Завязал пакет, заправленный в ведро, достал, вынес на помойку.

– Где ужин? – спросила Вера.

– Что?

– Я купила два стейка. Вот здесь лежали. – Вера стояла у холодильника, распахнув дверцу.

– Они протухли, – сказал он.

– Не может быть!

– Протухли, – сказал он. – Воняли уже. Я их выбросил.

– Да что ты! Первосортные стейки, – изумилась она. – Куда выбросил, сюда? – Вера подошла к ведру.

– На помойку, – сказал он.

Черт, неожиданный поворот; надо было все наперед продумать.

– Пойду достану, – сказала она, направляясь к двери. – Прохиндей! – Это о мяснике.

– Не надо, – сказал он.

Он не встал, не попытался преградить ей дорогу. Остался сидеть за столом. Сердце в груди – его собственное мясо – неистово запрыгало, заколотилось.

– Он всегда нас хорошо обслуживал, – сказал он. – Если мы пойдем с ним ругаться, он... ну-у-у... отношения испортятся. Отношения продавца с клиентом.

Он упоенно слушал себя. Получалось убедительно.

– Там еще фарш есть, – продолжал он.

– Фарш я взяла детям, – возразила она. – На котлеты.

– Я котлеты люблю. И ты тоже.

Дверь из кухни на двор стояла нараспашку. Сегодня жарко, уже неделю жарко. Он смекнул: ей страшно не хочется поднимать крышку мусорного контейнера. Шугать мух, копаться в помойке.

На ужин были котлеты. Маленькие, но дети не ныли, что им досталось немного. Обошлось.

И делу конец.

Утолил позывы – и будет. Он вспомнил – увидел со стороны – как набросился на мясо, наклонившись над мойкой. Прикрыл глаза, крепко зажмурился: «Только представь, –

велел он себе, – что тебя за этим застукают... Кто-нибудь из детей, жена... Жизнь кончена».

Он задавил в себе жажду. Но через несколько дней она вернулась. И он снова ее задавил. Снова к холодильнику. Ага, отбивные из барашка. Огромным усилием воли заставил свою руку не трогать отбивные. Ухватил упаковку куриных грудок: на полистироловом лотке, затянуты в пленку. Проткнул пленку пальцем, ободрал. Вытряхнул грудки на тарелку и выпил розовую, почти белую кровь. Залпом, с лотка. Немедленно стошнило.

Исцелен. Тошнота, гадливость – лучшее лекарство. Чтоб я еще хоть раз... На следующий день не пошел на работу. Вера пощупала его лоб:

– А вдруг у тебя свиной грипп?

– Куриная оспа, – сказал он. «Ты у меня дикарь».

– Или ветрянка. Хотя ветрянкой ты, наверное, в детстве переболел, – сказала она. – Переболел, да?

– Вроде да.

Она заволновалась:

– От ветрянки у взрослого мужчины может быть бесплодие.

– Я вазэктомию⁸ сделал, – напомнил он. – Три года назад.

– Я забыла.

⁸ *Вазэктомия* – хирургическая операция, при которой производится перевязка или удаление фрагмента семявыносящих протоков (*лат. Vas deferens*) у мужчин (самцов).

– А я вот помню.

Как бы то ни было, он исцелился. Взял себя в руки. Достаточно было только подумать, только вспомнить: вкус куриной крови, полистироловый лоток... Весь день подташнивало. А он нарочно себя доводил. Изводил воспоминаниями, пока не осознал: все путем, теперь я в прочной завязке.

На самом деле ему не кровь была нужна, а железо. Этот вывод он сделал, когда снова вышел на работу и немного полазил в Интернете. Все логично. Сразу от сердца отлегло. Алая коровья кровь – она и на вкус, и даже на вид металлическая, отдает ржавчиной. Вот по чему он на самом деле изголодался – по железу. Организм требует. В последнее время лицо какое-то бледное; перед телевизором в сон клонит, точно старика. Анемия. Все, что ему нужно, – это железо. Он купил себе пакет виноградного сока – дети виноградный не пьют. По дороге с работы зашел в аптеку за препаратом с железом. Но это он зря затеял. Провизорша уставилась на него поверх очков, спросила:

– Вы для кого берете, для жены?

– Мы их вдвоем пьем, – сказал он.

– Мне нужен рецепт от вашего участкового врача, – уперлась провизорша.

– Рецепт на железо?

– Ну да.

Пришлось взять презервативы и пастилки от кашля. На подходе к дому он отчетливо понял: вся эта теория насчет

железа – полная туфта. Зашвырнул пакет с соком в кусты, туда же полетели презервативы. Дети правы: виноградный сок – гадость. А он здоров, как бык: просто крови хочется.

У него есть дети. Это самое главное. Сын и дочка. У него семья, любимая жена, терпимая работа. Работает он в банке, не такая уж большая шишка, чтобы во времена экономического бума получать астрономические бонусы, но достаточная, чтобы бандиты взяли его семью в заложники, а его самого под конвоем отправили открывать банковское хранилище – впрочем, такого еще не случалось. Главное, он нормальный человек. Сорок один год, гетеросексуал, живет в Дублине, любит посидеть с друзьями за пивом: за «Гиннесом», богатым железом напитком; раз в неделю играет в футбол в школьном спортзале с протекающей крышей, спит с женой достаточно часто, чтобы половая жизнь считалась регулярной, хочет не только жену, а много кого, но это так, мимолетные приступы, по большому счету, он никогда не задавался целью завести интрижку, и внезапная бешеная страсть в нем никогда не пробуждалась. Он нормален.

Он принес на работу стейк, уединился в мужском туалете, прикончил мясо, пластиковую упаковку попытался спустить в унитаз. Но пластик болтался на поверхности воды, как раскрытый парашют. Пришлось выудить упаковку, сунуть в карман. Посмотрелся в зеркало: не испачкал ли рубашку и галстук? Никаких следов: он же велел себе не забываться, когда приканчивал мясо в кабинке. Чист, абсолютно нормален, не

к чему придраться. Придвинулся к зеркалу, едва не ткнувшись носом, проверил, не застряли ли между зубов жилки. Нет, все в порядке. Вид цветущий. Он вернулся в офис, пообедал за компанию с коллегами – домашним сэндвичем с авокадо и помидорами: над его холодильником экономический кризис не властен. Самочувствие прекрасное. Лучше не бывает.

Он контролирует свою жажду. Утоляет, когда надо. Сам себе лечащий врач, отличный специалист. Скоро он восполнит дефицит железа в организме и вновь станет самим собой, еще более нормальным.

Потому-то он сам себе удивился, когда полез через забор. Удивлялся, но лез. «Блин, куда это меня понесло?» А ведь отлично понимал, куда и зачем. За кем – за курами, которых соседи завели из-за кризиса. Лезет через забор в три часа ночи. Задача – поймать курицу и откусить ей голову. Кур – или куриц, как правильно? – он увидел в окно, со второго этажа. Собственно, он их каждый день видел, когда задергивал шторы в дочкиной комнате после того, как читал ей перед сном книжку. (Вот видите! Нормальный отец.) Три курицы шлялись по саду, скребли землю. У него они вызвали лютую ненависть. От одной мысли тошнило. Это ж надо: мировая экономика просела, и средний класс начал сажать картошку и морковку, разводить кур и уверять, что не инвестирует в восточноевропейскую недвижимость. А эти, хозяева трех куриц, еще и стали игнорировать его, своего соседа: как же,

работает в банке, значит, лютей враг, злодей. Что ж, пусть эта ленивая стерва прикидывается, что весь день напролет занята с курами. Теперь у нее будет меньше хлопот, на одну курицу меньше: он уже перелез. Совершил беззвучную мягкую посадку – он в хорошей форме, футболист все-таки. И начал подбираться к курам.

Он сознавал, что задумал. Надеялся: в окна загорится свет, на верхнем этаже, а лучше бы – на нижнем, а еще лучше – за забором, в его собственном доме. Чтобы испугаться до колик и одним прыжком перемахнуть обратно. «Я просто хотел разглядеть шаттл. Сегодня он должен пролетать над Ирландией». Уж как-нибудь он бы выпутался: «Хотя, конечно, шаттл над нами зависать не станет», – а сердце бешено колотилось бы об ребра. Испуг заставил бы взяться за ум, продержаться несколько деньков, а то и неделю, пережить выходные.

Но в окна по-прежнему было темно.

А куры кудахтали. «Тут мы, тут».

Он схватил курицу. Легко. Легче легкого. Ночь ясная, видно отчетливо, как днем. Куры стояли рядком, точно девичья поп-группа, какие-нибудь *Supremes*⁹. Чего это их не запирают на ночь в курятник? Дублин славится своими городскими лисами: каждый дублинец может о них порассказать.

⁹ *The Supremes* – американское трио девушек (1959–1977); самый успешный женский музыкальный коллектив; в 1960-е годы чартах были вторыми после легендарных *The Beatles*.

Он и сам недавно видел одну: пару месяцев назад, спокойно прогуливалась по улице, когда он шел домой со станции.

Он ухватил облюбованную курицу, ожидая, что она будет вырываться, клеваться. Но нет, курица устроилась у него на руках, точно котенок. Ох, блин. Держа одной рукой маленькую головку, а другой – голенастые, твердые лапы, он вытянул курицу, точно резинку, поднес ко рту. И куснул... как сумел, так и куснул. Струя крови не бьет, ничего не поддалось. Куриная шея по-прежнему у него во рту. Жилка бьется – он языком чувствует. Курица перепуганно напрягла лапы. Но он не собирался ее пугать – он же не садист. Хотел просто откусить ей голову и припасть к шее. И тут он осознал: нет, духу не хватит. Он не вампир, не вервольф. Но ему нужно утолить жажду, это он понимает. «Доктор, я пытался откусить курице голову». – «Баста, отпусти курицу и лезь обратно», – сказал он себе.

Но тут загорелась лампа, и он вонзил зубы в курицу. Загорелся свет на первом этаже, прямо перед ним. Шея хрустнула, голова отлетела. Крови не было, почти не было – только... э-э-э... кости, хрящи, что-то мокрое. Нельзя плевать. Они же на него пялятся, соседи: сосед, соседка или оба сразу, Джим с Барбарой. Но он действовал проворно и спокойно. Сообразил: им его не видно, потому что свет включен на кухне, а во дворе темно. Хотя, если как следует подумать... а он подумал как следует... они могли заметить его прежде, чем включили свет.

И тут курица, мертвая обезглавленная курица, возмутилась. Писк вырвался из чего-то, что не могло быть клювом, так как голова, откушенная или, как минимум, наполовину откушенная, была у него в руке. Тело он держал за шею, оно выворачивалось. «Отпусти, отпусти».

Он уронил курицу, услышал, как она удирает, и сам бросился наутек. Побежал к забору. Не к своему дому – голова у него все-таки работает. В противоположную сторону, к дому соседей Джима и Барбары с другого бока. Взобрался на забор, запросто перемахнул в чужой двор. Немного посидел на земле: передохнуть, разработать обратный маршрут. Прислушался. Кухонная дверь вроде не скрипела. Курица, видимо, смирилась со своей гибелью. Остальные две курицы то ли ничего не заметили, то ли молча скорбят. Полная тишина.

Спасен. Он сказал себе: «Спасен». Он ругал себя за идиотизм, упивался, ужасался, стыдился содеянного, торжествовал. Спасен. Он поднял глаза к небу. И увидел его – шаттл. Самая яркая звезда плавно плыла поперек ночи. «Эндевор»¹⁰. Так он называется.

Он снова лег в постель.

Она проснулась – сонно пошевелилась. Холод от его ног, матрас прогнулся под его тяжестью.

– Что случилось?

¹⁰ Шаттл «Эндевор» (англ. «Стремление») – многоцветный транспортный космический корабль НАСА, пятый и последний космический челнок; назван так по имени одного из судов Джеймса Кука.

– Ничего, – сказал он. – Вставал посмотреть на шаттл.

– Классно.

И она снова уснула.

– Это было потрясающе, – сказал он ее спине. – Потрясающе.

И поцеловал ее в шею.

И заснул. Взял и заснул, как ни в чем не бывало. Завтра суббота, можно отоспаться.

Проснулся он в постели один. Давно так не бывало, обычно он вставал раньше жены. Самочувствие было хорошее. Лучше не бывает. Перед тем как снова улечься, он тщательно почистил зубы щеткой и зубной нитью: никаких следов курицы. И рот прополоскал: беззвучно, старательно, пока глаза на лоб не полезли. Никакого дурного привкуса во рту. Никаких угрызений совести. Да, он поступил неподобающе, но голос совести вскоре умолк, его заглушило другое беспокойство. Тревожная мысль, с которой он заснул, как с плюшевым мишкой в объятиях, сразу после того как поцеловал жену в шею.

Шея.

Элементарно.

Кровь – это отвлекающий маневр, подстроенный его психикой или, как это называется, сознанием, чтобы затушевать очевидное, гораздо более разумное объяснение. Объект его страсти – не кровь, а шеи. Никакую кровь ему пить не хочется. И никакой анемии у него нет: его кровь богата железом,

как у быка. Банальная, некрасивая правда состоит в том, что ему хочется кусать шеи. Обычный пунктик, из тех, что появляются в зрелом возрасте. И это классно, это здорово, потому что он на середине своего жизненного пути плюс-минус несколько лет.

Секс.

Элементарно.

Ему хочется заниматься сексом со всем живым на планете. Не поймите буквально. Ему хочется заниматься сексом с большей частью живых существ. То есть почти со всеми женщинами. Он нормальный мужчина среднего возраста. Его дни сочтены. Он это и раньше знал. Но раньше знал, а только теперь... вдумался. В году 365 дней. Десять лет – 3650 дней. Тридцать лет – 14600. «Тебе осталось жить 14600 дней. Ага, спасибо». Он улегся на постель и почувствовал себя счастливым. Как только осенило, жажда ушла. С головой у него все в порядке, но определенная сторона его личности взбесилась. Физиология, что ли. Типа того. Живи он в недалеком прошлом, всего на несколько поколений раньше, он бы уже умер или был бы уже безмозглым, беззубым старым пнем. Средний возраст, осень жизни – недавние понятия. Головой он их осмысляет, но физиология – его мужские половые признаки – не в курсе. Согласно физиологии, ему осталось всего несколько лет на трах. И главное, всего несколько лет на продолжение рода. Может, вазэктомия все усугубила, породила панику, исказила восприятие... как знать.

Человеческая психика – странная штука. Захотелось по-трахаться – пошел откусил голову соседской курице.

Он спустился на кухню.

– Вчера ночью к Барбаре забралась лиса. Одну курицу загрызла, – сказала Вера.

– Хм. Неизбежный финал.

– Какой ты бессердечный!

– Лисы есть лисы, – сказал он. – Когда?

– Что?

– Когда это случилось?

– Вчера ночью. Ты ничего не слышал, когда смотрел на шаттл?

– Ничего. Только как астронавты трепались.

Она улыбнулась. «Ты у меня дикарь».

– И о чем они трепались?

– Да так, говорили, что очень любят Ирландию. Как там Барбара?

– Убивается.

– Она случайно не сказала: «Все равно как если бы надо мной надругались»?

– Честно говоря, так и сказала. Но ты гнусный циник, понял? – И Вера засмеялась.

Сошло с рук, заключил он.

Прошло время, снова наступила ночь, и он поцеловал ее в шею. Укусил. Они полчаса дурачились, как дети, и еще полчаса чувствовали эйфорию.

– О-о-о, – сказала она, – хочу добавки.

Ее рука потянулась проверить, готов ли он.

– погоди, я сейчас.

Он спустился на первый этаж, открыл холодильник. Тарелка с двумя макрелями. Заглянул в морозилку, вытащил то, что показалось самым перспективным. Пара свиных отбивных. Положил под кран, пустил горячую воду. Держал, пока целлофановая пленка не отстала. Содрал пленку, набросился на отбивную. Но нет – чересчур смерзлась. Подержал полминуты в микроволновке. А сам надеялся – нет, страшился – что Вера спустится на шум. Потом стоял на кухне у окна, обкусывал края отбивной, а сам надеялся – и страшился, – что Вера войдет и увидит его отражение в стекле: жалюзи опущены, а потом и его самого, и он обернется и покажется ей во всей красе, картина «Ночной перекус вампира», и она каким-то чудом сочтет, что это ее возбуждает или, по крайней мере, укладывается в норму, и простит его, и, как она часто делает, растреплет ему волосы, и, может быть, даже присоединится к его трапезе, а он поведет ее на соседский двор, чтобы изловить кур Барбары, одну ему, другую – ей.

Остатки отбивных он выбросил, встряхнул ведро, чтобы перемешать мусор. Нет, надо выбрать подходящий момент. Очень важен зрительный ряд: одно дело, когда тебя застукали за пожиранием сырых стейков или облизыванием мороженных отбивных, и совсем другое, когда ты приглашаешь спутницу жизни разделить твоё увлечение. Торопить-

ся некуда. Безумная спешка неуместна. И слово *безумный* неуместно: он нормальный человек.

Он вернулся в спальню.

Она ждала его. Но не в постели. Не на постели. Отошла далеко в сторону.

– Что это? – спросила она. И включила свет.

На ее ладони лежала голова. Маленькая такая.

– Куриная голова, – ответил он.

– Где ты ее взял?

– Нашел.

Кретин! Олух! Зачем было прятать ее в комод под носками!

– Это голова Барбары, – сказала она. – Так?

– У Барбары голова чуть побольше.

Шутка не прокатила. Она не улыбнулась. Спросила:

– Ее что, лисица в нашем саду уронила?

Указывает ему путь к бегству, подсказывает правдоподобное оправдание. Но разве этим оправдаешься? Нашел куриную голову и спрятал? Нет, он не станет поддакивать. Это унизительно. Это извращение.

– Нет, – сказал он.

– Тогда... – произнесла она и отвела взгляд. – Что произошло?

– Я ее откусил.

Она снова взглянула на него. Смотрела долго.

– И что ты при этом почувствовал?

– Наслаждение, – ответил он. – Наслаждение.

Перевод Светланы Силаковой

Джойс Кэрол Оутс Окаменелости¹¹

1

В огромном животе, где «тук-тук-тук» огромного сердца слепо перекачивало жизнь. Там, где полагалось находиться одному, было двое: брат-демон, повыше ростом, дико голодный, и второй брат, пониже, а в жидкой тьме между ними – биение, ненадежный метроном: то пульсирует размеренно, то сбивается с ритма, то снова выравнивается, и брат-демон все рос и рос, засасывал все питательное, что поступало в лоно: тепло, кровь, полезные для здоровья минералы, лягался и скакал от упоения жизнью, так что мать, чье лицо оставалось неведомым, чье существование лишь теоретически домысливалось, болезненно кривилась, силилась засмеяться, но лишь мертвенно бледнела, пыталась улыбаться, хватаясь за перила: «Ой! Это мой малыш. Должно быть, мальчик». Ведь она пока не знала, что в ее животе вместо одного двое. Плоть от ее плоти и кровь от ее крови, но двое, не один. Двое, да не ровня друг другу: брат-демон был круп-

¹¹ Печатается с разрешения журнала «Сноб». «Fossil-Figures» by Joyce Carol Oates. Copyright © 2010 by The Ontario Review.

нее и не желал ничего, кроме как высасывать, высасывать, чавк-чавк-чавк, жизнь другого, худого брата, забирать все питательное из жидкой темноты в лоне, всосать в себя целиком худого брата, над которым горбился, точно обнявшись, прильнув животом к искривленному позвоночнику, налегая лбом на мягкие затылочные кости худого брата. Брат-демон не умел говорить, но весь был сплошная жажда: «Зачем тут этот, другой, эта тварь! Зачем он, когда есть я! Есть я, я и только я!» Брат-демон пока не питался через рот, у него еще не было острых зубов, чтобы терзать, рвать и пожирать, он не мог проглотить худого брата, слопать с потрохами, и потому-то худой брат уцелел в раздутом животе, где «тук-тук-тук» огромного сердца перекачивало жизнь слепо, ничего не подозревая до самого часа родов, когда брат-демон пробился наружу из матки головой вперед: вынырнул из пучины, словно изголодавшийся по кислороду водолаз, толкаясь, вереща, силясь возвестить о себе; удивленно вздрогнув, сделал первый вдох и громким голодным голосом заревел, суча маленькими ножками, взмахивая маленькими ручками, лицо сердитое, с пурпурным румянцем, глаза из-под полуприкрытых век смотрят свирепо, на красном младенческом тмени – пряди поразительно темных и жестких волос. «Мальчик! Мальчик – девять фунтов! Ах, красавец, ах, молодчина!» В пелене маслянистой материнской крови, блистающий, точно пленный огонь, резко вскрикнул, осатанело взбрыкнул ногами, когда одним сноровистым движением перереза-

ли пуповину. И вдруг – какая неожиданность! Неужто?! – в лоне матери еще один ребенок, только совсем не красавец: заморыш, облепленный сгустившейся кровью, крошечный старичок с морщинистым лицом, исторгнутый из матери после четырнадцатиминутного кряхтения, в финальном спазме слабеющих схваток. «Еще один! Еще один ребенок, тоже мальчик!» – но до чего же крохотный, дистрофик, пять фунтов восемь унций, и почти весь вес приходится на голову, головку-луковку с синими прожилками; по коже разлит пурпурный румянец, на левом виске вмятина от щипцов, веки склеены кровавым гноем, крохотными кулачками еле взмахивает, крохотными ножками еле сучит, крохотные легкие в малюсенькой грудной клетке еле-еле втягивают воздух: «Ох, бедняжка, видать, не жилец!» Крохотная впалая грудь, крохотный позвоночник словно свернут набок, вместо крика – какое-то придушенное бляение. От презрения брат-демон рассмеялся. Заняв свое место у материнской груди, чавк-чавк-всасывая питательное материнское молоко, брат-демон все смеялся, презрительно и оскорбленно: «Зачем здесь другой, зачем этот, зачем “брат”, зачем “близнец”, когда есть я. Есть только я!»

И все же не один: двое.

Со скоростью цунами неслось детство у брата-демона, который во всем был первым. Со скоростью ледника ползло оно у худого брата, который во всем отставал от близнеца. На брата-демона взглянуть было приятно: неизбывный жар

новорожденного, вечно в протуберанцах энергии, в каждой его молекуле пульсировала жизнь, пульсировал голод: «Я-я-я!» Худой брат часто болел: легкие заполняла мокрота, давал сбои крохотный сердечный клапан, не желали крепнуть кости искривленного позвоночника, не желали крепнуть кости кривых ножек, анемия, отсутствие аппетита, череп едва заметно изуродован щипцами акушера, и плач глухой, блеющий, почти неслышный: «Я? я?» Ибо брат-демон во всем был первым. В общей кровати близнецов первым перевернулся на животик, и первым – на спинку. Первым начал ползать. Первым встал, пошатываясь, на ножки. Первым зашагал, изумленно таращась по сторонам, упиваясь своим новым вертикальным положением. Первым сказал «мама». Первым впитывал, глотал, высасывал пищу изо всего на своем пути, таращась зачарованно и алчно, и его первое «мама» было не мольбой, не обращением, а приказом: «Мама!» Худой брат брал пример с брата-демона, но сильно отставал: движения неуверенные, координация ног и рук плохая, даже наклон головы какой-то нездоровый, она болталась над хилыми плечами, глаза быстро моргали, близоруко смотрели в никуда; черты лица какие-то смазанные по сравнению с братом-демоном, о котором говорили с гордостью: «Вот бутуз!», а о худом шептались: «Бедняжка! Но все-таки подрастает». А иногда: «Заморыш! Но улыбка такая милая, такая печальная...» В раннем детстве худой брат часто болел, несколько раз попадал в больницу (анемия, астма, легочная гипе-

ремия, мерцание предсердий ввиду недостаточности сердечного клапана, вывихи), и в эти промежутки брат-демон, казалось, вовсе не скучал по худому брату – наоборот, упивался безраздельным вниманием родителей, становился все выше и сильнее, и скоро неудобно стало называть братьев близнецами, даже с уточнением, что они разнояйцевые, – собеседники смотрели растерянно, недоуменно улыбались: «Близнецы? Seriously?» Ибо к четырем годам брат-демон стал на несколько дюймов выше худого, а у того позвоночник все кривился, грудь была впалая, глаза слезились, моргали, смотрели в никуда, и складывалось впечатление, что они вовсе не близнецы, просто братья: один старше другого года на два-три и намного крепче здоровьем. «Естественно, мы любим наших мальчиков одинаково». Когда их укладывали спать, брат-демон погружался в сон мгновенно, как камень в темную воду, успокаивался на дне, в мягком темном иле. Когда их укладывали спать, худой брат лежал с открытыми глазами, его руки и ноги, тонкие, как тростинки, нервно подергивались: сон страшил его, как может страшить погружение в бесконечность («Даже в раннем детстве я сознавал, что бесконечность – колоссальная бездонная пропасть у нас в головах, сквозь которую мы проваливаемся всю жизнь, проваливаемся, безымянные, безликие и безвестные, и со временем в этой пропасти теряется даже любовь наших родителей. Теряется даже любовь наших матерей. И память, начисто»); просыпался от неглубокого мучительного сна, точно в

лицо била волна с шапкой пены: силишься сделать вдох, задыхаешься, кашляешь – это брат-демон высосал почти весь кислород в комнате, нечаянно, потому что у него могучие легкие, и дышит он полной грудью, и обмен веществ у него быстрый, вполне естественно, что брат-демон глотает весь кислород в комнате, где родители каждый вечер, укладывая сыновей спать, укрывают их одеялами на одинаковых кроватях, обоих целуют, обоим говорят: «Мы тебя любим», – а ночью худой брат просыпается от кошмарного сна об удушье, слабые легкие отказываются функционировать, он испуганно хнычет, еле-еле скатывается с кровати, еле-еле выползает из комнаты в коридор, взывая о помощи, теряет сознание на полпути между своей комнатой и родительской спальней, и там, спозаранку родители его и находят.

– Даже эта жалкая жизнь силится спастись от смерти! – с презрением припоминал брат-демон.

«Естественно, мы любим Эдгара и Эдварда одинаково. Они оба – наши детки».

Брат-демон знал, что эти уверения лживы. Но его изводила мысль, что когда родители лгут, а лгали они часто, слушатели верят. А худой брат – чахлый, с впалой грудью, кривым позвоночником, хриплой одышкой астматика, мечтательными слезящимися глазами и милой улыбкой – тот хотел верить. Чтобы он не обольщался, брат-демон взял привычку набрасываться на него, когда их оставляли одних: толкал, пихал, валил на пол, а когда худой брат пытался перевести дух

и запротестовать, сдавливал коленями, сжимал хрупкие ребра, точно тисками, бум-бум-бумкал засушенного уroda головой об пол, заткнув ему рот потной шершавой ладонью, чтобы не звал на помощь: «Мама, мама, мама!» – точно блевание умирающего ягненка, так что мать в другой комнате, на нижнем этаже ничего не слышала в блаженном неведении, не слышала бум-бум-бум головы худого по ковру в комнате мальчиков, пока наконец худой брат не обмякал, не переставал сопротивляться, больше не пытался дышать, и его изможденное личико не синело, тогда брат-демон сменял гнев на милость, отпускал брата, победоносно пыхтя.

– Я мог бы тебя убить, урод. И убью, если расскажешь.

За что? А зачем их двое, а не один? «Несправедливо, нелогично», – чувствовал брат-демон то же, что и в лоне матери.

Школа! Столько лет. В школе брат-демон, которого звали Эдди, во всем был первым. А худой брат, которого звали Эдвард, отставал. Уже в начальной школе братьев воспринимали не как близнецов, а как просто братьев, или родственников, или даже однофамильцев.

«Эдди Уолдмен. Эдвард Уолдмен. Но никто никогда не видел их вместе».

В школе Эдди был кумиром одноклассников. Его обожали девочки, им восхищались, и ему подражали ребята. Он был рослый. Здоровяк. Прирожденный лидер, атлет. Поднимал

руку, и учителя бросались к нему. Ниже четверки никогда не получал. Улыбка искренняя, лукавая, ямочки на щеках. Имел обыкновение неотрывно смотреть в глаза. В десять лет Эдди научился пожимать взрослым руки и представляться: «Привет! Я Эдди!» В ответ – очарованные улыбки: «Какой умница, развит не по годам!», и – это уже родителям брата-демона: «Как вы, должно быть, гордитесь сыном», – словно у них был один сын, не двое. В шестом классе Эдди баллотировался в президенты класса и победил на выборах с большим отрывом.

– Я твой брат, помни обо мне!

– Ты мне никто. Проваливай!

– Но я в тебе. Куда мне деваться?

Худой брат, Эдвард, еще в начальной школе отстал от своего близнеца. Беда была не в учебе: Эдвард был умен, сметлив, любознателен и часто получал пятерки, если удавалось доделать домашнее задание. Беда была в состоянии здоровья. В пятом классе он пропустил столько уроков, что пришлось остаться на второй год. Слабые легкие. Он легко простужался. Слабое сердце. В восьмом классе несколько недель пролежал в больнице после операции на сердечном клапане. В десятом с ним произошел «на редкость досадный несчастный случай», единственным очевидцем которого был брат Эдди: дома Эдвард упал с лестницы, сломал правую ногу в двух местах, включая колено, а заодно правую руку и несколько ребер, вдобавок повредил позвоноч-

ник, и с тех пор неуклюже прыгал на костылях, кривясь от боли. Учителя обращали на него, младшего из братьев Уолдменов, особое внимание. Сочувствовали, жалели. В старших классах он стал учиться еще более неровно: иногда получал пятерки, но в основном тройки и двойки. Домашние задания оставались недоделанными. На уроках худому брату, казалось, было трудно сосредоточиться: он или места себе не находил от боли, или, одурманенный лекарствами, глядел в пространство, плохо сознавая, где он и зачем. Когда же чувствовал себя бодро, то, низко нагнувшись к тетрадке, – а тетрадки у него были нестандартно большие, на спирали, с нелинованными страницами, скорее альбомы, – вечно что-то рисовал или писал; наморщив лоб, закусив нижнюю губу, уходил в собственный мир, игнорировал учителя и одноклассников: «Срываясь в бесконечность, в закоулки времени, в изгиб пера – на волю!» Писать мог только черным фломастером с тонким кончиком. И только в тетрадях в черно-белой обложке с «мраморным» узором. С первого раза учителя никак не могли его дозваться: только после нескольких окликов «Эдвард!» в его глазах вдруг вспыхивал свет, точно спичкой чиркнули, и робость сменялась чем-то вроде обиды или возмущения: «Оставьте меня в покое, чего пристали, я не из ваших».

Когда братьям исполнилось восемнадцать, Эдди был учеником выпускного класса, завтрашним студентом, президентом своего класса и капитаном футбольной команды, «са-

мый многообещающий» – написали о нем в школьном альманахе. Эдвард отставал от брата на класс и слыл двоечником. Он приезжал в школу на инвалидной коляске: мать привозила; из-за грыжи межпозвоночного диска у него постоянно болела спина, прямо в инвалидной коляске его устраивали в правом переднем углу класса, у учительского стола; изломанная, уродливая фигурка с лицом изможденного младенца, бледно-восковой кожей и дряблыми губами, ключущая носом от болеутоляющих или увлеченная своими тетрадками: он только прикидывался, что конспектирует, а сам рисовал странные силуэты – человекоподобные геометрические фигуры, который словно сами, без его участия, соскакивали с кончика черного фломастера.

Весной Эдвард, сраженный бронхитом, перестал посещать занятия да так и забросил школу: его официальное образование оборвалось. Тем временем Эдди Уолдмен получил приглашения из дюжины университетов, предложивших ему спортивные стипендии, и благоразумно выбрал самый престижный, по мнению научных кругов: он заранее наметил, что после бакалавриата получит юридическое образование.

«Похожи, точно тень и предмет, который ее отбрасывает». Тенью был Эдвард.

Отныне братьев уже не объединяла общая комната. Братьев даже не объединяла бывшая жестокая привычка брата-демона: желание навредить худому близнецу, высосать из воз-

духа весь кислород, проглотить худого брата в один присест. «Зачем здесь этот другой, эта дрянь! Зачем он, когда есть я!»

И вот что странно: по общности тосковал худой. Никто не оставил в его душе такого глубокого отпечатка, как брат, ни с кем у него не было столь тесных и бурных отношений. «Я в тебе, я твой брат, люби меня». Но Эдди с хохотом отстранился. Пожал руку чахлому брату, к которому не испытывал никаких чувств, кроме легкой брезгливости и почти неосязаемого укола совести, попрощался с родителями, великодушно позволил обнять себя и расцеловать – и уехал, улыбаясь в предвкушении большой жизни, зная, что не планирует возвращаться в родной город и в родной дом, разве что для проформы, мимолетным гостем, который через несколько часов начинает скучать, ерзать, спешит сбежать в свою настоящую жизнь – вдалеке отсюда.

2

Теперь, когда им перевалило за двадцать, братья виделись редко. По телефону вообще никогда не разговаривали. Эдди Уолдмен получил диплом юриста. Эдвард Уолдмен, как и прежде, жил с родителями. Эдди шел в гору: ему предложили работу в солидной юридической фирме в Нью-Йорке. У Эдварда открывались все новые проблемы со здоровьем. Отец развелся с матерью, как показалось, внезапно и загадочно: у него тоже обнаружилась «настоящая» жизнь вдали

от дома. Эдди под покровительством видного политика-консерватора занялся политикой. Эдвард, измученный болями в спине, почти не покидал инвалидной коляски. Мысленно проделывал арифметические вычисления, представлял себе уравнения, где сочетались арифметическое, символическое и органическое, воображал музыку, молниеносно заполнял большие листы ватмана несусветными, тщательно прорисованными геометрическими и человекоподобными фигурами в антураже, напоминающем творчество сюрреалиста де Кирико и визионера Эшера¹². «Наши жизни – ленты Мебиуса¹³, одновременно мучение и чудо. Наши судьбы бесконечны и бесконечно повторяемы».

В респектабельном пригороде легендарного американско-

¹² *Джорджо де Кирико* (1888–1978) – итальянский художник, близкий к сюрреализму; *Мауриц Корнелис Эшер* (1898–1972) – нидерландский художник-график, самый яркий представитель имп-арта; известен прежде всего своими концептуальными литографиями, гравюрами на дереве и металле, в которых исследовал пластические аспекты понятий бесконечности и симметрии, а также особенности психологического восприятия трехмерных объектов.

¹³ *Лента (петля) Мебиуса* – некая неориентируемая односторонняя поверхность, вложенная в обычное трехмерное евклидово пространство. Для того чтобы попасть из одной ее точки в любую другую, не требуется пересекать края; была открыта одновременно и независимо немецкими математиками Августом Фердинандом Мебиусом (1790–1868) и Иоганном Бенедиктом Листингом (1808–1882) в 1858 году. Для того чтобы сделать модель ленты Мебиуса, надо взять длинную бумажную полоску и соединить ее концы, предварительно перевернув один из них. В евклидовом пространстве существуют два типа лент Мебиуса в зависимости от направления закручивания: правые и левые (топологически они неразличимы).

го города, в квартале огромных дорогих особняков дом Уолдменов – обшитый тесом коттедж в колониальном стиле на участке площадью в два акра – начал приходить в упадок.

Нестриженный газон оцетинился колючками, на гнилой кровельной дранке вырос мох, на дорожке скапливались газеты и рекламные листовки. Мать, когда-то общительная женщина, ожесточилась, стала подозрительно коситься на соседей. Начала жаловаться на здоровье. Говорила: «Как сглазили». Мать осознала: отец развелся не с ней, а с горбатым, скукоженным сыном, который с тоской и преданностью смотрит слезящимися глазами, который никогда не вырастет, никогда не женится, до конца своих дней будет осатанело калякать свои блажные бесполезные «рисунки». Мать часто звонила другому сыну – своей гордости, своему кумиру. Но Эдди вечно был в разъездах и редко перезванивал матери в ответ на ее сообщения на автоответчике. Через некоторое время, лет через десять, мать умерла. В обветшавшем доме (изредка навещаемый горсткой сердобольных родственников) Эдвард жил отшельником в двух-трех комнатах нижнего этажа; в одной из комнат, как умел, устроил себе мастерскую. Мать, умершая с ожесточенным сердцем, оставила ему достаточно денег, чтобы он мог жить один и посвящать себя творчеству; он нанял горничную, которая иногда прибиралась или хотя бы пыталась это сделать, а также ходила в магазин и готовила еду. «Свобода! Мучение и чудо!» На огромные холсты Эдвард переносил из своих снов

странные фигуры, окруженные галактиками силуэтов-иероглифов, писал цикл под названием «Окаменелости». Эдвард верил – ему это открылось однажды, в момент, когда спину скрутила боль, – что мучение и чудо в жизни взаимозаменяемы и должны уравнивать друг друга. Так для больного брата, который был не больным, но блаженным, с лихорадочной скоростью бежало время. Время было лентой Мёбиуса, текло по замкнутому кругу: шли недели, месяцы и годы, но художник в своем творчестве не становился старше. (Его физическое тело – может быть. Но Эдвард отвернул все зеркала к стене, ничуть не интересуясь тем, как нынче «выглядит» Эдвард.) Отец тоже умер. Или исчез – что одно и то же. Родственники перестали заходить – возможно, умерли. «В бесконечность, которая есть забвение. Но мы из этой бесконечности рождаемся: для чего?» Наступила, словно в одночасье, эпоха Интернета. Теперь даже самый одинокий и отвергнутый миром человек не обязательно становился отшельником. По Интернету Э. У. общался с товарищами – родственными душами, разбросанными по разным уголкам киберпространства. Родственных душ всегда было немного, но потребности Э. У. были скромны, о большой славе для своих работ он не мечтал, и внимания немногих ему вполне хватало; очарованные «Окаменелостями», которые он вывешивал в Сети, они приценивались и покупали работы (иногда на одну претендовали сразу несколько человек, и цены назначались неожиданно высокие). Некоторые галереи вы-

зывались выставлять произведения Э. У. (так называл себя художник), а мелкие издательства – выпускать его альбомы. Так-то в последние годы двадцатого века Э. У. сделался культовым деятелем андеграунда. О нем рассказывали, будто он прозябает в нищете или, напротив, баснословно богат. Не то отшельник-калека, живущий один в запущенном старом доме, в запущенном теле, не то – вот ведь как перевернули! – человек известный и солидный, предпочитающий не афишировать свою творческую ипостась. «Один, но никогда не одинок. Разве близнецу бывает одиноко? Нимало, пока на свете есть его второе “я”».

Братья вообще не общались, но на телеэкране, случайно, когда Эдвард порой щелкал пультом, словно продвигаясь вскачь в ледяном межгалактическом пространстве, он наткнулся на лицо своего потерянного брата: тот произносил пламенные речи («святость жизни» – «мы за жизнь» – «семейные ценности» – «патриоты Америки») перед восторженными толпами, давал интервью, улыбался в объектив с жаркой уверенностью богоизбранного. Брат-демон избирался в конгресс США от округа в соседнем штате – худой брат и не подозревал, что тот там живет; брат-демон стоял рядом с приятной молодой женщиной, держа ее за руку: жена, миссис Эдгар Уолдмен, – худой брат и не подозревал, что тот женился. Брата-демона взяли под покровительство влиятельные богачи-старейшины. В политических партиях старейшины ищут молодых, которые продолжили бы их ли-

нию, подхватили «традицию». В данной политической партии «традиция» была равнозначна экономическим интересам. Такая уж политика брала верх в те времена. Наступила эпоха «я». «Я, я, я! Я и только я, и никого кроме!» Телекамеры панорамно запечатлевали полные залы обожающей публики, samozабвенные овации. Ибо в крике «я!» люди по слепоте своей жаждут расслышать «мы». Даже в самых примитивных, гневных и бездушных божествах человечеству мерещатся «мы». В самых отдаленных галактиках, абсолютно пустых бесконечностях – есть эта извечная тоска по «мы».

Итак, Эдвард, покинутый брат, горбился в своей инвалидной коляске, глядел на брата-демона, мелькавшего в телевизоре, без малейшей досады, даже без отчужденности, с какой взирают на существо иной породы, а с давнишней, неуместной преданностью и тоской: «Я брат твой, я в тебе. Где мне еще быть?»

Непреложный факт: братьев объединял день рождения. Даже после их смерти этот факт останется неизменен. Двадцать шестое января. Глухая зима. Каждый год в этот день братья думали друг о друге столь отчетливо, что каждый, верно, воображал другого рядом – сбоку или за спиной, дыхание брата на щеке, призрачное объятие. «Он жив, я его чую», – думал Эдвард с дрожью предвкушения. «Он жив, я его чую», – думал Эдгар с дрожью отвращения.

Наступило то двадцать шестое января, когда братьям исполнилось сорок лет. А через несколько дней на выставку Э. У. – новую выставку «Окаменелостей» в нью-йоркской галерее среди складов близ набережной Гудзона, на перекрестке Вест-стрит и Канал-стрит – после выступления на одном политическом мероприятии в Манхэттене пришел конгрессмен Эдгар Уолдмен. Пришел один, у тротуара его ждал лимузин с федеральными номерами. Удовлетворенно отметил, что залы галереи почти безлюдны. Раздраженно отметил, что старый растрескавшийся линолеум липнет к подошвам его дорогих туфель. Красавец-конгрессмен был в непроглядно-черных очках, ни на кого не смотрел, опасаясь быть узнанным в этой дыре. Пуще всего опасался увидеть брата-калеку – «Э. У.», которого не видал почти двадцать лет, но полагал, что узнает с первого взгляда, хотя к тому времени близнецы – «разнойцевые близнецы» – стали окончательно непохожи. Эдгар ждал, что вот-вот увидит скукоженного лилипута в инвалидной коляске, преданный взгляд слезящихся глаз и задумчивую улыбку, которая доводила до белого каления, вызывала желание наброситься с кулаками, выражала готовность простить того, кто вовсе не нуждался в прощении. «Я брат твой, я в тебе. Люби меня!» Но в галерее никого не было. Только работы Э.У., которые были

жеманно обозначены как «картины в технике коллажа». В этих так называемых «Окаменелостях» не было ни тени красоты: даже холсты, на которых картины писались, были какие-то засаленные и обтрепанные, а стены, на которые их (неровно) развесили, были в каких-то потеках, словно с железа, которым были обиты потолки, сочилась ржавчина. Что это за картины, испещренные образами из снов – кошмарных, кстати – геометрическими, но человекоподобными фигурами, перетекающими одна в другую, точно полупрозрачные кишки, что же это за картины, оскорбившие до глубины души конгрессмена, который почуял «иронический подтекст/извращение/диверсию» в этом невнятном искусстве, а то, что невнятно, – либо «бездуховно», либо «вражеские козни». Самое мерзкое, что «Окаменелости», казалось, дразнили зрителя – по крайней мере, данного конкретного, – побуждали разгадывать ребусы, а у него на ребусы нет времени, дочь богача, на которой он женился ради карьеры, ждет его в «Сент-Реджисе», и сюда, на угол Вест и Канал, конгрессмен Уолдмен заглянул мимоходом, неофициально. Протер глаза, чтобы лучше рассмотреть картину, изображающую ночное небо, далекие галактики и созвездия, как-то даже по-своему красиво: солнца, лопааясь яичными желтками, пожирали солнца поменьше, кометы в форме... сперматозоидов – горящих сперматозоидов? это как? – сталкивались с сияющими голубоватыми водяными шарами планет; а из шершавой поверхности холста выступало нечто столь неожиданное,

столь уродливое, что конгрессмен ошарашенно попятился: гнездообразный нарост? опухоль? состоит из пластилиновой плоти и темных всклокоченных волос? и молочные зубы, в форме улыбки? а это, вразброс – детские косточки? Окаменелость, вот что это было. Иностранное тело, извлеченное из человеческого организма. Нечто крайне уродливое, обнаруженное в полости тела уцелевшего близнеца. Мумифицированная душа близнеца, который так и не сделал свой первый вдох. Ошалевший, передергиваясь от отвращения, конгрессмен повернулся спиной. Дальше шел как в тумане, мысленно проклинал и отпирался. Замечал, что некоторые полотна красивы – ой ли? – или же, напротив, все до единого уродливо, непристойны, если знаешь шифр, – и не мог отделаться от предчувствия, что ему грозит опасность, что-то стряется, и действительно (против статистики не попрешь) в этот раз его переизбрали в конгресс с меньшим отрывом, чем в прошлые, это была победа, пророчащая поражение. Лабиринт залов замкнулся в кольцо, привел обратно к началу экспозиции, за стеклянной стойкой – скучающая девушка с мертвенно-бледной кожей, с блестящим от пирсинга лицом; сотрудница, наверно, и он спросил у нее голосом, дрожащим от негодования, считаются ли эти смехотворные «окаменелости», так сказать, «искусством», и она вежливо ответила, что да, конечно, все, что выставляет галерея, – это произведения искусства, а он спросил, финансируется ли выставка из бюджета, но не успокоился, узнав, что нет, не финансиру-

ется. Он спросил, кто такой «так называемый художник» Э. У., девушка ответила уклончиво: мол, с Э. У. лично никто не знаком, только владелец галереи виделся с ним однажды, Э. У. живет один где-то за городом, в городе никогда не бывает, даже проверить, как развесили картины, не приезжал, и, кажется, его ничуть не волнует, по каким ценам продаются его работы и продаются ли вообще. «У него какая-то прогрессирующая болезнь типа мышечной дистрофии или болезни Паркинсона, но, насколько мы знаем, Э. У. жив. Он жив».

«И я от тебя не уйду. Наоборот – ты сам ко мне придешь». Каждый год наступает двадцать шестое января. Однажды в очередной год очередной бессонной ночью Эдвард нервозно переключает каналы и с удивлением видит внезапный крупный план – Эдгар? Брат-демон Эдгар? Сюжет из дневного выпуска новостей, который теперь, среди ночи, повторяют, вдруг на экране – гипертрофированная голова мужчины, лицо с мясистым подбородком, стареющее лицо, отчасти скрытое темными очками, блестит маслянистый пот, выставленная ладонь: оскандалившийся конгрессмен заслоняется от преследователей – стаи репортеров, фотографов и телеоператоров, полицейские в штатском проворно вводят конгрессмена Эдгара Уолдмена в какое-то здание. «Предъявлены обвинения в многочисленных взятках, нарушениях федерального законодательства при проведении избирательных кампаний, лжесвидетельстве перед большим жури присяжных федерального суда». Дочь богача подала на развод,

мельком – улыбка, оскаленные зубы. В родительском доме, где Эдвард живет в нескольких комнатах нижнего этажа, он пялится на экран, на котором растаял образ потерянного брата, толком не понимая, что это за стук в висках – то ли глубокий шок, боль, которая наверняка пульсирует в теле брата, то ли его собственная радость и восторг. «Теперь он ко мне придет. Вот теперь он от меня не отречется».

4

Так и вышло. Брат-демон вернулся домой, к близнецу, который его дожидался. Ибо теперь он познал: «Не один, но двое». В большом мире он поставил свою жизнь на кон и проиграл, а теперь отступит восвояси, вернется к брату. Отступая, мужчина отбрасывает гордость: покрыт позором, разведен, разорен, с искрой безумия в поблекших голубых глазах. Обрюзгшие щеки в темном серебре щетины, нервный тик правой руки, которая в федеральном суде поднималась, чтобы поклясться, что Эдгар Уолдмен будет говорить правду, всю правду и ничего, кроме правды. «Да, клянусь», – и в мгновение ока для него все кончилось, и к горлу подступил комок с привкусом желчи. И все равно – изумление. Не верится. Лицо – сплошная эрозия, комок глины, изборожденный ручьями и ветрами. И этот блеск безумия в глазах. Я?

Отступление, возвращение в родительский дом, которого чурался годами. Покинутый, искалеченный младший брат,

живущий один с тех пор, как не стало матери, уже много лет. В молодости он всегда считал, что время – течение, которое мчит его вперед, в будущее, а теперь понял: время – прилив, неумолимый, непреклонный, неудержимый: вода доходит уже до щиколоток, уже до колен, уже до бедер, до паха, до пояса, до подбородка и все еще прибывает и прибывает, темная вода полной непостижимости, тащит нас не в будущее, но в бесконечность, которая есть забвение. Вернуться в пригород, где ты родился, в дом, которого чурался десятки лет, увидеть со стесненным сердцем, как все переменялось: многие особняки превращены в многоквартирные дома или офисы, почти все платаны вдоль улицы стоят с обрубленными кронами, если вообще уцелели. И вот он, старый дом Уолдменов, когда-то гордость матери, когда-то величаво-белый, теперь посеревший от дождей, с перекошенными ставнями, прогнившей крышей и буйными джунглями вместо газона, замусоренными, точно люди здесь давно не живут. Эдгар не смог связаться с Эдвардом по телефону: в телефонной книге Эдвард Уолдмен не значился, и сердце заколотилось в груди, волной подступило отчаяние: «Поздно, он умер». Робко постучаться в дверь парадного входа, прислушаться, не реагируют ли внутри, снова постучать, погромче, расшибая костяшки, и наконец изнутри слабое блеяние: кто там? «Это я». Медленно, точно через силу, дверь растворилась. И в проеме, в инвалидной коляске, как Эдгар и воображал, но не такой одряхлевший, как воображал

Эдгар, – брат Эдвард, которого он не видел больше двадцати лет: ссохшийся человек неопределенного возраста с узким, бледным, изможденным, но без единой морщины лицом, лицом мальчишки, волосы, как и у Эдгара, подернуты проседью, одно костлявое плечо выше другого. Блекло-голубые глаза прослезились, он смахнул слезы обеими руками, ребрами ладоней, и скрипуче, точно давно не разговаривал, произнес: «Эдди. Входи».

...Когда именно это случилось, достоверно установить не удалось, тела, промерзшие и мумифицированные, обнаружили на кожаном диване, на котором была разостлана постель. Он стоял в одном футе от камина с горой золы в комнате на нижнем этаже старого обитого тесом коттеджа в колониальном стиле, в комнате, забитой мебелью и, видимо, многолетними наслоениями мусора, которые, однако, могли быть и художественными принадлежностями или даже произведениями художника, эксцентричного творца, известного под псевдонимом Э. У.; престарелые братья Уолдмен, напялив на себя по несколько свитеров и курток, вероятно, заснули у камина в доме, где не было других отопительных приборов; вероятно, ночью огонь погас, и братья умерли во сне в период затяжного январского похолодания: брат, в котором опознали Эдгара Уолдмена, восьмидесяти семи лет, обнимал своего брата Эдварда Уолдмена, также восьмидесяти семи лет, сзади, заботливо прижавшись своим телом к ис-

калеченному телу, ласково прикинув лбом к его затылку, две фигуры слились воедино, точно аморфный сгусток органического вещества, обратившийся в камень.

Перевод Светланы Силаковой

Джоан Харрис¹⁴

Пожар на Манхэттене

Зовите меня Ловкий. Вообще-то имя у меня другое, но звучит похоже¹⁵. Живу неподалеку, на Манхэттене – занимаю пентхаус в одном отеле у Центрального парка. Я образцовый гражданин, хоть в фас, хоть в профиль: учтив, чисто-плотен, пунктуален. Одеваюсь элегантно. Грудь у меня безволосая благодаря регулярной эпиляции. Ни за что не догадаетесь, что перед вами бог. Малоизвестный факт: старые боги когда-нибудь да умирают, совсем как старые доги. Просто у богов этот процесс тянется дольше: между тем цитадели берут измором, империи распадаются, планеты гибнут, и ребята вроде нас оказываются на погребальном костре, никому не нужные, почти забытые.

Я, похоже, везучий. Моя стихия, огонь, никогда не выходит из моды. Кое-какие из моих Обличий доньше сохранили могущество, поскольку вы, Народ Человеков, в душе – чистые дикари; верно, жертвоприношения мне приносят не так часто, как прежде, но я в два счета заставлю себя уважать, если пожелаю (а кому не хочется уважения?), едва стемнеет

¹⁴ «Wildfire in Manhattan» by Joanne Harris. Copyright © 2010 by Frogspawn, Ltd.

¹⁵ *Локи* – в германо-скандинавской мифологии бог огня, также упоминается как бог хитрости и обмана.

и запылают походные костры. Вспышки сухих гроз над прериями – тоже мои, и лесные пожары, и ритуальное сожжение покойников, и случайные искры, и самоубийцы с бензином и спичками. Все мои! Впрочем, здесь, в Нью-Йорке, я – Лес Жарр, вокалист рок-группы «Лесов ПоЖарр». Одно слово, что «группы». На нашем счету всего один альбом. Называется «Дотла». Всего один, зато платиновый. Стал платиновым после трагедии – нашего ударника разразило громом прямо на сцене. Удар молнии. Нелепая случайность.

Случайность. Ой ли? Во время нашего единственного тура по Штатам грозы вились у нас над головами: на тридцать одной площадке из пятидесяти молнии били прямо в здание; за девять недель мы лишились еще трех ударников, шести техников и грузовика с аппаратурой. Даже я начал думать, что перегнул палку.

Но это было супершоу!

Теперь я музыкой не зарабатываю. Могу себе позволить: из всей группы нас уцелело двое, включая меня, и авторские мы получаем неплохие. Когда становится скучно, я бренчу на рояле в баре фетишистов «Красная комната». Не то чтобы мне очень нравился латекс (я в нем потею), зато от электричества изолирует прекрасно.

Наверное, вы уже догадались, что я веду ночной образ жизни. При дневном свете мне как-то все не в кайф. И вообще, ночное небо – самый выигрышный фон для огня. Вечер проходит в «Красной комнате» – наигрываю мелодии, гла-

зею на барышень. Оттуда – в центр: побродить, расслабиться. Мой брат предпочитает другие маршруты. Потому-то я немного удивился, когда в ту ночь столкнулся с ним нос к носу в Верхнем Ист-Сайде. Иду себе, присматриваюсь к сухим, как порох, домишкам, мурлычу «Light My Fire»¹⁶ в расуждении устроить какой-нибудь маленький поджог...

Как, я вам еще не говорил? Да, в моем нынешнем Обличье у меня есть брат. Брендан. Близнец. Видимся мы редко: между Природным Пожаром и Огнем Домашнего Очага не так уж много общего. Я люблю зажигать на вечеринках, а Брендану не по душе такой стиль жизни. Ему бы все печь да варить. Это ж надо, бог огня – и вдруг содержатель рестораника! Сгораю со стыда! Впрочем, пусть его. Каждый сходит с ума по-своему. Между прочим, он лучше всех в городе жарит стейки на открытом огне.

Шел первый час ночи. В голове у меня слегка шумело... правда, вы бы и не заметили, что я выпивши. На улицах – полная тишина... насколько такое возможно в городе, который никогда крепко не засыпает. Под пожарной лестницей – составленные вместе картонные коробки: ночлег бродяг. В помойном баке рылся кот. Как и положено в ноябре, пар валит из канализационных решеток и оседал на тротуары холодной сверкающей испариной.

¹⁶ «Light My Fire» (англ. «Загни мой огонь») – песня с дебютного альбома американской рок-группы *The Doors*; вышла синглом в апреле 1967 года; три недели занимала первое место в хит-параде.

Я увидел Брендана, когда переходил улицу на перекрестке Восемьдесят Первой улицы и Второй авеню у венгерской мясной лавки. Знакомая фигура с огненными волосами, заправленными под воротник длинного серого пальто. Высокий, стройный, стремительный, как артист балета; его почти простительно было бы спутать со мной. Но при ближайшем рассмотрении все становится ясно: у меня один глаз красный, другой зеленый, а у него один зеленый, другой красный. И вообще, такие ботинки, как у него, я не надел бы даже под дулом пистолета.

Я жизнерадостно приветствовал его:

– Эй, у тебя ничего не подгорает?

Он обернулся. Вид затравленный.

– Тсс! Прислушайся.

Любопытно. Ну да, мы никогда особо не ладили, но обычно он здороваается, прежде чем читать мне нотации.

И тут он произнес мое истинное имя. Приложил к губам палец. Потасил меня в подворотню, воняющую мочой.

– Привет, Брен. Что стряслось? – прошептал я, поправляя лацканы пиджака.

Вместо ответа он указал подбородком на почти безлюдный переулок. В тени – двое мужчин в долгополых пальто и низко надвинутых на лоб шляпах, фигуры какие-то прямоугольные, лица узкие, одинаковые. У бордюра оба на секунду замерли, глянули налево, направо, перешли улицу. Движения слаженные, легкие, проворные. Они канули в ночь,

точно волки.

– Ясно. – Нутром чую: эту парочку я вижу не впервые. В других краях, в другом Обличье я знавал их, а они – меня. Поверьте на слово: люди они только с виду. Под пальто, как у мультяшных сыщиков – частокол острых клыков. – И что они тут, по-твоему, делают?

– Охотятся, – пожал он плечами.

– Охотятся? На кого?

Он снова пожал плечами. Брен даже в человеческом обличье никогда не был речист. Я-то, напротив, люблю языком почесать. Талант бесполезный.

– Значит, ты здесь их и раньше видел?

– Когда ты подошел, я следил за ними. А сам петлял – не хочу привести их к себе домой. Законная предосторожность.

– Кто такие? – спросил я. – Чьи Обличья? Я не видал такого со времен Рагнарёка¹⁷, но тогда вроде бы...

– Тсс...

Может, хватит затыкать мне рот? Знаете, Брен старше меня на несколько минут и иногда мной командует. Я уже собирался сказать ему пару ласковых, но тут неподалеку слышался шум, в поле зрения появилось нечто. Вообще-то в мегаполисе бродяги – все равно что духи-невидимки, а этот еще и прятался в коробке под пожарной лестницей. Но теперь он не мешкал: костлявые икры так и мелькали, полы

¹⁷ *Рагнарёк* – в германо-скандинавской мифологии – гибель богов и всего мира, следующая за последней битвой между богами и хтоническими чудовищами.

драного пальто хлопали, аки крылья.

Между прочим, я с ним знаком. Неблизко. Старина Лунатыч, в этой местности – Обличье лунного бога Мани¹⁸, вот только законченный псих, бедняга (обычное дело для богов, пристрастившихся к бутылке: мед поэзии туманит мозги навеки). Но бегать он умел. Итак, он бежал, и мы с Бреном посторонились, уступая ему дорогу. Но на том конце переулка ему наперерез вышли двое долгополых пальто.

Они еще ближе – чую их запах. Звериная вонь с гнилью пополам. Что ж, не их вина. Плотоядным хищникам бессмысленно заботиться о гигиене рта.

Я почувствовал, что брат рядом со мной затрясся. Или это трясет меня? Не разберешь. Я сознавал, что испугался, но алкоголь в моих жилах позволял слегка абстрагироваться от происходящего. Как бы то ни было, я обмер, затаился во мраке, не смея шевельнуться. Двое стояли в устье переулка. Лунатыч замешкался, явно разрываясь между двумя порывами – удрать наутек или принять бой. И...

Выбрал бой. Правильно, подумал я. Даже крысы дерутся, если загнать их в угол. Значит, мое вмешательство обязательно. Запах Лунатыча я тоже чуял – его фирменное амбре, букет из бухла, грязи и тошнотворных ноток поэзии. Я понимал: Лунатыч тоже страшно напуган. Но все равно он – бог,

¹⁸ *Лунный бог Мани* – божество в германо-скандинавской мифологии; в греческой мифологии лунным божеством была Селена, в меньшей степени Даная и Артемида; в римской богинями луны были Луна и Диана, имя первой и было дано спутнику Земли.

хоть и спившийся, хоть и осталось от него лишь Обличье. А значит, и биться станет, как бог, а даже у старых богов-пропойц есть свои коронные уловки.

Возможно, эту парочку ждет сюрприз.

Несколько секунд они оставались на исходных позициях – двое в пальто и безумный поэт. Черный треугольник под одиноким фонарем. И вот задвигались: парни – плавной ловкой походкой, которую я уже видел, Лунатыч накренился на бок, вскрикнул, из кончиков его пальцев вырвались лучи. Ага, сотворил руну «Тюр»¹⁹. Сильная руна. Стальным осколком за-сверкала она, рассекая темноту, понеслась к нелюдям в пальто. Те увернулись – грациозное *pas-de-deux*, надо признать, – расступились и, пропустив стрелу-руну, снова сдвинули плечи, двинулись к дряхлому богу. Боевое построение «топор».

Лунатыч же, метнув «Тюр», поневоле сник. Руны Древнего Письма применять утомительно, а Лунатыч давно растерял почти всю свою колдовскую силу. Он раскрыл было рот – наверное, хотел произнести заклинание, но не успел: прямоугольные подступали, зловеще-быстрые, этакие супермены, и я снова ощутил гнилой запах, еще более сильный: словно голову в лисью нору засунул. Они на бегу расстегивали пальто – стоп, но можно ли назвать это бегом? Скорее скольжение лодок по волнам. Долгополые пальто-паруса окутали несчастного лунного бога, скрыли от глаз.

¹⁹ Руна «Тюр» – это прежде всего руна борьбы и победы; Тюр – древнее божество войны и неба; руна, которая носит его имя, символизирует его силу.

А он запел. Мед поэзии – это вам не фунт изюма: на секунду его пропитой, хриплый голос обернулся голосом Мани в его полном Обличье. Внезапно в воздухе разлилось сияние, хищники зарычали, оскалив зубы... и я услышал дорожную песнь безумного бога луны, песнь на языке, которого вам никогда не выучить, на языке, одно лишь слово из которого может вселить в смертного умопомрачительный экстаз, сорвать с небес звезды, вышибить из человека душу или воскресить его.

Он запел, и охотники немного помедлили: что это? Неужто под черной шляпой заблестел влажный след от слезы? Мани пел заклинание любви, и смерти, и красоты опустошения, и недолговечного светлячка, который озарит тьму – не дольше, чем один вздох, не дольше, чем один взмах крыла, – а потом угаснет, догорит, умрет.

Песнь задержала их максимум на секунду. Может, они и прослезились, но их голод не унимался. Они поплыли по воздуху вперед, широко расставив руки, и тогда я заглянул под их расстегнутые пальто, и мне показалось, что под их одеждой вообще нет тел: ни шерсти, ни чешуи, ни плоти, ни костей. Только тени, мрак Хаоса, мрак, не имеющий ни цветов, ни оттенков, даже не знающий, что такое цвета; дыра, прорезанная в сущем. Всеядная голодная прорва.

Брендан сделал шаг вперед. Я поймал его за рукав, удержал. Поздно: Лунатыч обречен. Старик упал – не с грохотом, но со странным шорохом, точно из него выпустили воздух, и

твари, уже вовсе не похожие на людей, набросились на него, как гиены. Сверкали клыки, в складках одежды шипело статическое электричество.

Двигались они совершенно не по-человечески. Ни одного лишнего жеста. Словно пылесос, высосали его полностью: кровь и мозг, все до последнего заклинания, до последней искорки, со всеми чадами и домочадцами. То, что осталось после их трапезы, походило не столько на человека, сколько на плоскую картонную фигуру, валяющуюся в грязи.

Они застегнули пальто, под которыми скрывалась ужасающая пустота, и ретировались. Молчание. Плач Брендана. У него сердце доброе, не то что у меня. Я вытер лицо (вспотел, должно быть), выждал, пока дыхание вернется к норме.

– Мерзко, – проговорил я наконец. – Да, с конца света я ничего похожего не видывал.

– Ты слышал его? – спросил Брендан.

– Слышал. Кто бы мог подумать, что в старике оставалось столько волшбы!

Брат промолчал, пряча глаза.

Я вдруг почувствовал, что проголодался. Позвать его, что ли, в пиццерию? Нет, лучше не надо. Еще обидится. Брен в последнее время такой ранимый...

– Ну ладно, как-нибудь увидимся... – И я, пошатываясь, побрел своей дорогой. Почему с братьями всегда так трудно общаться? Надо бы позвать его в гости, что ли, но как-то духу не хватило...

Разве я мог предвидеть, что будет дальше? Предвидел бы – зазвал бы его к себе... Вышло так, что в этом Обличье мне больше не суждено было его встретить.

На следующий день я проснулся поздно. С головной болью, привычной тошнотой – послевкусием коктейлей... И тут припомнил... так припоминаешь, что в спортзале потянул спину, даже не подозревая, как будет ныть хребет наутро... Я подскочил на кровати.

«Эти двое, – подумал я. – Эти самые».

Видно, вчера я захмелел сильнее, чем мне казалось. Потому что теперь, утром, одно только воспоминание о парнях в долгополых пальто вызвало у меня парализующий страх. Запоздалый шок. Что ж, в моей жизни такое не впервые. Я заказал в номер наилучшее лекарство – плотный завтрак. За кофе, беконом и оладьями, утонувшими в море кленового сиропа, я воскрешал себя к жизни. Получилось неплохо, если сделать поправку на обстоятельства. Но я так и не смог окончательно вытеснить из головы ни смерть Лунатыча, ни то, как пальто, наполненные пустотой, стремительно его растерзали. Слопали волшбу, застегнулись и почапали по своим делам. Ходячая поэзия.

Меня осенило, что уцелел я чудом. Если бы они не унюхали Лунатыча, им на ужин достались бы ваш покорный слуга и его брательник – блюдо дня, двойная порция. Но мысль меня не утешила: если эти субчики действительно охотятся на таких, как мы, это всего лишь передышка, не спасение. Рано

или поздно узкомордые станут точить зубы о мою дверь.

Я доел завтрак и позвонил Брену. Автоответчик. Я нашел в справочнике телефон его ресторана, набрал. Отключен.

Я попытался бы позвонить ему на мобильник, но мы не так уж близко общаемся. Я не знал ни номера его мобильного, ни имени его девушки, ни даже номера его дома. Поздно спохватился, а? Так-то... Жизненный принцип *carpe diem*²⁰ вышел мне боком. Итак, я принял душ, оделся и поспешил на работу к Брену – в «Летучую пиццу» (вот идиотское название!), надеясь, что мой близнец подскажет что-нибудь умное. В небе сгушались облака.

По дороге я почувствовал: что-то неладно. Не доходя десяти кварталов, понял, что именно. Сирены, пожарные, крики, клубы дыма – все это лишь подтвердило мою гипотезу. Тучи в небе были какие-то зловещие... Над местом катастрофы они громоздились в форме русской шапки. Вместо меха – торчащие дыбом молнии. Чем ближе к ресторану, тем сильнее ныло у меня в груди. Да, что-то неладно, что-то неладно...

Покосившись по сторонам – не следит ли кто? – я левой рукой начертил «Беркану», руну прозрения²¹, и, сощурившись, взглянул в ее окуляр: руна эта наподобие подзорной

²⁰ *Carpe diem* (лат.) – «Лови момент», наслаждайся сегодняшним днем.

²¹ Руна «Беркана» – восемнадцатая древнескандинавская руна германского алфавита. Ее название означает «береза», «березовая ветка»; это энергетическая руна. *Беркана* – женственная сила, позволяющая всему живому появляться на свет; мощная энергия созидания, роста и развития.

трубы. И узрел я дым, и молнии, бьющие с земли в небо, и лицо брата – бледное, осунувшееся; потом – огонь, сменившийся темнотой, и наконец то самое, чего страшился: Тень... и ее миньонов, волков, призрачных охотников, закутанных в тяжелые пальто.

«Эти самые, – подумал я и выругался. – Опять эти». Теперь я знал, откуда они мне знакомы по прежним временам... В прежнем Обличье они тоже были не сахар, вот только я жил более насыщенной жизнью и, признаюсь, редко о них задумывался – других забот хватало. Теперь же задуматься пришлось: я начертил руну невидимости и под ее прикрытием обогнул столб черного дыма – погребальный костер Бренданова ресторана (и, как я мог предположить, самого Брендана, ведь в моем видении выглядел он неважно...).

Я добрался до места, зорко высматривая долгополые пальто. Куда ни глянь – пожарные машины и полицейские фургоны. Улица перегорожена. Пожарные пытаются залить водой огромное трескучее пламя, которое уже глубоко пустило корни в «Летучую пищу».

Я мог бы сказать им, что они зря стараются. Дело рук огненного бога – даже если это бог Домашнего Очага – не затушишь в два счета. Это вам не петарда какая-нибудь. Пламя рвалось вверх, вымахало на высоту тридцати, сорока, пятидесяти футов – желтое, чистое, с прожилками волшбы, которые вашему Народу показались бы обычными пляшущими

искрами... Но стоит одной жалкой искорке попасть на вас, как она мигом разденет вас буквально до костей.

«А Брендан? – подумал я. – Может, он все-таки жив?»

Если и жив, то здесь его нет. Никто не смог бы выжить в таком пожаре. Он жив, только если сбежал. Но драпать – не в характере Брендана. Он принял бой: видение мне подсказало это. Вдобавок мой брат – принципиальный противник применения волшбы среди Народа Человеков. Раз он прибег к чарам, положение у него было безвыходное.

Чтобы узнать судьбу брата, я начертил «Ос» – руну загадок²². Увидел лица – узкие, волчьи, увидел улыбку Брена, улыбку-оскал – он стал неотличим от меня, рассвирепел, одичал, в нем вскипела кровожадная ярость. Знаете, из моего брата вышел бы неплохой воин – только его гнев нелегко разжечь. Я увидел, как он выхватил меч мысли – раскаленный, вибрирующий клинок, испускающий полупрозрачные лучи. Меч, который одним легким движением разрубает хоть шелк, хоть гранит. Меч, которого я не видел с последнего конца света, пламенное оружие огненного бога. Едва соприкоснувшись с тенью в расстегнутом пальто, меч... погас, развеялся в дым.

И тогда, в темноте, двое накинулись на Брена. Ответ получен. Что ж, по крайней мере, мой брат умер красиво.

²² Руна «Ос» – руна Божьего Гласа; за нее соперничают несколько богов; звук *Ос* принято считать первоначальной вибрацией существования; соответственно, «Ос» олицетворяет творческую силу слова и саму мудрость.

Я вытер лицо и сделал выводы. Вывод первый: теперь я – близнец-одиночка. Вывод номер два: если Брен не забрал охотников с собой на тот свет (сильно сомневаюсь, что забрал), парочка пальто идет по моему следу. Вывод номер три...

Не успел я призадуматься над третьим выводом, как в мое плечо вцепилась чья-то тяжелая рука. Другая рука ухватила меня за руку чуть выше локтя, и обе надавили до хруста. Мучительная боль. Сустав обездвижен. В ухе – басовитый знакомый голос:

– А, Ловкий! Как я раньше не догадался, что без тебя тут не обошлось. Твой автограф на этих руинах аж светится.

Я завопил и попытался высвободить руку. Но этот козел вцепился железной хваткой.

– Шевельнешься – руку сломаю, – презрительно проскрипел голос. – Или так и так сломать? Со старых времен за тобой должок...

Я дал ему понять, что рука больше нравится мне целой. Он еще глубже вдавил пальцы – я почувствовал, что кость вот-вот сломается, и завопил – а он с силой отпихнул меня к стене. Я ударился о стену, отскочил, развернулся, вытаскивая из ножен меч мысли. В меня уперся взгляд – бесцветный и тусклый, как ненастье. Что ж, беда не приходит одна. Передо мной стоял мой друг, затаивший на меня обиду. Это не редкость – друзей, которые бы на меня не обижались, у меня теперь нет.

Правда «друг» – это еще как сказать. Да, он из наших, но, знаете ли, все очень непросто. Дождь огню не товарищ. Вдобавок в своем нынешнем Обличье он превосходил меня по росту, весу и физической силе. Физиономия у него была – мрачнее тучи, и все мои намерения с ним драться выдохлись, точно дешевый одеколон. Я убрал меч мысли в ножны. Собрался с духом.

– Надо же, – сказал я. – Тор²³ собственной персоной!

Он презрительно фыркнул.

– Ты у меня не дури – вмиг замочу. У меня тут армия облаков в боевой готовности. Не успеешь моргнуть, погаснешь, как спичка. Хочешь попробовать?

– Полегче. Поздоровался ты со мной учтиво, ничего не скажешь. Сколько лет, сколько зим.

Он зарычал:

– В нынешнем Обличье меня зовут Артур. Артур Ливен. А ты покойник.

«Покойник» он произнес таким тоном, словно нарекал меня этим именем.

– Ошибаешься, – сказал я. – Покойник – Брендан. И если ты возомнил, будто я способен убить родного брата...

– С тебя станется, – буркнул Артур. Но я-то видел: весть его встревожила. – Брендан мертв? – переспросил он.

²³ *Тор* – в германо-скандинавской мифологии бог грома и бури, защищающий богов и людей от великанов и чудовищ; триждырожденный старший сын Одина и богини земли.

– Боюсь, что да.

Трогательно: мне-то всегда казалось, что он нас обоих ненавидит.

– И это не ты его...? – спросил Артур.

– Соображаешь...

Он окатил меня презрением.

– Тогда кто?

– Сам догадайся, – пожал я плечами. – Тень, кому же еще. Хаос. Сурт²⁴. Подбери уж сам какую-нибудь метафору.

Артур испустил долгий, протяжный вздох. Вздох облегчения: похоже, он так долго мучался над загадкой, что любая весть – пусть даже дурная, подтверждающая худшие опасения, – была в радость.

– Значит, это правда. Я-то уже начал думать...

– Ты – думать? Наконец-то...

Он пропустил мою колкость мимо ушей. Обернулся ко мне. Ненастное небо в его взгляде засверкало серебром.

– Волки, Ловкий. Волки снова вышли на тропу.

Я кивнул. Волки... демоны... ни в одном языке Народа Человеков нет слова, способного в точности выразить их сущность. Я называю их *ephemera*, хотя, надо признать, в их текущем Обличье нет ничего эфемерного. Сколь и Хати, Небесные Охотники, слуги Тени, Пожиратели Солнца и Лу-

²⁴ Хаос – категория космогонии, первичное состояние Вселенной, бесформенная совокупность материи и пространства; Сурт (др.-сканд. «черный», «смуглый») – в германо-скандинавской мифологии огненный великан, владыка Муспельхейма, огненного царства.

ны²⁵. И раз уж на то пошло, пожиратели всего, что под лапу подвернется. Должно быть, Брендан пытался им помешать. Он всегда был безрассудным.

Тут я заметил, что Тор больше меня не слушает.

– Пожиратели Солнца и... – переспросил он.

– И Луны. – Я вкратце рассказал ему о событиях прошлой ночи. Он выслушал меня рассеянно.

– Значит, после Луны они займутся Солнцем. Так?

– Да, наверно, – пожал я плечами. – Если предположить, что на Манхэттене живет Обличье Солнца...

– Живет, – помрачнел Артур. – Ее зовут Санни. – Когда он произнес это имя, в его глазах что-то промелькнуло... еще более зловещее, чем набухшие от дождя тучи у нас над головой, чем его рука на моем плече – мертвенно-бледная, тяжелее свинца...

«Похоже, утренние беды – еще цветочки», – сказал я себе.

– Санни, – повторил я. – Значит, ее черед.

– Только через мой труп! – взревел Артур. – И через твой, – небрежно добавил он, сдавливая мое плечо, улыбаясь хищной ухмылкой шторма.

– Конечно. Я не против, – поддакнул я. Почему бы не поддакнуть: я привык убегать, отлично знаю, что Лес Жарр может за час исчезнуть невесть куда, поминай как звали.

Тор это тоже знал. Он сощурил глаза, и тучи у нас над го-

²⁵ *Ephemera* (англ.) – нечто мимолетное, преходящее; *Сколь* (Сколл) и *Хати* – гигантские волки-близнецы из скандинавской мифологии.

ловой медлительно зашевелились, завертелись, точно пряжа на веретене. В надире возникла впадина: скоро превратится в воздушную воронку, всю в нитях и шипах смертоносной волшбы.

– Помнишь поговорку? – спросил Артур, назвав меня моим истинным именем. – «Куда бы ты ни шел – от погоды не уйдешь».

– Ты ко мне несправедлив, – улыбнулся я, заставил себя улыбнуться. – Я буду только рад помочь твоей подруге.

– Дело хорошее, – отозвался Артур. Руку с моего плеча не убрал, улыбался, скаля все зубы до единого. – Будем держаться тихо. Не стоит вмешивать Народ. Разве что по острой необходимости. Согласен?

Буря бушевала до вечера. Видимо, это был лишь первый день затяжного ненастья.

Санни жила на Бруклин-Хайтс, в лофте на тихой улице. Если бы я чаще там бывал, давно бы ее заметил. Большинство наших старается не привлекать к себе внимания: у богов тоже есть враги, знаете ли, и мы благоразумно не афишируем свою колдовскую силу.

Но Санни – другое дело. Начнем с того, что, если верить Артуру (вот ведь идиотское имя себе выбрал!), она позабыла, кто она такая на самом деле. Ничего особенного: просто запомнила. Увязла в заботах своего текущего Обличья, возомнила, будто ничем не отличается от нормальных людей. Может, именно это и хранило ее от бед; гово-

рят, несмышленных детей, дураков и пьяниц охраняют боги, а Санни вполне можно назвать несмышленной. Оказывается, мой старый дружан Артур присматривает за ней почти год, а она и не догадывается; старается, чтобы ей выпадали солнечные деньки, без которых она хиреет, отгоняет от ее дверей всех, кто вынюхивает и рыщет.

Потому что даже Народ Человечков начинает подозревать недоброе, если неподалеку живет кто-то наподобие Санни. Мало того что дождей не было несколько месяцев, мало того что иногда облака затягивают небо над всем Нью-Йорком, кроме двух-трех улиц окрест ее квартала, мало того что над домом, где она снимает квартиру, временами переливается северное сияние. Она сама – ее лицо, ее улыбка – производит фурор везде, где ни появишься. Любой мужчина – любой бог – полюбит ее с первого взгляда.

Артур сбросил свое Обличье дождевого бога, стал более-менее похож на заурядного горожанина, но я-то чувствовал, каких усилий ему это стоит. Едва мы перешли Бруклинский мост, я заметил, что Артур пытается смирить свою натуру: так толстяк втягивает брюхо, когда входит красивая девушка. Затем я увидел ее ауру – издали, точно небесные огни. И на лице Артура проступила дикая тоска по чему-то светлому.

Он окинул меня критическим взглядом:

– Поменьше пижонства, ладно?

Гнусное оскорбление. По сравнению с концертным ими-

джем Леса Жарра я теперь – сама благопристойность. Но по физиономии Артура было ясно, что ему лучше не перечить. Я притушил огненно-алый цвет своей куртки. Прическу не тронул. Разноцветные глаза спрятал за модными темными очками.

– Так лучше?

– Сойдет.

Мы подошли к подъезду. Стандартное жильё в многоквартирном доме. Пожарная лестница, выкрашенная в чёрный цвет, узкие окна, на крыше – маленький сад, побеги зелени свисают с водосточных желобов. Но в окнах – свет, весьма похожий на солнечный, насколько я могу судить, – пульсирует то тут, то там: Санни бродит по квартире, свет исходит от нее.

Вот ведь некоторые – вообще таиться не умеют! Удивительно, что волки до сих пор ее не разорвали. Она даже не попыталась скрыть свою ауру – до чего недогадливая! Хоть бы шторы задернула. Проклятье!

Артур уставился на меня своим коронным взглядом.

– Мы будем ее охранять, Ловкий, – заявил он. – И ты будешь вести себя прилично. Согласен?

Я скривился:

– Я всегда веду себя прилично. Как ты смеешь в этом сомневаться!

Она тут же пригласила нас зайти. Никакой проверки на

вшивость, никаких подозрительных взглядов из-за занавески. Я ожидал увидеть хорошенькую дуреху, но то была детская невинность: маленькая девочка в дебрях большого города. Она не в моем вкусе, само собой, но я смекнул, что нашел в ней Артур.

Она пригласила нас выпить чаю с женьшенем.

– Я рада видеть всех друзей Артура, – произнесла она.

Я заметил его болезненную гримасу: он пытался обхватить своей лапищей крохотную фарфоровую чашку, и силится сдержаться, чтобы облака не затягивали солнце, в котором так нуждается Санни...

Под конец его силы иссякли. Он запыхтел, чихнул, и струи дождя прыгнули змеями с неба, зашипели в желобах.

Санни поникла:

– Проклятый дождь!

Артур отпрянул, словно кто-то изо всех сил стукнул его прямо по месту, где боги грома прячут свое самолюбие. Вымученно улыбнулся:

– А тебе никогда не кажется, что дождь создает ощущение безопасности? Тебе не кажется, что в его шуме есть поэзия? Словно крохотные молоточки стучат по крышам?

Санни покачала головой:

– Фу-у-у.

Я разжег огонь в камине: пробурчал под нос заклинание, сложил пальцы в кармане в руну «Кано»²⁶. Язычки пламени

²⁶ Руна «Кано» – руна огня; в переводе означает «факел», «пламя», «свет».

поднялись над решеткой и очаровательно станцевали. Ловкий трюк, и не думайте, что я хвастаюсь попусту – камин-то был электрический.

– Классно, – сказала Санни и снова улыбнулась.

Артур тихо зарычал.

– А вы не... не замечали ничего странного в окрестностях... в последнее время? – «Идиотский вопрос, болван!» – прикрикнул я сам на себя. Посели богиню солнца на четвертом этаже манхэттенского доходного дома – такие фейерверки начнутся, каких в магазине не купишь. – Мужчины в костюмах тут не шляются? – продолжал я. – Темные пальто, мягкие фетровые шляпы, точно из дешевых комиксов пятидесятых годов?

– А-а... эти... – Она налила нам по второй чашке чая. – Да, вчера видела. Вынюхивали что-то в переулке. – Голубые глаза Санни чуть потемнели. – Лица у них неприветливые. А что им нужно?

Я хотел было рассказать ей про Брена и про Лунатыча, но Артур взглядом заткнул мне рот. Понимаете, Санни действует на людей особым образом: взрослые мужики ради нее готовы на дурацкие поступки. На благородные подвиги, самопожертвование и так далее. Я понял, что отлынивать не стану, даже если очень захочется.

– Тебе волноваться нечего, Санни, – сказал Артур, широко улыбаясь. А меня взял под локоть и повел на балкон. – Мы просто ищем этих ребят, только и всего. Сегодня вечером мы

тут подежурим и постараемся, чтобы они тебе не докучали. Если что стряется, мы рядом. Ты ничего не бойся. Хорошо?

– Хорошо, – сказала Санни.

– Хорошо, – прошипел я, стиснув зубы (рука у меня за- ныла, точно по ней несколько раз ахнули молотком). Я вы- ждал, пока мы останемся на балконе одни, пока Санни задер- нет шторы. И обрушил на Артура весь свой гнев: – Сбрен- дил?! Мы не можем сдерживать Волков Тени. Ты что, до сих пор не усек, а? Видел, что они сделали с Лунатычем и Бре- ном? Единственный выход – удрать. Забираем твою подруж- ку и бежим как ошпаренные в другой город, а лучше – на другой континент, где Тень не так сильна...

Артур насупился:

– Я убежать не стану.

– Как хочешь. Что ж, приятно оста... Ой! Рука-а-а!

– И ты не побежишь! – прогремел Тор.

– Ну, раз уж ты меня спрашиваешь...

Может, характер у меня и порывистый, но я знаю, когда лучше уступить превосходящей силе. Артур твердо решил, что мы оба должны поступить по-геройски. Передо мной стоял выбор: либо я ему помогу и, если посчастливится, спа- су жизнь нам обоим, либо смоюсь, как только Артур зазева- ется, будь он неладен...

Сознаюсь, я мог бы выбрать как первое, так и второе.... Мог бы, если бы в этот самый момент не заметил в переулке тех, кого мы поджидали: нюхают и огрызаются, натуральные

волки в пальто. И все – альтернативы у меня не осталось. Я выхватил свой меч мысли. Артур – свой. В ночном воздухе стало еще темнее от волшбы и рун. Зря трудимся, подумал я, разве руны помогли Брену и старому безумному лунному богу? У Тени – у Хаоса, если вам угодно, – предостаточно своей волшбы, она запросто сразит трех богов-отступников, беженцев, которые прячутся среди людей со времен конца света...

– Эй вы! Гляньте сюда! – завопил Тор.

Две пары глаз уставились на нас снизу. Шипение наподобие радиопомех – эфемеры установили наше местонахождение. Блеск клыков – ухмылка. И вот они уже лезут по пожарной лестнице, отбросив видимость человеческого облика, скользкая тьма внутри прямоугольных черных пальто, одни сплошные зубы и когти – поэзия проголодалась.

«Прелестно», – подумал я. Молодец, Тор, умеешь затаиться в засаде, нечего сказать. Что это – самопожертвование? Или он нарочно привлек их внимание? Каверзу задумал? Неужели? Планировать заранее – не в его стиле. У него хватает ума только на бездумную самоотверженность. Все бы ничего, но, очевидно, в своей безграничной щедрости он готов заодно принести в жертву и меня.

– Ловкий!

Снова начался ливень под аккомпанемент грома. Толстые водяные канаты и тросы хлестали по нашим склоненным головам, сияя в неоновых светильниках черными и оранже-

выми всполохами. С неба, переполненного электрическими разрядами, посыпались огромные хлопья снега. Что ж, так водится у богов дождя в моменты стресса; в результате я промок до нитки. Жаль, зонтика нету... А эфемерам – хоть бы хны. Даже молнии, ударявшие в проулок, точно беспутные баллистические ракеты (я тоже кое-что умею, и в тот момент я на волшеббу не скупился), никак не подействовали на Волков Хаоса. Изящные, слегка змееобразные фигуры замерли на пожарной лестнице одной площадкой ниже нас. Готовятся к броску.

Стрела ума мелькнула в воздухе. А, руна «Хагалаз»²⁷. Одна из сильнейших рун моего коллеги. Но она прошла сквозь эфемера. Всего-то толку, что завизжала в воздухе. Нелюдь продолжал приближаться. Вот уже расстегивает пальто... Уверен, там, внутри – звезды. Звезды! И бессмысленный радиошелест космоса...

– Послушайте, – сказал я. – Чего вы хотите? Девушек? Денег? Власти? Славы? Я вам все это организую, без проблем. В этом мире я человек влиятельный. Два красавца холостяка вроде вас... да вы в шоу-бизнесе всех сразите наповал...

Пожалуй, я выбрал неудачное выражение.

Первый волк оскалился.

– Наповал, – произнес он.

Я снова почувал его запах и понял, что никакие слова ме-

²⁷ Руна «Хагалаз» – соответствует знаку Водолея и переводится как «град»; представляет стихийные силы; символизирует разрушение.

ня не спасут. Во-первых, тварь безумно голодна. Во-вторых, с таким запахом изо рта – и в шоу-бизнес? Правда, иногда талант перевешивает все недостатки... Например, моя дочка, Хель²⁸, несмотря на ее... как бы поприличнее выразиться... контркультурный имидж, обрела в определенных кругах немало фанатов. Но эта парочка... Аж тошнит. Безнадега.

Я мысленно начертил горсть рун. «Тюр», «Кауна», «Хагалаз», «Ир»²⁹... Ни одна даже не задержала волка. Второй волк уже добрался до нас, и Артур дрался с ним врукопашную, путаясь в фалдах черного пальто. Балкон дрожал, стойки, прикреплявшие его к стене, шатались; в струях тропического ливня шипели искры и осколки рунного света.

«Вот незадача, – подумал я, – так и помру промокшим». И выставил щит руной «Соль», и, собрав последнюю волшбу в кулак, швырнул всеми огненными рунами Первого Эттира³⁰ в двух нелюдей, которые прежде были волками, а ныне стали черными олицетворениями мести, ибо ничто не избегнет Хаоса: ни Гром, ни Лесной Пожар, ни даже Солнце...

²⁸ *Хель* – дочь бога коварства Локи и великанши Ангрбоды; богиня царства мертвых.

²⁹ *Руна «Ир»* – одно из значений – «приворот», но через изменение себя; символизирует женское начало, любовь, материнство.

³⁰ *Руна «Соль»* – руна сознания и самосознания, знаменует энергию Солнца и наступление кардинальных перемен; *первый эттир* – в письменности древних германцев алфавит делился на три рода, или эттира, в каждый эттир входило по восемь рун.

– Вы там не замерзли? – выглянула между штор Санни. – Может, еще чаю?

– А... нет, спасибо, – сказал Артур, удерживая в каждой руке по демоноволку и снова глупо ухмыляясь. – Послушай, э-э-э, Санни, иди в комнату. Я сейчас немножко занят...

Один из демонов, которого Тор пытался взять за шкуру, вырвался. Далеко не ушел – атаковал, толкнул меня спиной на перила. Перила лопнули, и все мы свалились с высоты трех этажей. Я шлепнулся на землю – черт, больно – эфемеры кинулись на меня. Я на лопатках. Конец.

Санни выглянула из окна. Окликнула:

– Вам помочь?

А я уже заглянул внутрь твари. Невеселая картина... В духе тех сказок, где сестрам Золушки отрубают пальцы на ногах, злодеев заклеывают до смерти вороны, и даже Русалочка до конца жизни вынуждена ходить по острым бритвам – в наказание за то, что посмела влюбиться... Вот только я уверен, что Санни знает исключительно диснеевские версии со счастливой развязкой, где бурундучки, зайчики и белочки, так их и растак (ненавижу белочек!) распевают хором, и даже волки добрые, и никто никогда не страдает...

Я иронично улыбнулся:

– Ну ладно, помоги.

– Хорошо, – кивнула Санни, раздвинула шторы. Вышла на балкон.

И тут случилось кое-что действительно странное.

Я наблюдал за ней, лежа на асфальте. Руками пошевелить не мог – меня держали. Эфемер уселся мне на грудь, раскинув полы пальто. Казалось, стервятник вот-вот выклюет мне глаз. Холод, жгучий холод, своих рук уже не чувствую, вонь – все мысли отшибло, дождь – бьет по лицу. Волшба утекает из меня стремительно, мне осталось несколько секунд, самое большее...

Первым делом Санни раскрыла зонтик, не обращая внимания на отчаянные приказы Артура. Он, кстати, все еще дрался со вторым эфемером. Его аура переливалась ярмарочными цветами; рунный свет клубился вокруг сражающихся, борясь с ливнем.

И тут она улыбнулась.

Точно солнце вышло из-за туч. Впрочем, какое солнце ночью! Хотя – ее свет был раз в шестьдесят ярче, чем самая ослепительная вспышка, какую вам доводилось видеть; проулок стал ослепительно-белым, и я зажмурил глаза, чтобы они не выгорели прямо в глазницах. И одновременно произошло много всякого.

Дождь перестал. Тяжесть с моей груди исчезла. Я снова смог пошевелить руками. Свет, на который поначалу больно было смотреть, превратился в мягкое сияние, зеленоватое с розовыми переливами. Птицы на коньках крыш запели. Воздух наполнился цветочным ароматом – пожалуй, самое диковинное происшествие для этого закоулка, где запах мочи перебивал все остальные.

Кто-то положил ладонь мне на щеку и произнес:

– Все в порядке, милый. Они уже ушли.

Что ж... Я открыл глаза. Либо, когда я ударился башкой об асфальт, у меня поехала крыша, либо Тор утаил от меня кое-какие ключевые детали. Вот он, Тор, легок на помине. Вид у него почему-то смущенный, оробевший. Санни наклонилась ко мне, стоя на коленях в грязи. Июньская небесная лазурь ее платья, белые птички – ее босые ступни. Ее волосы, щекочущие мне лицо, – по цвету точно сахар-рафинад. Хорошо еще, что она не в моем вкусе – вот бы влип... Она улыбнулась мне, лучезарная, как летний день, и лицо Артура угрожающе побагровело. А Санни окликнула меня тихонько:

– Ловкий... Ты как?

Я потер глаза.

– Да вроде нормально. Что случилось со Сколем и Хати?

– С этими двумя парнями? – переспросила она. – Ой, они здесь совсем ни к чему. Я послала их назад, в Тень.

Теперь уже Артур разинул от удивления рот.

– Откуда ты знаешь о Тени?

– Ох, Артур, дурашка! – Санни легко вскочила на ноги и поцеловала Тора в нос. – Неужели я могла так долго здесь прожить и не догадаться, что я не похожа на других... – Она покосилась на всполохи в небе. – Северное сияние! – радостно объявила она. – Надо его здесь почаще устраивать. Но вам, Артур и Лес, я от всего сердца признательна, – продол-

жала Санни. – Вы меня оберегали... Спасибо вам. Если бы судьба сложилась иначе, если бы мы не принадлежали столь разным стихиям, мы с тобой, Артур, могли бы... ну, понимаешь...

Артур зарделся – надо же, покраснел еще сильнее.

– А что вы теперь будете делать? – спросила Санни. – Наверное, на какое-то время мы в безопасности. Но теперь Хаос о нас знает. А Тень если уж что затеяла, не отступается...

Я призадумался. И не впустую:

– Санни, ты никогда не думала о сцене? Я могу пристроить тебя в мою группу...

Интересно, голос у нее есть? Почти все небесные сферы дружат с музыкой, и вообще, она даже молча озарит своим присутствием зал... на световые эффекты тратиться не придется...

Она улыбнулась своей мегаваттной улыбкой.

– А Артур тоже играет в твоей группе?

Я поглядел на него:

– Да пусть играет. Для ударника всегда место найдется.

Если рассудить, нам пора на гастроли. Выезжаем немедленно. Новые лица, новый состав, новые места...

– Здорово! – воскликнула Санни. Ее лицо зарделось. Артур глазел на нее, как прихворнувший щенок. Я вновь поблагодарил судьбу за то, что сроду не был романтичен. Попытался вообразить, что из этого выйдет: богиня солнца и бог грома каждый вечер вместе выходят на сцену...

А что, вполне себе представляю. «Лесов ПоЖарр» возобновляет концертную деятельность! Из облаков вместо дождя сыплются рыбы, северное сияние на экваторе, ураганы, затмения, вспышки на Солнце, наводнения в пустыне... И молнии. Стаи молний! Конечно, немножко небезопасно...

Но это будет супершоу!

Перевод Светланы Силаковой

Нил Гейман

Истина – пещера в черных горах³¹

Вы спрашиваете, смогу ли я себя простить? Я готов простить себе многое: то, что оставил его, то, что сделал. Но никогда не прощу себе тот год, когда ненавидел собственную дочь, думая, что она сбежала – скорее всего в город. Весь год я запрещал произносить ее имя, а если и упоминал его в молитвах, то лишь ради того, чтобы однажды она осознала, что натворила, какой позор навлекла на мою семью, и чтобы ей стало стыдно за выплаканные матерью глаза.

Я ненавижу себя за это, и ничто не может утишить мою ненависть, даже то, что случилось этой ночью на горном склоне.

Я провел в поисках без малого десять лет, хотя след давно остыл. Я мог бы сказать, что нашел его случайно, вот только я не верю в случай. Если идти по тропинке, рано или поздно доберешься до пещеры.

Но это случилось позже. Вначале была долина на большой земле, где посреди луга у журчащего ручейка белел дом, словно облачко в зелени травы и едва начавшего багроветь вереска.

³¹ «The Truth is a Cave in the Black Mountains...» by Neil Gaiman. Copyright © 2010 by Neil Gaiman.

Перед домом стоял мальчишка, собирал с боярышника ключья овечьей шерсти. Он не видел, как я подошел, и не поднял глаз, пока я не сказал:

– Я тоже когда-то собирал пух с колючек. Мама его мыла, а потом делала для меня разные штуки. Мячик, куклу...

Мальчик обернулся. Вид у него был изумленный, будто я возник из ниоткуда. Это было не так: я прошел много миль, и мне оставалось пройти куда больше.

– Я тихо хожу, – пояснил я. – Это дом Калума Макиннеса?

Мальчик кивнул, выпрямился в полный рост – пальца на два выше моего – и сказал:

– Я и есть Калум Макиннес.

– А есть еще кто, кого так зовут? Калум Макиннес, которого я ищу, – взрослый мужчина.

Мальчишка ничего не ответил, он молча выпутывал толстый ком шерсти из цепких колючек.

– Может, это твой отец? – продолжил я. – Может, его тоже зовут Калум Макиннес?

Мальчик пристально посмотрел на меня.

– Кто ты такой?

– Хоть и мал ростом, я такой же человек, как и ты, – ответил я. – И я пришел повидаться с Калумом Макиннесом.

– Зачем? – Мальчик поколебался. – И почему ты такой маленький?

– Хочу кое-что спросить у твоего отца. Мужской разговор, – ответил я и заметил, что в уголках его рта прячется

улыбка. – Не так уж плохо быть маленьким, Калум. Однажды ночью в мою дверь постучали Кэмпбеллы, целый отряд, двенадцать человек с ножами и дубинами, и потребовали, чтобы моя жена, Мораг, выдала меня, они пришли убить меня из мести за какую-то надуманную обиду. А она сказала. «Молодой Джонни, беги на дальний луг, скажи отцу, пусть возвращается, скажи, я за ним послала». И на глазах у Кэмпбеллов мальчик выбежал за дверь. Они знали, что я очень опасный человек. Но никто не сказал им, что я маленький, а если и сказал, они не поверили.

– Мальчик тебя позвал? – спросил Калум.

– Это был не мальчик, – сказал я, – а я сам, вот кто. Я вышел за дверь и был таков.

Калум рассмеялся:

– А почему Кэмпбеллы на тебя охотились?

– По недоразумению. Они считали, что коровы принадлежат им. А я считал, что их право собственности закончилось в ночь, когда коровы ушли со мной за холмы.

– Подожди тут, – сказал юный Макиннес.

Я сел недалеко от ручья и стал рассматривать дом. Немаленький был дом, больше похожий на жилье лекаря или законника, а не того, кто промышляет разбоем. На земле валялись камешки, я собрал их в кучу и принялся бросать в ручей. У меня меткий глаз, и мне нравилось издали попадать в цель. Я забросил сто камней, когда мальчик наконец вернулся в сопровождении высокого мужчины с пружинистой

походкой. Волосы с проседью, лицо удлинённое, похоже на волчью морду. Я знал, что в тех холмах волки давно не водились, и медведи тоже.

– Доброго вам дня, – сказал я.

Он ничего не ответил, только глянул на меня. Я привык к таким взглядам.

– Я ищу Калума Макиннеса. Если это вы, так и скажите. Если не вы – не тяните, я пойду своей дорогой.

– Какое у вас к нему дело?

– Хочу нанять его в проводники.

– А куда вас надо вести?

Я уставился на него.

– Так просто и не скажешь... Многие не верят, что такое место существует. На Туманном острове есть пещера.

Он помолчал. Потом сказал: – Калум, иди в дом.

– Но па...

– Скажи матери, пусть даст тебе лекарство. Ты его любишь. Иди.

На лице мальчика сменяли друг друга удивление, голод, радость. Он повернулся и рванул к дому.

Калум Макиннес спросил:

– Кто вас сюда прислал?

Я указал на ручей, что журчал между нами, спускаясь вниз по холму.

– Что это? – спросил я.

– Вода, – ответил он.

– Говорят, на том берегу есть король, – сказал я.

Тогда я совсем не знал Калума, да и не успел узнать его лучше, но глаза его стали осторожными, а голова склонилась набок.

– Как мне убедиться, что вы тот, за кого себя выдаете?

– Я ничего не утверждаю, – сказал я. – Но некоторые утверждают, что на Туманном острове есть пещера, а вы знаете к ней путь.

– Я не скажу вам, где она.

– Я и не собирался спрашивать. Мне нужен проводник. Вдвоем идти безопаснее.

Он смерил меня взглядом, и я ждал шутки о своем росте, но ее не последовало, и я был ему за это благодарен. Он просто сказал:

– Когда мы доберемся до пещеры, я входить в нее не стану. Будете выносить золото сами.

Я ответил:

– Как скажете.

– Берите столько, сколько унесете. Я к нему не прикаснусь. Но я вас отведу.

– Вы получите за труды хорошие деньги. – Я полез за пазуху и протянул ему мешочек. – Это за то, что вы меня туда отведете. И другой, в два раза больше, по возвращении.

Он насыпал из мешочка монет на свою огромную ладонь и кивнул.

– Серебро. Отлично. Хочу попрощаться с женой и сыном.

– Вам не надо собираться?

– В юности я промышлял разбоем, а разбойники ходят налегке. Возьму разве веревку, для гор. – Он похлопал по кинжалу, висевшему на поясе, и вернулся в свой выбеленный дом. Его жену я так и не увидел – ни тогда, ни после. Не знаю, какого цвета у нее волосы.

Я побросал в ручей еще с полсотни камней, и наконец он вернулся с мотком веревки на плече, и мы двинулись прочь от дома, слишком большого для разбойника. Мы шли на запад.

* * *

Горы между большой землей и побережьем похожи на растущие холмы, издали они нежные, багровые и туманные, как облака. Они зовут и манят. Это медленные горы, на такие легко подниматься, словно на пригорок, зато на это уходит целый день, а то и больше. Мы шли все вверх и вверх и к концу дня совсем окоченели.

На вершинах над нами белел снег, хотя дело было в разгар лета.

В тот первый день мы не сказали друг другу ни слова. Нам нечего было сказать. Мы знали, куда идем.

Мы разожгли костер из овечьих катышков и веток боярышника, вскипятили воду и навели себе кашу – каждый бросил в кастрюльку по горсти овса и щепотке соли. Горсть

Калума была огромной, а моя совсем небольшой.

Он усмехнулся:

– Надеюсь, тебе половину не одолеть.

Я ответил, что да, не одолеть, и не солгал, ведь ем я меньше, чем мужчина обычного роста. По мне, это хорошо, я могу прокормиться в чаще орехами и ягодами, что большого человека от голода не спасет.

Тропа вилась по горам, почти никого не встречая. Однажды нам попался лудильщик с ослом, нагруженным старыми кастрюлями. Осла вела девушка; она было улыбнулась мне, решив, что я ребенок, а рассмотрев ближе, насупилась и бросила бы в меня камнем, если бы лудильщик не стегнул ее хлыстом, которым погонял осла. Еще мы обогнали старуху и мужчину, ее внука. Старуха сказала, они идут домой из-за гор. Мы поели с ними, и старуха сообщила, что ходила на роды своего первого правнука и что все прошло удачно. Она предложила предсказать нам судьбу по линиям на ладонях, если мы позолотим ей ручку. Я насыпал старой перечнице муки грубого помола, и она посмотрела на мою руку.

– Я вижу смерть в твоём прошлом и твоём будущем.

– Смерть ждет нас всех, – ответил я.

Она замолчала. Мы сидели на самом высокогорье, где даже летние ветра дышат стужей, где они воют, стегают и в клочья раздирают воздух.

– На дереве была женщина. Теперь будет мужчина.

Я спросил:

– Это что-нибудь значит для меня?

– Возможно будет значить, – ответила старуха. – Остерегайся золота. Серебро никогда тебе не навредит.

И больше ничего мне не сказала.

– Твоя ладонь обожжена, – обратилась она к Калуму Макиннесу. Он молча кивнул. – Дай тогда другую руку, левую. – Он так и сделал. Она всмотрелась в его ладонь. – Ты возвращаешься туда, откуда начал. Ты будешь выше многих. И тебя не ждет могила там, куда ты идешь.

– То есть я не умру? – переспросил он.

– Такова судьба, написанная на левой руке. Я знаю только то, что сказала, не больше.

Она знала больше. Я понял это по ее лицу.

Больше ничего существенного на второй день не произошло.

В ту ночь мы легли спать под открытым небом. Ночь была ясной и холодной, на небе сияли звезды, так ярко и близко, что, казалось, протяни я руку – и могу собирать их, как ягоды.

Мы лежали бок о бок под звездами, и Калум Макиннес сказал:

– Она сказала, тебя ждет смерть. А меня нет. Моя судьба, кажется, счастливее.

– Возможно.

– А, – отмахнулся он от своих мыслей, – чепуха все это. Старушечьи бредни.

Я проснулся в утреннем тумане и увидел, что на нас с любопытством смотрит олень.

На третий день мы перевалили через горный хребет и двинулись вниз.

Мой спутник сказал:

– Когда я был мальчишкой, в очаг упал отцовский кинжал. Я выхватил его, но рукоять была горячей, как пламя. И хотя мне было очень больно, я не выпустил кинжала, а погрузил в воду. Пошел пар. Мою ладонь обожгло, а рука скрючилась, словно теперь до конца времен ей суждено было держать меч.

Я сказал:

– Ты со своей рукой, и я, крошечный человек... Мы – славные герои, что ищут счастья на Туманном острове.

Он засмеялся, коротко и невесело.

– Славные герои! – и больше ничего не сказал.

Снова пошел дождь и уже не переставал. Эту ночь мы провели в маленьком домишке. Из трубы поднималась струйка дыма, и мы позвали хозяина, но нам никто не ответил.

Я открыл дверь и снова крикнул. Было темно, но я учуял запах свечного жира, словно тут горела свеча, которую недавно затушили.

– Никого нет дома, – сказал Калум, но я покачал головой и наклонился, чтобы заглянуть под кровать.

– Может, вылезете? – спросил я. – Мы просто путники, ищем тепла, крова и приюта. Готовы поделиться овсом, со-

лью и виски. И мы не причиним вам вреда.

Сначала женщина, спрятавшаяся под кроватью, молчала. Потом сказала:

– Муж ушел в горы и велел мне спрятаться, если придут чужие, чтобы со мной ничего не сотворили.

– Я всего лишь маленький человек, добрая госпожа, ростом не больше ребенка, вы повалите меня одним ударом. Мой спутник – обычного роста, но я клянусь, что ничего плохого он не сделает. Мы только воспользуемся вашим гостеприимством и просушим одежду. Вылезайте, прошу вас.

Она вылезла, вся в пыли и паутине, но даже с перепачканным лицом она оказалась красавицей, с длинными, густыми, золотисто-рыжими волосами. На миг она напомнила мне мою дочь, однако та смотрела людям в глаза, а эта испуганно уставилась в землю, словно ожидая побоев.

Я поделился с ней овсом, Калум достал из кармана полоски сушеного мяса. Женщина вышла и вернулась с парой вялых репок, а потом приготовила еду на троих.

Я наелся, женщина ужина почти не коснулась. Калум, который все подъял, наверняка остался голоден. Он налил всем виски. Женщина выпила совсем немного, разбавив виски водой. По крыше барабанил дождь, в углу капало с потолка. Хоть нам здесь были не рады, я был доволен, что на эту ночь у меня есть кров.

И тут в дверь вошел мужчина. Он ничего не сказал, лишь вперился в нас недоверчиво и зло. Потом снял плащ из про-

масленной дерюги и шапку, бросил на земляной пол. Повисла гнетущая тишина.

Калум Макиннес сказал:

– Ваша жена позволила нам здесь остановиться, когда мы ее нашли. Правда, это случилось далеко не сразу.

– Мы попросили ее о ночлеге, – добавил я. – И о том же просим вас.

Мужчина фыркнул.

На высокогорье люди на слова так же скупы, как на золотые монеты. Однако у них существует обычай: когда путник просится переночевать, ему нельзя отказать, даже если ты в кровной вражде с ним самим или его кланом.

Женщина – почти девчонка, а борода мужчины седая, и я было подумал, не дочь ли она ему, но нет, у них была всего одна кровать, где едва могли улечься двое, – она пошла в овечий загон, примыкавший к дому, и вернулась с овсяными лепешками и вяленой ветчиной, которые там спрятала. Порезала тонкими ломтями ветчину и поставила прямо на деревянной доске перед мужчиной.

Калум налил мужчине виски.

– Мы ищем Туманный остров. Вы не знаете, он на месте?

Мужчина взглянул на нас. На высокогорье горькие ветра, они выхлестывают слова из человека. Поджав губы, он ответил:

– Ну. Сегодня утром я видел его с вершины. Сегодня на месте. А насчет завтра не знаю.

Мы легли спать на твердом земляном полу. Огонь потух, и от очага не было тепла. Мужчина и его женщина спали на кровати, за занавеской. Он воспользовался женой прямо под овечьей шкурой, прикрывавшей кровать, а прежде прибил за то, что накормила нас и впустила в дом. Я все слышал, не мог не слышать, сон ко мне не шел.

Мне доводилось ночевать в бедняцких лачугах, я спал во дворцах и под звездами, и до той ночи я бы вам сказал, что мне все равно, где спать. Но тут я проснулся до рассвета, уверенный, что пора уходить, хоть и не знал почему, и разбудил Калума, приложив палец к его губам. Мы неслышно покинули дом на горном склоне, не попрощавшись, и я никогда еще так не радовался тому, что ухожу.

Мы отошли на милю, когда я сказал:

– Остров. Ты спрашивал, будет ли он на месте. А ведь остров или есть, или его нет.

Калум долго взвешивал слова и только потом ответил:

– Туманный остров не такой, как остальные. А туман, который его окружает, не такой, как другие туманы.

Мы спустились по тропе, за сотни лет протоптанной овцами, оленями и немногими людьми.

– Его еще называют Крылатым островом – некоторые говорят, что сверху он похож на крылья бабочки. Не знаю, правда ли это. А Пилат еще шутил, мол, что есть истина?

Спускаться было сложнее, чем подниматься.

Я обдумал его слова.

– Иногда мне кажется, истина – это просто место. Мне кажется, она как город: к нему тянутся сотни дорог, тысячи троп, которые в конце концов приведут туда же. Не имеет значения, откуда ты. Если идешь к истине, ты достигнешь ее, по какому бы пути ни шел.

Калум Макиннес молча посмотрел на меня сверху вниз. А потом сказал:

– Ты ошибаешься. Истина – это пещера в Черных горах. Туда один путь, только один, он опасен и тяжел, а если выберешь неверную тропу, – умрешь в одиночестве на склоне.

Мы перевалили через гору и посмотрели вниз, на побережье. У воды виднелись селения. А прямо передо мной, по другую сторону моря, из тумана выступали высокие черные горы.

– Там твоя пещера, – сказал Калум. – В тех горах.

Это кости земли, подумал я. Но от этой мысли мне стало не по себе, и, чтобы отвлечься, я спросил:

– Сколько раз ты там бывал?

– Лишь однажды. – Калум помолчал. – Я искал пещеру весь свой шестнадцатый год, потому что слышал легенды и верил: если буду искать ее, то найду. В семнадцать я до нее добрался и вынес столько золота, сколько смог.

– Ты не испугался проклятия?

– В юности я ничего не боялся.

– И что ты сделал со своим золотом?

– Часть закопал в одном мне известном месте. Осталь-

ным заплатил за женщину, которую любил, и построил хороший дом.

Он замолчал, словно и так сказал слишком много.

На берегу не было перевозчика. Только лодчонка, в которой едва могли поместиться трое рослых мужчин, причаленная к кривому мертвому стволу, рядом – колокол.

Я позвонил в колокол, и вскоре к нам подошел какой-то толстяк.

Он сказал Калуму:

– Вам переправа будет стоить шиллинг, а за мальчика платите три пенни.

Я выпрямился. Я не столь высок, как другие мужчины, но гордости у меня не меньше, чем у них.

– Я тоже мужчина. И заплачу шиллинг.

Перевозчик смерил меня взглядом и поскреб в бороде.

– Прошу прощения! Глаза уже не те... Я отвезу вас на остров.

Я протянул ему шиллинг. Он взвесил монету в руке.

– Вы не обманули меня на девять пенсов. Большие деньги в наши трудные времена.

Вода была цвета сланца, хоть небо и синело над головами, а волны гонялись друг за другом в белых шапках. Перевозчик отвязал лодку и с грохотом протащил ее по гальке. Мы вошли в холодную воду и залезли в лодку.

Плеск весел, лодка легко заскользила вперед. Я сел ближе к лодочнику.

– Девять пенни, может, и хорошие деньги. Но я слышал о пещере в горах Туманного острова, где полно золотых монет и древних сокровищ.

Он пренебрежительно качнул головой.

Калум пристально посмотрел на меня, сжав губы так, что они побелели. Я, не обращая внимания, вновь заговорил:

– Пещера, полная золотых монет. Наследие норманнов, южан или тех, кто, говорят, был тут задолго до всех нас. Тех, кто скрылся на Западе, когда пришли люди.

– Слышал, – кивнул лодочник. – И слышал также, что на золоте лежит проклятие. Вот одно о другом и позабылось. – Он сплюнул в море и добавил: – Ты честный человек, карлик. Вижу по твоему лицу. Не ищи пещеру, добра из этого не выйдет.

– Конечно, вы правы, – сказал я и не покривил душой.

– Ясное дело, – ответил он. – Не каждый день возишь разбойника и карлика на Туманный остров. В наших краях плохая примета вспоминать тех, кто ушел на Запад.

Остаток пути мы молчали. Море тем временем стало беспокойным, а волны били в бок лодки так сильно, что, боясь выпасть за борт, я держался за нее обеими руками.

Когда минуло, как показалось, полжизни, лодка пристала к длинному причалу из черных камней. Вокруг разбивались волны, по лицам стекали соленые брызги. На причале стоял горбун и продавал овсяные лепешки и сушеные сливы, твердые, словно каменные. Я дал ему пенни и наполнил сливами

карманы кожаной куртки.

Мы ступили на Туманный остров.

Теперь я стар – во всяком случае немолод, – и все, что вижу, напоминает мне о чем-то ином, виденном прежде. Красотка с огненно-рыжей гривой напоминает мне еще сотню таких девиц и их матерей, какими они были в детстве, какими умерли. Проклятие возраста – все вокруг становится отражением чего-то другого.

Впрочем, время, проведенное на Туманном острове, который мудрые называют Крылатым, ни о чем ином мне не напоминает.

От того причала до Черных гор был день пути.

Калум Макиннес посмотрел на меня, коротышку, вполувину ниже его, и пошел широким шагом, словно проверяя, догоню ли. Он шагал по сырой земле, сплошь покрытой папоротником и вереском.

Над нами низко бежали облака, серые, белые и черные, прятались друг за друга, выглядывали и снова прятались.

Я дал ему обогнать меня, дал уйти в дождь, и Калума поглотил сырой серый туман. Тогда, и только тогда, я побежал.

Это одна из моих тайн, тех, что я не раскрыл ни единому человеку, кроме Мораг, моей жены, Джонни и Джеймса, моих сыновей, и Флоры, моей дочери (пусть тени хранят покой ее несчастной души): я умею бегать, и бегать хорошо. Если нужно, я могу бежать быстрее и дольше, чем любой мужчина обычного роста. Именно так я бежал тогда, сквозь туман

и дождь, забравшись на чернокаменное взгорье, но держась ниже окоема.

Он был впереди, но очень скоро я его нагнал, все продолжая бежать. Я бежал прямо за ним, но чуть выше, и нас разделяла вершина горы. Под нами бурлил поток. Я могу бежать не останавливаясь дни напролет. Это – одна из трех моих тайн, а еще одну тайну я так и не открыл никому.

Мы заранее договорились, где станем лагерем в ту первую ночь на Туманном острове. Калум предложил провести ночь под камнем, который называется Человек и Пес, потому что, по слухам, он похож на старика и его собаку. Я достиг этого камня ранним вечером. Под камнем был шалаш, прочный и сухой, а те, кто наведывался сюда до нас, оставили дрова – палки, сучья и ветки. Я развел костер, просушился и прогрел кости. Над вереском вознесся дым.

Уже стемнело, когда Калум размашистым шагом зашел в шалаш и уставился на меня, словно не ожидая увидеть.

Я спросил:

– Что ж ты так долго, Калум Макиннес?

Он ничего не ответил, только все смотрел. Я продолжил:

– Есть форель, отваренная в горной воде, и костер, чтобы отогреть кости.

Он кивнул. Мы поели форели, для тепла выпили виски. В задней части навеса была куча бурого сушеного вереска и папоротников. Мы заснули на ней, плотно завернувшись в отсыревшие плащи.

Я проснулся среди ночи. К моему горлу прижималась холодная сталь – тупая грань, не острая.

Я спросил:

– С чего это ты решил убить меня среди ночи, Калум Макиннес? Наш путь долг, и путешествие еще не закончилось.

– Я не доверяю тебе, карлик.

– Ты должен доверять не мне, – ответил я, – а тем, кому я служу. Если уйдешь со мной, а вернешься без меня, найдутся те, кто узнает имя Калума Макиннеса и произнесет его в тени.

Холодное лезвие осталось у моего горла.

– Как ты меня обогнал?

– Я отплатил добром за зло – приготовил тебе пищу и костер. От меня трудно убежать, Калум Макиннес, и не пристало так поступать проводнику, как ты поступил сегодня. А теперь прими от моего горла железо и дай поспать.

Он ничего не ответил, но кинжал убрал. Я постарался не вздохнуть и не переводить дух, надеясь, что он не слышит, как бешено колотится мое сердце. Той ночью я больше не сомкнул глаз.

На завтрак я сварил кашу и бросил в котелок сушеных слив, чтобы они размякли.

Горы были черными и серыми на фоне белого неба. Мы видели орлов, огромных, с растрепанными крыльями; орлы кружили над нами. Калум пошел не быстро и не медленно, и я делал два шага на каждый его шаг.

– Сколько еще? – спросил я.

– День. Возможно два. Зависит от погоды. Если спустятся облака, тогда два дня, а то и все три...

В полдень спустились облака, мир окутало туманом, худшим, чем дождь: в воздухе повисли капельки воды, которые промочили нас до нитки. Камни под ногами стали опасными, и мы пошли медленнее и осторожнее. Мы поднимались в гору, пробираясь козьими тропами. Скалы были черными и скользкими. Мы карабкались и цеплялись, шатались, скользили, оступались, спотыкались – но даже в тумане Калум знал, куда идет, а я следовал за ним.

Он встал у водопада, который преградил нам путь широким потоком. Снял с плеча веревку, обмотал вокруг скалы.

– Раньше его тут не было, – сказал он. – Пойду первым.

Калум обвязал один конец веревки вокруг пояса и боком пошел вперед, в струи воды, прижимаясь телом к мокрой скале, пробираясь медленно и целеустремленно.

Я испугался за него, испугался за нас обоих. Я задержал дыхание, пока он проходил, и выдохнул, лишь когда он оказался по другую сторону водопада. Калум проверил веревку, потянул за нее и позвал меня за собой. И тут под его ногой скала поддалась, он поскользнулся на мокром камне и упал в пропасть.

Веревка выдержала. Калум Макиннес повис на ней. Он смотрел на меня снизу вверх. Я вдохнул, зацепился за выступ и вытащил его на тропу. С Калума стекала вода, а изо рта

сыпалась ругань.

А потом он сказал:

– Ты сильнее, чем кажешься.

И я проклял себя за глупость. Видимо, он заметил это, потому что, отряхнувшись (как пес, даже капли полетели в разные стороны), добавил:

– Мой сын рассказал мне, что ты рассказал ему. Как Кэмпбеллы пришли за тобой, а жена послала тебя в поле, и они решили, что она твоя мамаша.

– Это была просто сказка, – ответил я, – чтобы убить время.

– Неужели? А то я слышал, пару лет назад Кэмпбеллы выезжали, чтобы отомстить тому, кто угнал их скотину. Поехали и больше не вернулись. Если малец вроде тебя способен убить дюжину Кэмпбеллов – наверняка он сильный и быстрый.

Наверняка он глупый, подумал я и раскаялся, что рассказал ту историю ребенку.

Я перебил их всех, одного за другим, как кролей, когда они выходили облегчиться или проверить, что стряслось с остальными. Я убил семерых, а потом и моя жена убила впервые в жизни. Мы похоронили мертвецов в узкой горной долине, соорудили пирамидку из камней, чтобы придавить тела к земле, чтобы их призраки там не слонялись. Мы печалились, что Кэмпбеллы пришли издалека, желая убить меня, и что нам пришлось убить их в ответ.

Я не радуюсь убийству: ни один мужчина не должен получать от этого радости и ни одна женщина. Иногда убивать необходимо, но это всегда дурно. Я не сомневаюсь в этом и теперь, после тех событий, о которых сейчас рассказываю.

Я взял у Калума Макиннеса веревку и взобрался по камням выше, еще выше, туда, где водопад вытекал из горы и был настолько узок, что я мог его перейти. Там было скользко, но я перебрался без приключений, привязал канат, спустился по нему, бросил конец своему спутнику и помог ему перейти на другую сторону.

Калум не поблагодарил меня ни за то, что я его спас, ни за то, что помог. Я не ждал благодарности. Правда, не ждал я и того, что он скажет:

– Ты мужчина неполного роста, и ты уродлив. Твоя жена тоже уродливая карлица?

Я решил не обижаться, хотел он меня обидеть или нет.

– Нет, она не такая. Она высокая, почти как ты, а когда была молодой – когда мы оба были моложе – многие считали ее самой красивой девушкой долины. Барды писали песни, восхваляя ее зеленые глаза и длинные рыже-золотые волосы.

Мне показалось, он поморщился, но возможно, я это вообразил, а еще вероятнее, захотел вообразить.

– Тогда как ты ее добился?

– Я хотел ее, а я получаю, что хочу. Я не сдавался. Она сказала, что я мудрый и добрый и что всегда ее накормлю. Так и вышло.

Снова начали опускаться облака, и острые края мира расплылись, смягчились.

– Она сказала, что я буду хорошим отцом. И я сделал все возможное, чтобы вырастить своих детей, которые тоже, если хочешь знать, обычного роста.

– Я вколачиваю ум в юного Калума, – произнес старший Калум. – Он неплохой ребенок.

– Увы, они не всегда с тобой... – Я замолчал и вспомнил тот долгий год; потом вспомнил Флору, когда она была крохой, сидела на полу, измурзанная, вся в варенье, и смотрела на меня снизу вверх, словно я величайший мудрец на земле.

– Сбежал кто-то, да? Я сбежал, когда был мальчишкой, в двенадцать. Добежал до самого двора Короля-за-Водой. Отца теперешнего короля.

– О таком редко говорят вслух.

– Я не боюсь. Чего бояться? Кто нас услышит? Орлы? Я видел его. Толстяк, который говорит на языке чужаков бегло, а на нашем – с трудом. Но все равно он наш король. – Калум помолчал. – А если он снова захочет к нам вернуться, ему понадобится золото на корабли, оружие и войско, которое он соберет.

Я ответил:

– И я так думаю. Потому мы и ищем пещеру.

– Это плохое золото. Оно достается не бесплатно. У него есть цена.

– У всего есть цена.

Я запоминал каждую веху на пути – подняться напротив овечьего черепа, перейти через первые три ручья, пройти вдоль четвертого до кучи из пяти камней, найти камень, похожий на чайку, пробраться по уклону между двумя остро выпирающими стенами черного камня...

Я знал, что могу все это запомнить. Достаточно хорошо, чтобы потом спуститься самому. Хотя туманы сбивали меня с толку, и я сомневался.

Мы добрались до небольшого высокогорного озера, напились свежей воды, наловили огромных белых тварей – не креветок, не омаров и не раков – и съели их сырыми, как колбасу, потому что на этой высоте не смогли найти хвороста для костра.

Мы уснули на широком карнизе рядом с ледяной водой, а до рассвета проснулись среди облаков, в серо-синем мире.

– Ты плакал во сне, – сказал Калум.

– Я видел сон, – ответил я.

– У меня не бывает плохих снов.

– Это был хороший сон.

Я не солгал. Мне снилось, что Флора жива. Она ворчала на деревенских мальчишек, рассказывала, как пасла в горах скот, говорила о всяких пустяках, широко улыбаясь и отбрасывая назад волосы с золотистой рыжиной, как у матери, хотя у ее матери волосы теперь с проседью.

– От хороших снов мужчина не должен рыдать, – сказал Калум. Помолчал и добавил: – У меня не бывает ни плохих

снов, ни хороших.

– Правда?

– С юности.

Мы поднялись, и мне пришла в голову мысль:

– Ты перестал видеть сны после того, как побывал в пещере?

Он ничего не ответил. Мы пошли вдоль склона в туман. Выходило солнце.

На солнце туман будто сгущался и наполнялся светом, но не растворялся, и я понял, что это облако. Весь мир сиял. А потом мне показалось, что я смотрю на мужчину своего роста, крошечного карлика, и его тень висит передо мной в воздухе, как призрак или ангел, и двигается, когда двигаюсь я. Тень окружал световой ореол, фигура мерцала, и я не мог бы сказать вам, близко она или далеко. Я видел чудеса и видел ужасы, но никогда не встречал ничего подобного.

– Это волшебство? – спросил я, хотя не чувствовал в воздухе волшебства.

– Это ничто, – ответил Калум. – Свойство света. Тень. Отражение. Я тоже вижу рядом с собой человека. Он двигается, как я.

Я обернулся, но никого рядом с ним не увидел.

А потом сияющий человечек пропал, облако тоже. Начался день, и мы остались одни.

Все утро мы шли вверх. Калум за день до того подвернул щиколотку, когда поскользнулся на водопаде. Теперь она

распухла и покраснела, однако он не замедлял шага, и если ему и было неприятно или больно, по его лицу этого было не определить.

Когда сумерки начали размывать края мира, я спросил:

– Сколько еще?

– Час, может, меньше. Доберемся до пещеры, заночуем. Утром зайдешь внутрь. Вынесешь столько золота, сколько сумеешь, и мы пойдем обратно, прочь с этого острова.

Я посмотрел на него: волосы с сединой, серые глаза, огромный человек-волк – и сказал:

– Ты хочешь ночевать перед пещерой?

– Хочу. Там нет чудовищ. Никто не вылезет среди ночи и не заберет тебя. Никто не съест. Но заходить туда до дневного света нельзя.

Мы обогнули кучу упавших камней, черных и серых, преградившую нам путь, и увидели устье пещеры.

– И это все? – спросил я.

– Ты ожидал мраморных колонн? Или пещеру великана из бабьих сказок?

– Хотя бы. Она ничего из себя не представляет. Дыра в скале. И ее никто не охраняет?

– Никто. Только само это место и его суть.

– Пещера, полная сокровищ... И ты единственный, кто смог ее найти?

Калум рассмеялся, словно твякнула лиса.

– Местные знают, как ее найти. Но они слишком мудры,

чтобы приходиться сюда за золотом. По их словам, пещера делает человека злым: каждый раз, когда в нее заходишь, каждый раз, когда берешь сокровища, она выедает из твоей души добро. Они и не заходят.

– Это правда? Она делает злым?

– Нет. Пещера питается чем-то другим. Не добром и не злом. Ты берешь что хочешь, но потом все... все какое-то плоское. В радуге меньше красоты, в проповеди меньше смысла, в поцелуе – радости... – Калум посмотрел на устье пещеры, и мне показалось, что в его глазах мелькнул страх. – Меньше.

– Для многих притягательность золота перевешивает красоту радуги, – сказал я.

– Например для меня в юности. Или для тебя.

– Стало быть, заходим на рассвете.

– Ты заходишь. Я подожду здесь. Не бойся, пещеру не охраняют чудовища. И там нет волшебства – золото не исчезнет, если не знаешь заклинания или стишка.

Мы разбили лагерь. Точнее, прислонились в темноте к холодной каменной стене. Заснуть так было невозможно.

Я сказал:

– Ты забрал отсюда золото, как это сделаю завтра я. Ты купил на него дом, невесту, доброе имя.

Из темноты донесся его голос:

– Ну да. И когда я все это получил, оно ничего для меня не значило, вернее, значило даже меньше, чем ничего. Если

благодаря твоему золоту вернется Король-за-Водой, вновь станет нами править и сделает эту землю землей радости, процветания и света, это ничего не будет для тебя значить. Как сказка про кого-то еще, не про тебя.

– Я жизнь посвятил тому, чтобы вернуть короля.

– И ты отнесешь ему золото. Твой король захочет еще, королям всегда его не хватает. Так уж повелось. Каждый раз это будет значить для тебя все меньше. Радуга не доставит радости. А убить для тебя станет проще простого.

В темноте наступило молчание. Не было слышно птиц – только ветер, который завывал и вздыхал в горах, как мать, потерявшая младенца.

Я сказал:

– Мы оба убивали мужчин. Ты когда-нибудь убивал женщину, Калум Макиннес?

– Нет. Я не убивал ни женщин, ни девиц.

Я провел рукой по своему кинжалу: вот дерево рукоятки, вот сталь лезвия. Он в моих руках. Я не собирался ничего говорить, только ударить, когда выйдем из гор, один раз глубоко вонзить кинжал, но слова сыпались из меня против воли.

– Говорят, была все-таки девушка, – сказал я. – И куст боярышника.

Молчание. Свист ветра.

– Кто тебе сказал? – спросил Калум. – Хотя – неважно. Я не стал бы убивать женщин. Ни один человек чести не убьет

женщину...

Я знал, если скажу хоть слово, он замолчит. Я ничего не сказал. Просто ждал.

Калум Макиннес начал говорить. Он выбирал слова с осторожностью, будто вспоминал сказку, услышанную в детстве и почти забытую.

– Мне говорили, в долинах коровы тучны и гладки, и что мужчина заслужит честь и славу, если сойдет в долины и вернется с добрым рыжим скотом. Я пошел на юг, но ни одна корова не показалась мне достаточно хороша, пока на склоне холма я не заметил самых гладких, рыжих, тучных коров, какие только видел человек. И я повел их прочь, туда, откуда пришел.

Та девушка погналась за мной с палкой. Скот принадлежит ее отцу, сказала она, а я разбойник и негодяй. Она была красива, хоть и зла; не будь у меня молодой жены, я обошелся бы с ней добрее. Вместо того я достал нож, провел по ее горлу и велел заткнуться. Она послушалась.

Я не хотел ее убивать – я не убиваю женщин, правда, – поэтому и привязал ее за волосы к кусту боярышника, вытащил у нее из-за пояса нож, чтобы она не сразу освободилась, и вонзил лезвие глубоко в дерн. Я привязал ее к кусту длинными прядями, ушел с ее скотом и больше о ней не вспоминал.

Через год я вернулся в те края. В тот день я не искал коров, но пошел по той стороне берега – это было безлюдное

место, и если не искать нарочно, можно было не заметить. Видно, никто ее не искал.

– Я слышал, что искали, – возразил я. – Хотя одни думали, что ее похитили, а другие – что она убежала с жестянщиком в город. Но ее искали.

– Ага. Я видел лишь то, что видел. Быть может, я совершил дурной поступок.

– Быть может?

– Я взял золото из пещеры. И теперь не знаю, что добро, а что зло. Я послал весть с мальчишкой из таверны, передал, где можно ее найти.

Я закрыл глаза, но мир не стал темнее.

– Это зло, – сказал я.

В своих мыслях я видел ее скелет, лишенный одежды, лишенный плоти, столь обнаженный и белый, каким никто никогда не бывает, висящий, будто марионетка, на кусте боярышника, привязанный к верхней ветке за золотисто-рыжие волосы.

– На рассвете, – произнес Калум Макиннес, словно мы только что говорили о провизии или погоде, – ты оставишь свой кинжал, потому что таков обычай, и вынесешь столько золота, сколько сможешь. И возьмешь с собой на большую землю. В этих краях ни единая душа, зная, что у тебя и откуда, не станет тебя обирать. Пошлешь золото Королю-за-Водой, и тот заплатит своим людям, накормит их и вооружит оружие. Однажды он вернется. Вот тогда и скажешь мне, что

есть зло, маленький человек.

* * *

Когда солнце встало, я вошел в пещеру. Там было сыро. Я услышал, как по стене стекает вода, и почувствовал ветер на лице, что было странно, потому что внутри горы ветра нет.

Я представлял себе пещеру полной золота. Целые поленицы золотых брусков, мешки золотых монет. Золотые цепи и золотые кольца, золотые блюда, что громоздятся, как фарфор в доме богача.

Я воображал богатства. Но ничего такого не увидел. Только тени. Только скалы.

Зато тут было нечто другое. Оно ждало.

У меня есть тайны, но одна спрятана под всеми остальными, и даже мои дети ее не знают, хотя жена, видимо, подзревает о ней. Моя мать была смертной, дочкой мельника. Мой отец пришел к ней с Запада, и на Запад вернулся, натешившись. Я не строю иллюзий по поводу его отцовства: наверняка он не вспоминает о ней да и вряд ли знает о моем существовании. Но он оставил мне тело, небольшое, быстрое и сильное. Возможно, я пошел в него и в других смыслах – трудно сказать. Я уродлив, а мой отец был красив; во всяком случае, так говорила мне мать, хотя он мог отвести ей глаза.

Интересно, что я увидел бы в этой пещере, если бы моим отцом был какой-нибудь трактирщик из низин?

Ты бы увидел золото, произнес шепот, который и не был шепотом, откуда-то из сердцевины горы. Это был одинокий голос, рассеянный и скучающий.

– Я бы увидел золото, – повторил я вслух. – Оно было бы истинным или мороком?

В шепоте послышалась усмешка.

Ты мыслишь как смертный, для которых все либо одно, либо другое. Они увидят золото, коснутся золота. Они унесут золото с собой, постоянно ощущая его тяжесть, они выменяют у других смертных на него, что захотят. Какая разница, есть оно или нет, если они его видят, касаются, крадут, если они за него убивают? Им нужно золото, и я даю им золото.

– И что берешь взамен?

Мало, ибо нужды мои невелики, а я стара, слишком стара, чтобы последовать за сестрами на Запад. Я пробую на вкус их удовольствие и радость. Я кормлюсь тем, что им не нужно и что они не ценят. Лизну сердце, кусну совесть, отщипну от души. А взамен кусочек меня выходит из пещеры вместе с ними, смотрит на мир их глазами, видит то, что они видят, пока их жизни не кончатся и я не забираю свое.

– Ты покажешься мне?

Я видел в темноте лучше, чем любой человек, рожденный от мужчины и женщины. В тених что-то мелькнуло, а потом они сгустились и сместились, и мне открылось нечто бесформенное на той грани, где восприятие встречается с вообра-

жением. Я встревожился и сказал то, что положено говорить в таких случаях:

– Прими вид, который не повредит мне и не оскорбит мое зрение.

Ты этого хочешь?

Далекое капанье воды.

– Да, – сказал я.

Оно вышло из теней и уставилось на меня пустыми глазами, улыбнулось истертыми желтоватыми зубами. Оно было все из костей, кроме волос, а волосы были рыже-золотистыми, обернутыми вокруг ветви боярышника.

– Это оскорбляет мое зрение.

Я взяла его из твоей головы, сказал шепот, хотя челюсть скелета не шелохнулась. Я выбрала то, что ты любил. Это твоя дочь, Флора, какой ты видел ее в последний раз.

Я закрыл глаза, но фигура не уходила.

Разбойник ждет тебя у входа в пещеру. Он ждет, когда ты выйдешь, безоружный и нагруженный золотом. Он убьет тебя и возьмет золото из твоих мертвых рук.

– Но я не выйду с золотом, так ведь?

Я подумал о Калуме Макиннесе. У него седая волчья грива, серые глаза и острый кинжал. Он выше меня, хотя все мужчины меня выше. Я сильнее и быстрее, но он тоже быстр и силен.

Он убил мою дочь, подумал я, а потом подумал: моя ли это мысль или она вползла в мою голову из теней? Вслух я

сказал:

– Из пещеры есть другой выход?

Ты выйдешь как вошел, через устье моего дома.

Я стоял неподвижно, однако в мыслях я был как пойманный в ловушку зверь, мечущийся туда-сюда, не находящий зацепки, утешения, выхода.

– Я безоружен. Он сказал мне, что сюда нельзя войти с оружием. Таков обычай.

Теперь действительно такой обычай – не приносить ко мне оружие. Но так было не всегда. Иди за мной, сказал скелет моей дочери.

Я пошел за ней, потому что видел ее, хотя больше ничего в темноте не видел.

В тени. Под твоей рукой.

Я наклонился и нащупал его. Рукоять была похожа на кость – возможно, олений рог. Я осторожно тронул лезвие и обнаружил, что держу нечто, больше похожее на шило, чем на нож. Лезвие было тонким и заостренным. Лучше, чем ничего.

– Есть цена?

– Всегда есть цена.

– Тогда я заплачу ее. И попрошу еще об одном. Ты можешь видеть мир его глазами? Тогда скажи мне, когда он заснет.

Скелет ничего не ответил. Смешался с темнотой, и я почувствовал, что остался один.

Время шло. Я пошел на звук капающей воды, нашел углубление в камне и попил. Размочил остатки овса и съел, жуя, пока овес не растворился во рту. Заснул, проснулся и снова заснул. Мне приснилась жена, Мораг, которая ждет меня, пока времена года сменяют друг друга, совсем как мы ждали нашу дочь. Ждет меня вечно.

Что-то похожее на палец коснулось моей руки – не костлявое и не твердое. Мягкий палец, как у человека, но слишком холодный.

Он спит.

Я вышел из пещеры в синей предрассветной мгле. Макиннес спал поперек выхода, чутко, как кошка; любое прикосновение его разбудило бы. Я выставил вперед свое оружие – костяную рукоятку и похожее на иглу лезвие из черного серебра, – протянул руку и взял то, что мне было нужно, не разбудив его.

Я подошел ближе. Он чуть не схватил меня за лодыжку.

– Где золото? – спросил Калум Макиннес, открыв глаза.

– У меня его нет.

Ветер веял холодом. Когда Калум потянулся ко мне, я отскочил.

Он приподнялся на локте и спросил:

– Где мой кинжал?

– Я забрал его. Пока ты спал.

Он сонно посмотрел на меня.

– Зачем? Если бы я хотел тебя убить, я бы сделал это по

дороге сюда.

– Но тогда со мной не было золота, верно?

Он ничего не ответил.

– Думаешь, что спас бы свою душонку, если бы золото из пещеры вынес я? Глупец!

Он уже не выглядел сонным.

– Так я глупец?

Он был готов броситься на меня. Полезно злить людей перед стычкой.

Я ответил:

– Нет. Я встречал глупцов и дурней, и они счастливы в своей глупости, будь у них даже солома в волосах. Ты слишком мудр для глупости. Ты ищешь горя и несешь с собой горе, ты призываешь горе ко всем, кого коснешься.

Тогда он встал, сжимая в руке камень как топор, и пошел вперед. Я невысок, и он не мог ударить меня, как ударил бы мужчину своего роста. Он наклонился. Это было ошибкой.

Я крепко стиснул кожаную рукоятку и быстро, как змея, ударил вверх кончиком шила. Я знал, куда мечу, и знал, что от этого будет.

Макиннес уронил камень и схватился за правое плечо.

– Рука! Я не чувствую руку!

Он стал ругаться, оскверняя воздух проклятиями и угрозами. Утренний свет на верхушке горы придавал всему красивый синий оттенок. Даже кровь, которая начала пропитывать одежду Макиннеса, казалась фиолетовой.

Он отступил на шаг назад, оказавшись между мной и пещерой. Я почувствовал себя в ловушке. За моей спиной вставало солнце.

– Почему ты без золота? – спросил он.

Его рука безвольно обвисла.

– Для таких, как я, там золота нет, – ответил я.

Тогда он бросился вперед и пнул меня ногой. Кинжал-шило вылетел из моей руки. Я вцепился в ногу Калума, и мы покатались с горы.

Я увидел торжество на его лице, а потом я увидел небо, а потом дно долины оказалось надо мной, и я полетел вверх, прямо к нему, а потом оно оказалось внизу, и я начал падать навстречу смерти.

Мир превратился в головокружительную вереницу камня, боли и неба, и я знал, что уже покойник, но все равно цеплялся за ногу Калума Макиннеса.

Я увидел летящего беркута, только не разобрался, подо мной или надо мной – в рассветном небе, в осколках времени и восприятия, в боли. Я не боялся: не осталось ни времени, ни пространства для страха ни в уме, ни в сердце. Я падал сквозь небо, цепко держась за ногу человека, который пытался меня убить. Мы врезались в камни, покрывались ссадинами и ушибами, а потом...

...остановились. Меня дернуло и чуть не сбросило с Калума Макиннеса, к смерти внизу. Склон давно обрушился, и осталась полоса камня, без выступов и выемок, гладкая как

стекло. Но это под нами. А там, где оказались мы, был карниз, и на карнизе – чудо: там, где уже не растут деревья, где у них нет никакого права расти, прижился куст боярышника, карликовый и узловатый, совсем небольшой, хоть и старый. Его корни вросли в гору, и именно он поймал нас в свои серые объятия.

Я отпустил ногу Калума Макиннеса и слез с него. Встал на узком карнизе и посмотрел на крутой обрыв. Пути вниз не было. Совсем.

Я посмотрел вверх. Возможно, если карабкаться медленно и если повезет, мне удастся подняться. Если не пойдет дождь. Если ветер не будет слишком жаден. Да и какой у меня выбор?

Голос.

– Стало быть... Ты оставишь меня здесь умирать, карлик?

Я ничего не сказал. Мне было нечего сказать.

Его глаза смотрели на меня.

– После твоего удара я не могу шевельнуть правой рукой.

А падая, я, похоже, сломал ногу. Мне не подняться на гору.

Я ответил:

– Может, я поднимусь, а может, и нет.

– Поднимешься. Я видел, как ты лазаешь, – когда ты спас меня во время перехода через водопад. Ты вскарабкался по тем камням, как белка по дереву.

Я верил в свои способности меньше.

Макиннес сказал:

– Поклянись всем, что для тебя свято. Поклянись своим королем, который ждет за морем с тех пор, как мы выгнали его подданных с этой земли. Поклянись тем, что дорого для существ вроде тебя, – поклянись теньями, орлиными перьями и тишиной. Поклянись, что ты за мной вернешься.

– Ты знаешь, что я за существо? – спросил я.

– Я ничего не знаю. Только то, что хочу жить.

Я задумался.

– Клянусь. Клянусь теньями, орлиными перьями и тишиной. Клянусь зелеными холмами и стоячими камнями. Я вернусь.

– А я бы уже тебя убил, – со смехом сказал человек в кусте боярышника, словно удачно пошутил. – Я собирался убить тебя и забрать золото.

– Знаю.

Его волосы обрамляли лицо седым, как волчья шкура, ореолом. На щеке краснела ссадина.

– Ты мог бы сходить за веревкой и вернуться. Моя веревка там, у входа в пещеру.

– Да, – сказал я. – Я вернусь с веревкой.

Я внимательно посмотрел на скалу. Иногда в горах цепкий глаз может спасти тебе жизнь. Я видел, где надо проходить, видел весь свой путь вверх по склону. Мне показалось, я вижу карниз перед пещерой, откуда мы упали, когда дрались.

Я подул на ладони, чтобы подсушить пот.

– Я вернусь за тобой. С веревкой. Я поклялся.

– Когда? – спросил он, прикрыв глаза.

– Через год, – ответил я. – Я приду сюда через год.

Его крики преследовали меня, пока я полз, стискивал пальцы и подтягивался по склону. Его крики смешивались с воплями огромных хищников и преследовали меня весь путь с Туманного острова, откуда я не привез ничего, что бы оправдало мои старания и мое время. Я буду слышать его крик на краю ума, засыпая или просыпаясь, и так будет, пока не умру.

Дождь утих, а ветер пытался сдуть меня со скалы, но у него ничего не вышло. Я лез все выше и выше, я был спасен.

Когда я достиг карниза, устье пещеры под полуденным солнцем чернело мраком. Я отвернулся от него, от горы, от теней, которые уже начали собираться в трещинах и разломах, в глубине моего черепа.

Я начал долгий путь с Туманного острова. В мой дом вели сотни дорог и тысячи троп, а в конце меня ждала жена.

Перевод Екатерины Мартинкевич

Майкл Маршалл Смит

Неверие³²

Это случилось в Брайант-парке вечером, в самом начале седьмого. Он сидел один под рассеянным светом фонаря, в окружении деревьев, за одним из зеленых изогнутых металлических столиков прямо напротив ворот – сидел целый день. Он был тепло одет – в свою невообразимую одежду – и время от времени отхлебывал из красной пластиковой чашки «Старбакс». Он выглядел обыкновенно: если бы вы увидели его из окна – вы бы ни за что не догадались, кто он на самом деле и какая безграничная власть сосредоточена в его руках.

Два предыдущих вечера были похожи как две капли воды. Я следил за ним от самой Таймс-сквер, видел, как он покупает один и тот же напиток в одном и том же месте и полчаса или час сидит все на том же стуле, глядя на мир вокруг себя. Честно говоря, я не сомневаюсь, что этот человек поступал так всегда в это время дня и это время года. Привычки и ритуалы делают нашу жизнь удобнее и приятнее, а для людей вроде меня это просто подарок.

Эти два дня я наблюдал за ним, отслеживал его действия –

³² «Unbelief» by Michael Marshall Smith. Copyright © 2010 by Michael Marshall Smith.

и только. У меня был заказ на конкретную дату, по причинам, которых я так никогда и не узнал – и которые меня ничуть не интересовали.

В день икс я вошел в парк через другой вход и, стараясь не привлекать внимания, двинулся вперед по аллее.

Когда его увидел, я на мгновение остановился. Он был совершенно беззащитен. В парке было совсем мало посетителей, одни прогуливались, другие сидели за столиком в стремительно сгущающихся сумерках, но это были обычные жители Нью-Йорка, те, кто пытался немного развеяться, прежде чем привычно нырнуть в метро, тоннели, мосты или аэропорты, те, кто ворует это время у семьи, друзей или партнеров. Захватить еще хотя бы несколько секунд, побыть в одиночестве, выкурить тайком последнюю сигарету, сорвать незаконный поцелуй, покрепче обнять перед расставанием – сделать последний вздох, прежде чем за тобой захлопнется дверь тюремной камеры, называемой реальной жизнью.

Их присутствие в парке меня не напрягало. Они все были поглощены либо своими собеседниками, либо собственными мыслями, и никто из них не заметил бы меня до определенного момента – а тогда это уже не имело бы никакого значения. Я выполнял поручения и посложнее. Здесь же можно было выстрелить с двадцати футов и как ни в чем не бывало продолжить путь – но мне не хотелось, чтобы это произошло именно так. Он этого не заслужил. Нет, не заслужил.

Приблизившись, я пристально разглядывал его. Он выглядел совершенно расслабленным – как человек, который наслаждается краткими моментами отдыха перед тем, как приступить к большому и важному делу. Я знал, о чем он думал, чем собирался заняться. И так же хорошо знал, что ничего этого уже не будет.

За его столиком был свободный стул – и я на него сел.

Пару минут он меня не замечал, внимательно вглядываясь то ли в голые ветки деревьев, то ли в квадратные силуэты высотных зданий за ними – листья давно облетели, и дома были хорошо видны. В это время года они всегда хорошо видны, и это делает парк просторнее и в то же время уютнее, роднее.

Беззащитнее.

– Привет, Кейн, – сказал он наконец.

Я никогда не видел его раньше, даже на фото – только на рисунках. И не имел ни малейшего понятия, откуда он узнал мое имя. Но, видимо, в этом и заключалась его работа – знать все обо всех.

– Вы не выглядите удивленным, – сказал я.

Он взглянул на меня и снова устремил взгляд в сторону, должно быть, наблюдая за молодой парочкой за столиком в двадцати ярдах от нас. Они были в теплых пальто и шарфах и обнимались с осторожным оптимизмом. Несколько минут спустя они оторвались друг от друга, смущенно улыбаясь, держа друг друга за руки, вслушиваясь в доносившиеся с

улицы гудки клаксонов, глядя на гирлянды, натянутые между деревьями, наслаждаясь этим местом и этим временем. Скорее всего, это были какие-то едва завязавшиеся отношения, следствие офисной вечеринки, и, возможно, из-за той вечеринки теперь на день Святого Валентина в офисе возникнет неловкое молчание. Или – незапланированная беременность, свадьба – и тоже молчание.

– Я знал, что к этому все ведет. – Он взял со стола крышку от кофейной чашки и изучал ее, словно пытаюсь проникнуть в самую суть. – И не удивлен, что именно ты сидишь сейчас здесь, передо мной.

– Почему?

– Работать в такой вечер! Здесь слишком холодно. Для такого задания нужен конкретный тип исполнителя... Кого еще они могли нанять? Только тебя.

– Это что, комплимент? Вы пытаетесь льстить мне в надежде, что я этого не сделаю?

Он посмотрел на меня через пар, шедший от его пахнущего имбирем латте:

– О, ты-то сделаешь. Я в этом не сомневаюсь.

Мне не понравился его тон, и я почувствовал, как во мне начало распрямляться, расти и заполнять всего меня *нечто*. Если вы когда-нибудь бросали курить, вам должно быть знакомо это внезапное и невероятно сильное желание уничтожить мир и все, что в нем есть, и приступить к этому немедленно, начав с того, кто оказался ближе всех.

Я не знаю, что это такое. У него нет имени. Я только знаю, что оно существует, и я всякий раз чувствую, как оно во мне оживает. А спит всегда довольно чутко.

– Нет, правда, – уточнил я, – неужели вы думаете, что раз у меня появился большой дом, жена и ребенок, я не могу больше делать то, что делаю?

– Они у тебя всегда были и всегда будут с тобой.

– Конечно будут, твою мать!

– Разве это повод для гордости? – Он покачал головой. – Скверно... а ведь ты был хорошим мальчиком.

– Все дети хорошие.

– Нет. Некоторые рождаются уже с дефектом. И что бы вы ни делали и как бы ни старались, рано или поздно дефект выйдет наружу. С тобой было не так. И это гораздо хуже.

– Я сам выбрал, кем мне быть.

– Правда? А ведь всем вокруг известно, каким был твой отец.

Мои руки невольно дернулись.

– Твой отец ни во что не верил, – продолжал он. – Он был неверующим, переполненным ненавистью. Помню, я наблюдал за ним, когда он был маленьким, мне было интересно, каким он вырастет: мертвым внутри или чересчур нежным. А может быть, то и другое одновременно. Я прав?

– Если вы хотите, чтобы все произошло цивилизованно и культурно, – произнес я с большим трудом, – давайте прекратим этот разговор.

– Прости. Но ты ведь приехал сюда убить меня, Кейн, не так ли? Тут что-то личное. Не хочешь поделиться?

Я знал, что нужно прикончить его. Я также знал, что это самое крупное дело в моей жизни, завершение моей карьеры, и что когда дело будет сделано – все закончится.

Но мне было любопытно, просто любопытно:

– Что, блин, заставляет вас думать, что вы лучше меня? То, что вы делаете, не особенно отличается от моей работы.

– Ты действительно так считаешь?

– Вы держите всю власть в своих руках. Вы, и только вы решаете, что с кем будет. Кто преуспеет, кто ничего не получит. А потом щелкаете пальцами – и все: гребаные жизни навсегда искалечены. Как моя.

– Я не смотрел на это под таким углом. – Он снова разглядывал дно своей чашки. Эта его привычка уже действовала мне на нервы.

– Так, допивайте, – сказал я. – Время на исходе.

– Один вопрос.

– Как я нашел вас?

Он кивнул.

– Люди имеют обыкновение говорить...

– Мои люди?

Я раздраженно помотал головой: нет, его люди действительно ему преданны. Я разыскал парочку (один бомжевал под мостом в Квинсе, второй спал в дупле большого дерева в Центральном парке) и попытался подкупить, обещая, что

им больше не придется работать ни на него, ни на кого-либо еще. Оба смотрели на меня своими странными холодными глазами, словно ожидая, что будет дальше. Нет, это не они подсказали мне, что надо пойти на Таймс-сквер в декабре и подождать, пока этот человек не появится там неизвестно откуда.

– Тогда кто?

– Уже поздно выяснять имена, – сказал я с мрачным удовольствием. – Это дело прошлое.

Он снова улыбнулся, но холоднее, и я заметил в его лице что-то, чего не было раньше – по крайней мере, оно не бросалось в глаза: уверенное спокойствие человека, который привык делать самостоятельный выбор, принимать решения, от которых напрямую зависят жизни других людей. Человека, у которого есть сила и который не постоит за ценой, – и вот сейчас он был в одном шаге от того, чтобы расплатиться наконец с теми, кто оказался не на той стороне, не там, где нужно. Он полагал, что это его законное, Богом данное право – оттянуть момент расплаты.

– Вы думаете, вы такой огромный, такой щедрый всеобщий папочка, – сказал я. – Или дедушка, да? Но некоторые в это не верят. Они знают правду. Они понимают, что все это ерунда.

– Но разве я не обозначил правила? Разве бывал несправедлив? Разве не поощрял тех, кто этого заслуживал?

– Только для того, чтобы заставить их делать то, что вам

нужно!

– И чего ты хочешь? Почему в самом деле ты оказался этим вечером здесь, Кейн?

– Кое-кто заплатил мне за это. Не один человек. Их много. Можно сказать, синдикат. Люди, которые решили, что с них довольно. Они хотят вернуть вам все сторицей. То, что они получили от вас.

– Я знаю об этом, – прервал он меня, и на лице его как будто даже отразилась скука. – Я даже могу предположить, кто эти люди. Но я спрашиваю *тебя*, Кейн, почему ты согласился сделать это?

– Ради денег.

– Нет. В этом случае ты мог бы выстрелить с расстояния десять футов и уже был бы на полпути домой.

– Ну так скажите тогда вы, почему я здесь, если вы, блин, такой умный!

– Тут что-то личное, – сказал он. – И это ошибка. Ты живешь тем, что делаешь, и у тебя есть что-то вроде жизни. По твоим понятиям. Допустим, тебя наняли. Допустим. Но ведь ты ненавидишь меня, у тебя ко мне есть собственный счет.

Этот человек слишком умен, чтобы ему врать, поэтому я не произнес ни слова.

– Ведь так, Кейн? Что-то произошло однажды ночью, когда повсюду лежал снег и все вокруг должно было быть наполнено радостью, огоньками гирлянд и гимнами. Может, тебе не были вовремя доставлены подарки? Или подарки бы-

ли не те?

– Довольно!

– Сколько людей ты убил, Кейн? Ты считал? Ты помнишь?

– Помню, – ответил я, хотя это была неправда.

– Когда личное примешивается к работе, цена меняется.

Ты открываешь сейчас свое сердце. Ты уверен, что хочешь это сделать?

– Я сделал бы это и бесплатно. Просто потому, что вы – кусок дерьма и всегда были куском дерьма.

– Не верить легко, Кейн. А для веры нужны мужество и твердость.

– Все, ваше время истекло.

Он вздохнул. Опрокинул в рот остатки кофе и поставил чашку на стол между нами.

– Я готов, – сказал он.

За те пятнадцать минут, что мы беседовали, парк опустел, его покинули почти все посетители, в том числе и парочка, что сидела неподалеку, – они ушли, взявшись за руки. Ближайший свидетель теперь находился ярдах в шестидесяти. Я встал, расстегивая пальто.

– Что-нибудь хотите сказать? Некоторые так делают... – спросил я, глядя в его спокойное розовое лицо.

– Не тебе.

Я достал оружие и, уткнув дуло ему в лоб, заставил наконец замолчать. Он не пытался сопротивляться. Свободной рукой я схватил его за правое плечо и спустил курок.

Вокруг было движение, и я даже не услышал выстрела.

Я отпустил его плечо, и он стал медленно оседать, поворачиваясь вокруг собственной оси, пока его бочкообразная грудная клетка не перевесила, не оторвала массивное туловище от стула и он не упал, вытянувшись в полный рост.

У него отсутствовала часть затылка, но глаза все еще были открыты. Его борода царапала тротуар, будто он хотел что-то сказать – через пару секунд я понял, что он пытался произнести не слова, а некую серию звуков. Хорошо знакомых всем звуков. Я приставил пистолет к его виску и выстрелил еще раз. Пуля вылетела из противоположного виска, вынеся с собой часть мозга.

И все же он пытался произнести эти три слога, три коротких одинаковых слога.

Я снова нажал на курок – в последний раз. Он наконец затих. Я наклонился над ним – чтобы быть уверенным и чтобы прошептать ему в ухо:

– Всегда проверяй как следует, да, урод?

Я вышел из парка, прошел несколько шагов и остановил такси. Так начался мой длинный и долгий путь домой, в Нью-Джерси.

На следующее утро я проснулся рано. Как и большинство отцов в такое утро, меня разбудил топоток моего сына, спешившего к камину в гостиной на первом этаже и пробежавшего мимо нашей спальни.

«Удачи тебе, сынок», – подумал я, прекрасно зная, что его

носок будет полон подарков.

Несколько минут спустя Лорен проснулась и села на кровати. Одевшись и подойдя к окну, открыла шторы. Постояла немного, улыбаясь тому, что увидела, затем быстро повернулась и вышла из комнаты.

К тому времени я тоже уже был одет и, спустившись на кухню, чтобы сварить себе кофе, уже знал, что она увидела за окном. Пошел снег, он укрыл землю и лежал на деревьях. Целых девять ярдов зимней одежды из набора «Страна Чудес». Значит, сейчас я буду лепить снеговика – хочу я того или нет.

В гостиной жена и ребенок сидели на ковре по-турецки и с упоением разбирали содержимое снятых с камина носков. Леденцы, сувениры, какой-то мусор, который якобы что-то означает, раз его вынули из снятого с камина носка... Печенье, что было оставлено с вечера у камина, было обкусано, на нем виднелись следы зубов. Да, Лорен всегда заботилась о деталях.

– Счастливого Рождества, мои дорогие, – сказал я, но они меня как будто не слышали.

Я обошел их и направился к камину. Снял с него оставшийся носок.

Я знал, что с этим носком что-то не так, еще до того, как взял его в руки.

Он был пуст.

– Лорен! – позвал я.

Она посмотрела на меня.

– Хо-хо-хо, – сказала она. Лицо ее было абсолютно пустым.

Она улыбнулась короткой улыбкой и снова принялась болтать с сыном, который в который раз все распаковывал и запаковывал содержимое своего носка. Улыбка ее словно прошла сквозь меня, но так всегда бывает. Ведь у них есть все.

Я повесил пустой носок на спинку стула и вышел из комнаты. Пошел на кухню, открыл дверь черного хода – мне захотелось постоять на снегу.

Было очень тихо. И очень холодно.

Перевод Марины Тогобецкой

Джо Лэнсдейл

Звёзды падают³³

Перед возвращением из мертвых Дил Эрроусмит шел в неверных лучах лунного света в направлении своего дома. Вокруг все было как будто знакомо, но в то же время неуловимо отличалось от того, что он помнил. Будто он вернулся в место, откуда уехал ребенком: вроде та же яблоня – но не такая огромная, та же трава – но гораздо выше, а вон там, где раньше был сарай, – небольшой холмик, под которым похоронена его собака.

Пока он шел, луна опускалась все ниже и становилась все тоньше, почти прозрачной, как дешевый леденец, который кто-то огромный слишком долго незаметно лизал. Через кроны деревьев начали пробиваться первые лучи восходящего солнца – они были кроваво-красного оттенка. На пожелтой зеленой траве пятнами лежал иней, он был и на более высоких сорняках, желтых, как спелая пшеница.

Дил шел и смотрел по сторонам, но перед его мысленным взором стояла совсем другая картина: он не видел ни Техаса с его дубами и соснами, ни глинистой дороги, что текла между деревьями, как струйка крови.

Он мысленно видел совсем другое: поле боя во Франции,

³³ «The Stars are Falling» by Joe R. Lansdale. Copyright © 2010 by Joe R. Lansdale.

длинный окоп, очень длинный и глубокий, и в этом окопе – тела, тела, тела... в крови, некоторые – с недостающими конечностями, кое-где – следы вытекших мозгов, лужицы которых напоминают разлитую овсянку. Отвратительное зловоние гниющего человеческого мяса, которое смешивалось с запахами дыма и не до конца развеявшегося газа и сопровождалось оглушительным жужжанием мух. Во рту появился отчетливый привкус горячей меди. Желудок свело в тугой узел. Деревья – словно тени солдат, направивших винтовки в его сторону, и на мгновение он готов был вступить с ними в бой, хоть давно уже не носил при себе оружия.

Он закрыл глаза, сделал глубокий вдох и потряс головой. Когда снова открыл, зловоние пропало и его ноздри снова наполнили запахи раннего утра. Остатки луны таяли, как пластинка льда в воде. Пухлые белые облака неслись по небу, словно паруса, и тени от них скользили между деревьев и по земле. Небо стало пронзительно-голубым, с травы исчезли следы инея – это почему-то привлекло его внимание. Запели птицы, по траве заскакали кузнечики.

Он продолжал идти вниз по дороге. С самого начала он пытался вспомнить в подробностях, где был его дом, как он выглядел, чем пах, и главное – как он себя чувствовал, когда жил в нем. Пытался вспомнить жену: какая она, что он ощущал, когда был в ней, – вспомнить хоть что-нибудь, выудить какие-нибудь воспоминания с задворок памяти, но все, что ему удалось, – это мысленно увидеть женщину моложе се-

бя, в прозрачном платье, которая живет в этом доме с тремя спальнями. Он не мог вспомнить, как она выглядит обнаженная, не помнил форму ее груди, длину ног. Будто это случайная знакомая, встреченная лишь однажды и мельком.

Когда наконец вышел с другой стороны рощицы, он увидел поле – там, где оно и должно было быть, поле было желто-синим и ослепительно-ярким от неисчислимого количества цветов. Когда-то здесь качались высокие стебли кукурузы и росли зеленые бобы и горох. Теперь никто не возделывал поле, скорее всего – с того самого момента, как он уехал. Дил все ближе подходил к своему дому.

Дом стоял на своем месте. Время не пошло ему на пользу: труба почернела, а некрашеное дерево выглядело теперь, как сброшенная змеиная кожа. Когда-то Дил сам рубил деревья, колол их и распиливал на доски. Как и все остальное, дом словно уменьшился в размерах по сравнению с тем, каким он его помнил. За домом была коптильня, которую он соорудил из остатков древесины, и довольно далеко слева виднелся деревянный нужник – справляя нужду, Дил прочел там немало журналов и газет.

У колодца, который был теперь накрыт железной крышкой с запорами на всех четырех углах, стоял мальчик. Дил сразу понял, что это его сын. Мальчику было лет восемь – а когда Дил, отозванный из запаса, отправился на Первую мировую и пересек темный океан, сыну было четыре. В руке мальчик держал за дужку ведро. Увидев Дила, он бросил

ведро и помчался к дому, вопя на ходу, Дил не смог услышать, что именно.

Через мгновение из дома вышла она. И в ту же секунду он все вспомнил. Он продолжал идти и, чем ближе подходил к ней, стоящей в дверном проеме, тем сильнее колотилось сердце и тем труднее становилось дышать. Она была высокая и худощавая, и на ней было светлое платье с разбросанными по нему тут и там цветами, куда более тусклыми, чем те, что он только что видел в поле. Но лицо... лицо ее сверкало ярче солнца, и он теперь помнил, знал, как она выглядит голой и в постели, и все, что было потеряно, – все к нему возвратилось, и он уже точно знал, что он дома.

Когда он был уже футах в десяти, мальчик испуганно схватил за руку мать, а та сказала:

– Это ты, Дил?

Он остановился и молча смотрел на нее. Ничего не отвечал – просто смотрел и впитывал, будто пил ее, как прохладное пиво в жару. Наконец произнес:

– Усталый и потрепанный, но я.

– Я думала...

– Я не писал, потому что не мог.

– Я знаю, но...

– Я вернулся, Мэри Лу.

Они сидели за кухонным столом, и все чувствовали себя неловко. Перед Дилом стояла тарелка, и он съел все бобы,

которые положила ему жена. Парадная дверь была открыта, через нее хорошо было видно поле и цветы на нем. Окно напротив двери тоже было открыто, и легкий ветерок раздувал края занавесок. Дила не покидало ощущение, которое возникло еще на пути сюда, когда он шел по дороге меж деревьев, и теперь ему казалось, что потолок в доме стал ниже, комнаты стали меньше, а стены словно сдвинулись навстречу друг другу. Все было слишком маленькое.

Все, кроме Мэри Лу. Она была та же.

Она сидела за столом напротив него. На лице ее не было ни морщинки, а плечи оставались по-мальчишески узкими. И глаза – глаза были такими же ярко-синими, как цветы там, на поле.

Мальчик, Уинстон, сидел слева от Дила, но он подвинул свой стул поближе к матери. Мальчик внимательно изучал Дила, и Дил, в свою очередь, изучал его. Парень был похож на Мэри Лу, Дил нашел в нем очень многое от жены – и ничего от себя.

– Я так сильно изменился? – спросил Дил наконец, уж очень пристально они его разглядывали. Оба держали руки на коленях, будто он мог в любой момент прыгнуть через стол и покусать их.

– Ты ужасно худой, – сказала Мэри Лу.

– Я был слишком толстый, когда уезжал. Теперь тощий. Надеюсь, скоро стану таким, как надо.

Он попытался улыбнуться, но улыбка не получилась.

Глубоко вздохнув, спросил:

– Ну как ты?

– Как я?

– Ну да. Ты понимаешь. Как ты?

– О, прекрасно, – сказала она. – Замечательно. У меня все в порядке.

– А мальчик?

– Он чудесный.

– Он умеет говорить?

– Да, разумеется. Уинстон, скажи своему папе «привет».

Мальчик молчал.

– Уинстон, скажи что-нибудь папе, – повторила она.

Мальчик все не отвечал.

– Ничего, – сказал Дил. – Ему нужно некоторое время, чтобы привыкнуть. Он меня не помнит. Это естественно.

– Так ты был в Канаде?

– Да, я же говорил.

– Я не была уверена, – сказала она.

– Я знаю. Я вошел с американцами, примерно год назад.

Впрочем, не имеет значения, где я был и с кем. В любом случае, было погано.

– Понятно, – сказала она. Но Дил видел, что ей ничего не понятно. И он не винил ее: он поддался тогда порыву, захотел приключений, захотел принять участие в грандиозном событии, отправиться в путешествие в Канаду – и оставил семью здесь, без поддержки, считая, что здесь жизнь прохо-

дит мимо. А настоящая жизнь была именно тут – он этого тогда не понимал.

Мэри Лу встала, убрала кое-что со стола, добавила ему еще бобов, достала из духовки свежий кукурузный хлеб и положила рядом с бобами. Он следил за каждым ее движением. Лоб у нее слегка вспотел, и волосы чуть липли к нему, как влажное сено.

– Сколько тебе сейчас лет? – спросил он.

– Сколько мне лет? – Она вернулась на свое место за столом. – Дил, ты прекрасно знаешь сколько. Двадцать восемь – больше, чем когда ты уехал.

– Мне стыдно признаться, но я забыл, когда у тебя день рождения. Не помню, и все. Я даже не представляю, сколько лет мне самому.

Она назвала ему даты их рождений.

– Теперь буду знать, – сказал он.

– Я... Я думала, ты умер.

Она сказала это уже в который раз с тех пор, как он вернулся.

– Я не умер, Мэри Лу, – ответил он. – Я все еще живой, из плоти и крови.

– Да-да. Да, конечно.

Она не ела то, что лежало у нее на тарелке. Просто сидела и смотрела на него, будто ждала какого-то подвоха.

– Кто сделал крышу для колодца? – спросил Дил.

– Том Смайтс.

– Том Смайтс? Он же еще совсем ребенок!

– Нет, он не ребенок, – сказала она. – Ему было восемнадцать, когда ты уехал, и он уже тогда не был ребенком.

– Я так не считаю, – ответил Дил.

После обеда она принесла ему его старую любимую трубку, он нашел плетенное из тростника кресло-качалку там, где всегда, поставил снаружи, сидел и качался, глядя на деревья и куря трубку. Он думал, и думал, и снова думал – и все равно ни на шаг не приблизился к тому, чтобы разрешить свои сомнения. Она была его женой – но он отсутствовал много лет, и вот теперь он вернулся и хотел, чтобы все было как раньше, но он не помнил – как было раньше... Он знал, как делается то, что ему хотелось сделать, – но он не знал, как заставить ее любить себя. Он боялся, что она будет воспринимать его как паршивую кошку, которая влезла без приглашения в окно и улеглась на постели, ожидая, что ее приласкают.

Он сидел, курил, думал и качался. Курил и качался.

Мальчик вышел из дома и стоял чуть поодаль, наблюдая за Дилом.

У парнишки были золотые волосы – как у матери, и он был довольно крепким для своего возраста. У правого уха что-то вроде родинки – как будто ягодка земляники, на линии челюсти. Дил не помнил этой родинки. Конечно, мальчик был совсем маленьким, когда он видел его в последний

раз, но Дил не помнил, чтобы у него была эта родинка. Впрочем, Дил не помнил слишком многих вещей, за исключением того, что хотел помнить.

Кое-что он помнил. Помнил, какова на ощупь кожа Мэри Лу. Мягкая и гладкая, словно сливочное масло.

– Ты меня помнишь, парень? – спросил Дил.

– Нет.

– Совсем?

– Совсем.

– Конечно, ты был совсем мал. Мать рассказывала тебе обо мне?

– Да не особо.

– Ага. Не особо, значит.

– Она сказала, вас убило на войне.

– Ну... как видишь, это не так.

Дил оглянулся назад: через открытую дверь было хорошо видно, как Мэри Лу переливает в таз для мытья посуды воду, которую нагрела в большой кастрюле на плите. Он подумал, что надо было наколоть дров и принести ей, когда она собиралась греть воду. Надо было помочь разжечь огонь и поднять тяжелую кастрюлю. Но ее близость нервировала его.

Мальчик тоже его нервировал.

– Ты ходишь в школу? – спросил Дил, чтобы что-нибудь спросить.

– Школа сгорела дотла. Том учит меня помаленьку читать, писать и считать. Он восемь лет ходил в школу.

– Ты когда-нибудь ходил на рыбалку?

– Да, с Томом. Он берет меня время от времени и на рыбалку и на охоту.

– А он когда-нибудь показывал тебе, как делать лук и стрелы?

– Нет.

– Нет, сэр, – сказал Дил. – Надо говорить «нет, сэр». – Как это?

– Ты должен говорить «нет, сэр» или «да, сэр», а не просто «да» или «нет». Это грубо.

Мальчик опустил голову и ковырял носком ботинка грязь.

– Я не ругаюсь на тебя, – сказал Дил. – Я просто говорю тебе, как надо. Как разговаривать с тем, кто старше тебя, – говорить «да, сэр» и «нет, сэр». Ты понимаешь, сын?

Мальчик кивнул.

– И что ты мне скажешь?

– Да, сэр.

– Хорошо. Манеры имеют значение. У тебя должны быть манеры. Мальчик не преуспеет в жизни без манер. Ты умеешь читать. И писать. И ты умеешь считать – это поможет тебе сберечь свои деньги. Но манеры тоже необходимы.

– Да, сэр.

– Так о чем мы говорили? Ах да, о луке и стрелах... Он никогда не учил тебя этому, да? Ха!

– Нет, сэр.

– Ну, так это будет нашим планом. Я научу тебя, как сде-

лать хороший лук и стрелы. Меня этому научил старый индеец чероки, и я скажу тебе – это целая наука: сделать все как положено, чтобы можно было поразить цель.

– А зачем вам лук, если у вас ружье?

– Это разные вещи, парень. Совсем разные. Лук – это забава, что-то вроде спорта по сравнению с ружьем. И по правде сказать – я не слишком люблю все, что связано с оружием.

– А мне нравятся ружья.

– Ну, что ж, это понятно. Но ружьям не нравишься ты, во всяком случае, они-то тебя не любят. Никогда не отдавай свою любовь, внимание или привязанность тому, что не может ответить тебе взаимностью.

– Да, сэр.

Мальчик ни малейшего понятия не имел о том, что говорил Дил. Дил и сам-то не был уверен, что понимает, о чем говорит. Он снова оглянулся на дверь: Мэри Лу мыла посуду, и когда сильно скребла дно кастрюли, ее зад чуть подрагивал, и в этот момент Дил впервые почувствовал себя живым человеком.

Этой ночью кровать казалась ему слишком маленькой.

Дил лежал на спине, скрестив руки на животе, в своей старой красной пижаме, которая была рваной еще до его отъезда, а во время его отсутствия подверглась нападению моли. Можно сказать – она была на последнем издыхании. Окно спальни было открыто, и проникающий в него свежий ветер

давал прохладу.

Мэри Лу лежала рядом. На ней была ночная рубашка, длинная, белая, вся в каких-то цветных заплатках. Волосы она остригла когда-то, а теперь они снова отросли. Они были длинными, когда Дил уехал. Он задался вопросом: сколько раз она остригала их и сколько нужно времени, чтобы они отросли?

– Я считаю, нужно какое-то время... нужно подождать, – сказал он.

– Да, разумеется, – сказала она.

– Не то чтобы я не мог или не хотел... Я хочу сказать – я просто не уверен, что готов.

– Все нормально.

– Тебе было одиноко?

– У меня был Уинстон.

– Он здорово вырос. Он, должно быть, отличная компания.

– Да, это точно.

– Он немного похож на тебя.

– Есть что-то общее.

Дил вытянул руку и, не глядя на Мэри Лу, положил ей руку на живот.

– Ты все еще как девочка, – сказал он. – У тебя уже есть ребенок – а ты все еще похожа на девочку. Знаешь, почему я спросил, сколько тебе лет?

– Потому что ты забыл.

– Ну, это тоже, да. Но в основном – потому что ты совершенно не меняешься.

– У меня есть зеркало. Оно небольшое, но в нем прекрасно видно, что я не молодею.

– И все равно ты все та же.

– Для тебя сейчас любая женщина была бы красавицей, – сказав это, она осеклась. – То есть я не то имела в виду... Я имела в виду, что ты прошел длинный путь, в Европе, говорят, все женщины симпатичные.

– Не все. Есть симпатичные, есть не очень. Разные. И нет таких симпатичных, как ты.

– Ты когда-нибудь... ты знаешь.

– Что?

– Ты знаешь, о чем я. Когда ты был там – ты...?

– А, вот что. Да, можно сказать, я делал это. Несколько раз. Я не был уверен, что вернусь домой. И это ничего не значило, совсем. Как будто набиваешь голодное брюхо – и больше ничего.

Она лежала тихо некоторое время, потом произнесла:

– Это хорошо.

Дил хотел было задать ей такой же вопрос, но передумал.

Он попытался обнять ее.

Она не пошевелилась. Она была твердая и неподвижная – как мертвая. Дил знал, какими бывают мертвые, – ему приходилось лежать среди них и чувствовать их тела. Однажды во Франции он и два его товарища наткнулись на тело жен-

щины, лежавшее между деревьями. Она выглядела так, будто прилегла отдохнуть или вздремнуть, на ней не было ни следа от ран, у нее были темные волосы, и она была совсем молодая. Дил присел на корточки и дотронулся до нее – она была еще теплой. Один из его товарищей предложил по очереди использовать ее, пока она не остыла. Это была шутка, но Дил направил на него винтовку и отогнал прочь.

Потом, в окопе, они были рядом – Дил и этот парень из Висконсина. Они заключили мир, и парень из Висконсина признал, что шутка была глупая, и попросил не держать на него зла, а Дил сказал, что все в порядке, и потом они заняли позиции бок о бок и говорили немного о доме, ожидая начала атаки. А потом, когда они в противогазах бежали и стреляли из винтовок, его товарищ из Висконсина словил пулю в голову и рухнул как подкошенный. И через секунду сражение закончилось.

Дил опустился перед ним на колени, снял с него противогаз, приподнял его голову. Парень прохрипел:

– Моя мама никогда больше меня не увидит.

– С тобой все будет в порядке, – говорил Дил, но он видел, что у парня снесло полголовы. Как, дьявол раздери, он может говорить?! У него мозг вытекает наружу!

– У меня письмо в кармане рубашки. Скажи маме, я любил ее... О, мой Бог, посмотри туда, звезды падают!

Дил невольно посмотрел в том направлении, куда был устремлен взгляд раненого: звезды были яркими и прочно

находились на своих местах. Раздался взрыв – стреляли из пушки, земля содрогнулась, все вокруг на мгновение стало ярко-красным, будто задернули красную занавеску. Когда Дил снова посмотрел на товарища – глаза того еще были открыты, но он был уже мертв.

Дил залез к нему в карман и достал письмо. Парень поймал пулю еще и в грудь – Дил понял это по тому, что письмо было все в крови. Дил попробовал развернуть его, но ничего не вышло: письмо настолько пропиталось кровью, что разваливалось в руках. От этого парня ничего не осталось. Дил даже не мог вспомнить, как его зовут – как-то не придал значения, имя влетело в одно ухо и вылетело через другое. И вот теперь его нет, он ушел. И его последние слова были: «звезды падают». Он держал голову мертвого товарища, а мимо шел офицер, держа в руке пистолет. Его лицо было черным от пороха, а глаза ярко горели в ночи, он посмотрел на Дила и сказал:

– Во всем этом должен быть какой-то смысл, сынок...
Что-то должно быть.

И пошел прочь.

Той ночью Дил думал и о своем мертвом товарище, и о той мертвой женщине. Он задавался вопросом: что случилось с ее телом? Они оставили ее там, меж деревьев. Может, кто-то похоронил ее? Или она там гнила и разлагалась? Может, муравьи сейчас растаскивали частички ее тела?

Он мечтал о том, чтобы лежать там, рядом с ней, меж де-

ревьев. Просто лежать, уплывая с ней в черную пустоту.

И сейчас он чувствовал себя так, будто лежит рядом с той мертвой женщиной, только блондинкой вместо брюнетки, но ничуть не более живой.

– Возможно, нам следует сегодня просто лечь спать, – сказала Мэри Лу, удивляя его. – Нужно просто пустить все своим чередом. Пусть все будет как должно быть.

Он убрал от нее руки и произнес:

– Наверное, так лучше. Да, ты права.

Она повернулась на своей стороне постели спиной к нему. Он лежал на спине, скрестив руки на животе, и смотрел на перекладыны потолка.

Так, без малейшего тепла с ее стороны, прошло несколько ночей. Но Дил обнаружил, что совместный сон с Мэри Лу много для него значит. Ему нравился ее запах, и нравилось слушать, как она дышит во сне. Когда она погружалась в крепкий сон, он чуть поворачивался, поднимался на локте и смотрел на нее, на очертания ее тела. Возвращение домой оказалось не таким, как он ожидал и о чем мечтал, но эти моменты, когда он в темноте смотрел на нее, были, несомненно, лучше, чем то, что происходило с ним предыдущие четыре года, со дня его ухода из дома.

Следующие несколько дней он провел с сыном в лесу в поисках подходящей ветки для лука. Одним ударом срубил ветку, показал мальчику, как с помощью топора снять кору и добиться правильного размера, как опалить прут на огне,

а точнее – прокоптить дымом. Они провели в лесу довольно много времени, но если мальчику и нравилось это занятие – он ничем не выдал своего интереса. Он держал свои чувства при себе и говорил еще меньше, чем мать. Мальчик словно всегда находился на расстоянии в несколько ярдов от Дила, даже если был совсем рядом.

Дил согнул ему лук и натянул тонкую прочную тетиву, показал, как найти правильное дерево, чтобы изготовить стрелы, как собрать перья из птичьих гнезд и украсить их. Потребовалась почти неделя, чтобы сделать лук, и еще одна – чтобы высушить его и наделать стрел. Свободное от этого занятия время Дил проводил, разглядывая то, что раньше было распаханым и засеянным полем, а теперь являло собой двадцать пять акров земли, покрытой яркими цветами и маленькими деревьями, тут и там торчащими среди цветов. Он пытался представить себе, как на этой земле снова качаются стебли кукурузы.

С помощью топора Дил срубил молодые деревца. И за обеденным столом спросил у Мэри Лу, где мул.

– Умер, – ответила Мэри Лу. – Он был довольно стар уже, когда ты уехал. А потом совсем состарился, и мы его съели, когда он умер.

– Не понимаю, – сказал Дил. – Как же вы жили? Чем?

– Как видишь, как-то жили, – ответила Мэри Лу.

– Но вы же не фермеры – что вы делали?

– Том приносил время от времени какие-то продукты, ры-

бу, которую ловил, овощи со своего огорода. Один или два раза белок. Мы держали свиней и коптили мясо. И еще у нас есть огород.

– Как поживают родители Тома?

– Отец допился до смерти, а мать не выдержала этого и тоже умерла.

Дил кивнул:

– Да, она всегда была болезненной. А муж – он ведь был намного старше ее. Как и я – я тоже тебя старше. Но не настолько. Насколько он был старше – на пятнадцать лет? А я... да, дай угадаю. Я старше на десять лет, верно?

Она ничего не ответила. А он надеялся, что она скажет, мол, десять лет это пустяк, ничего не значит. Но она молчала.

– Я рад, что Том был рядом с вами, – сказал Дил.

– Да, он очень помогал, – ответила она.

Спустя несколько минут молчания Дил произнес: –Времена изменились, Мэри. Вам больше не нужно рассчитывать на чью-то помощь или милосердие. Завтра я отправлюсь в город разведать, что можно сделать, каких купить семян, можно ли найти мула. У меня есть кое-какие сбережения. Немного, но хватит для начала. Уинстон может пойти со мной, и я куплю ему леденцов.

– Я люблю мятные, – сказал Уинстон.

– Так давай сходим, – ответил Дил, а Мэри Лу неуверенно произнесла:

– Может, тебе не стоит с этим торопиться. До посевной

еще есть время. Ты мог бы поохотиться, как обычно, или сходить на рыбалку. Можешь взять Уинстона с собой. Мне кажется, ты заслужил небольшой отдых.

– Не думаю, что несколько дней что-то решают, Мэри. Нам всем нужно время, чтобы освоиться и заново узнать друг друга.

На следующий день они шли домой с рыбалки. На влажной веревке, которую закинул за спину Уинстон, болталось несколько рыбин – не очень крупных, но вполне приличного размера, они висели на веревке, как украшения, и рубаха мальчика под ними стала мокрой. Во время рыбалки, когда удавалось поймать рыбу, Уинстон впервые проявил какие-то эмоции, волнение, радость, и теперь рыбины подпрыгивали у него на спине, а солнце играло и переливалось на их чешуе.

Дил шел чуть позади сына и, не отрываясь, смотрел на рыб. Он наблюдал, как они медленно умирали, оставшись без воды, как судорожно хватали ртом воздух. Ему хотелось помочь им, но он понимал, что не может выпустить их обратно в ручей. Не так давно он смотрел, как точно так же хватали ртом воздух здоровые мужчины, солдаты, там, в окопах – похожие на вытащенных из воды рыб.

Когда они подходили к дому, Дил увидел, что к ним приехал какой-то всадник на лошади. Мэри Лу вышла навстречу, подошла к всаднику, тот склонился к ней в седле, они о чем-то поговорили, потом Мэри Лу взялась одной рукой за седло

и пошла рядом с лошадыю по направлению к дому. Увидев Дила и Уинстона, она отпустила седло и просто шла рядом со всадником. Человек на лошади был высоким, худощавым, темные волосы доходили ему до плеч. Словно из-под его мятой серой шляпы волнами выливались чернила.

Когда они подошли ближе, всадник приветственно поднял руку. И в ту же секунду Уинстон завопил: «Том!» – и со всех ног бросился через поле к лошади, а рыба била его по спине и подскакивала на каждом шагу.

Они сидели за кухонным столом все вместе: Дил, Мэри Лу, Уинстон и Том Смайтс. Мать Тома была наполовину индеанка, из Чикасау, и в нем, казалось, сосредоточилась вся ее яркая красота, сочетаясь с мощью и внушительным ростом отца-шведа. Парень был ладно скроен и походил на лесного бога. Волосы струились с обеих сторон его лица, кожа напоминала лесной орех – такая же смуглая и гладкая, а руки и ноги были большими, но пропорциональными. На колене он держал шляпу.

Мальчик сидел вплотную к Тому.

Мэри Лу положила руки на стол, перед собой. Голова ее была обращена к Тому.

Дил произнес:

– Я хочу поблагодарить тебя, Том, за помощь моей семье.

– Да не за что благодарить. Ты же брал меня с собой на охоту и рыбалку. А мой отец никогда этого не делал. Он был

фермером и разводил свиней. А еще он был всегда пьян. Так что всем хорошим во мне я обязан именно тебе.

– Еще раз спасибо, Том.

– Мне было нетрудно.

– У тебя, наверное, уже семья?

– Пока нет. Я объезжаю лошадей, у меня коровы и свиньи, а еще куры и отличный большой огород, но семьи пока нет. Мэри Лу сказала, тебе нужны мул и семена?

Дил посмотрел на жену. Она все это успела сказать, пока они говорили там, вдвоем. Он не был уверен, что ему это нравится. Ему не очень хотелось, чтобы все вокруг знали, что ему нужно или не нужно.

– Да, я собираюсь купить мула и немного семян.

– Ну вот что. У меня есть лошадь, объезженная – на ней можно пахать. Она, конечно, не так хороша, как мул, но вполне сгодится. И я могу продать ее задешево – действительно дешево. И у меня гораздо больше семян, чем нужно. И чем я мог бы использовать.

– Вообще-то я предпочел бы все-таки пойти в город и купить все это сам, – ответил Дил.

– Ну да, да, разумеется. Но все же подумай над моим предложением.

– Я хотел взять Уинстона с собой и купить ему леденцов.

– Отличная идея, – усмехнулся Том, – но так уж вышло... Я был сегодня утром в городе, и вот... – Он вынул из кармана рубашки, выложил на стол маленький сверток и развернул.

На оберточной бумаге лежали два мятных леденца.

– Это мне? – Уинстон посмотрел на Тома.

– Тебе, – кивнул Том.

– Один съешь сегодня после обеда, – сказала Мэри Лу, – а второй оставь на завтра. Хорошо, когда чего-то можно с нетерпением ждать.

– С твоей стороны это очень любезно, Том, – сказал Дил.

– Ты должен остаться и пообедать с нами, – сказала Мэри Лу. – Дил и Уинстон наловили рыбы, а у меня есть пара картофелин, я могу все это пожарить.

– Почему бы и нет, – согласился Том, – отличное предложение. Давай я почищу рыбу...

Том приезжал практически каждый день: привел лошадь, привез семена, притащил недостающие детали для плуга. Дилу стало казаться, что он никогда не попадет в город. И он уже не был так уверен в том, что действительно хочет туда идти.

Том чувствовал себя намного увереннее и комфортнее с его домочадцами, чем он сам, и это вызывало у Дила ревность. Ему хотелось остаться наедине с семьей и найти наконец свое место. Мэри Лу и Том легко говорили друг с другом на любые темы, а мальчик потерял к луку всякий интерес. Дил нашел лук и стрелы под деревом, рядом с тем местом, где начинался лес, и отнес в копильню. Там воздух был суше, а значит, лук лучше сохранится. Правда, Дил сомневал-

ся, что мальчик когда-нибудь вспомнит о луке.

Дил вспахал полдюжины акров земли, и на следующий день Том вывалил на вспаханную землю целый грузовик куриного помета и помогал Дилу пропалывать желтые длинношеие сорняки, сажать семена гороха и бобов, и еще они посадили немного семян арбуза и дыни канталупы.

В тот вечер они сидели перед домом, Том в кресле-качалке, Дил на стуле. Мальчик сидел прямо на земле рядом с Томом и ковырял палкой землю. Было темно, только в доме ярко горела лампа. Когда Дил смотрел через плечо, он видел, как Мэри Лу моет посуду, и ее ягодицы слегка подрагивают в такт движениям. Том один раз бросил взгляд на Мэри Лу, потом взглянул на Дила и устремил глаза в небо, словно запоминая расположение звезд.

– Мы так и не сходили на охоту тогда, до твоего отъезда, – сказал Том.

– Для тебя это много значило, да? – спросил Дил.

Том кивнул:

– Я всегда чувствовал себя здесь гораздо лучше, чем дома. Мама и папа всегда были в состоянии войны.

– Соболезную по поводу твоих родителей.

– Ничего. Все мы когда-нибудь умрем. В конце концов, это вопрос времени, а потому нужно тратить его с умом.

– Да, пожалуй, ты прав.

– Что ты скажешь о том, чтобы поохотиться? Ты и я? – спросил Том. – Давненько я не ел опоссума.

– Мне никогда особо не нравилось это мясо, – сказал Дил. – Слишком жирное.

– О нет, ошибаешься. Что я умею – так это готовить опоссума. Конечно, лучше всего взять его живым, недельку откармливать отборным зерном, а потом забить. Тогда получится самое лучшее, нежнейшее мясо. Но можно и подстрелить его на охоте, и я покажу вам, как избавиться от характерного привкуса при помощи толики уксуса и как приготовить его со сладким бататом. Тем более что бататов у меня изобилие.

– Дил любит бататы, – сказала Мэри Лу.

Дил повернулся к ней.

Она стояла в дверном проеме, вытирая полотенцем тарелку.

– Это хорошая идея, Дил, – сказала она. – Сходите на охоту. Я бы хотела научиться готовить мясо опоссума. Вы с Томом – как в былые времена.

– Я уже очень давно не ел бататы, – произнес Дил.

– Вот и еще одна причина согласиться, – сказал Том, улыбаясь.

Мальчик подал голос:

– Я тоже хочу пойти.

– Знаешь, это, конечно, здорово, – Том снова улыбнулся, – но я бы хотел, чтобы на этот раз мы пошли с Дилом вдвоем. Когда я был ребенком, Дил учил меня в лесу всему. И я хотел бы пойти с ним как в старые добрые времена. Ладно,

Уинстон? Ты не будешь возражать?

Уинстон подумал, что все совсем не ладно и что он очень даже возражает, но все-таки буркнул:

– Не буду.

Этой ночью, лежа рядом с Мэри Лу, Дил сказал:

– Мне нравится Том, но все-таки я бы хотел, чтобы он не приходил так часто.

– Вот как?

– Я вижу, как относится к нему Уинстон, все понимаю и ничего не имею против. Но мне нужно поближе узнать Уинстона. Черт... Я никогда не знал его хорошо. Я и тебя не знал, Мэри Лу. Я должен вам кучу времени. Огромную кучу времени. *Правильного* времени.

– Я не понимаю, о чем ты, Дил.

Некоторое время он молчал, пытаясь подобрать нужные слова. Он знал, что чувствовал, но описать это словами было трудно.

– Я знаю, ты думала, меня больше нет. Я знаю, мое возвращение стало для тебя неожиданностью, и возможно – не самой приятной. Но у нас есть шанс, Мэри Лу, обрести то, что нам нужно.

– А что нам нужно?

– Любовь, Мэри Лу. Любовь. У нас никогда не было любви.

Мэри Лу лежала молча.

– Я просто думаю, – продолжал Дил, – что нам нужно время – наше собственное время, которое мы должны проводить семьей, без никого. Пока. А потом уже можно и Тома. Ты понимаешь, о чем я?

– Наверно.

– Я даже не чувствую себя хозяином в доме. Я еще не был в городе, и никто не знает, что я вернулся.

– Ты скучал по кому-нибудь в городе?

Дил довольно долго обдумывал ответ:

– Нет. Но я скучал по тебе и Уинстону. И я должен восстановить нормальный ход вещей. Мне нужно возобновить связи, возможно, я смогу получить кредит в лавке, что-нибудь купить из того, что понадобится в следующем году. Но самое главное – я хочу быть здесь, с тобой. Я хочу говорить с тобой. Вы с Томом прекрасно общаетесь. Мне жаль, что мы с тобой не можем говорить так же легко. Нам нужно научиться разговаривать друг с другом.

– Да просто Том болтун. Настоящее трепло. Он может говорить о чем угодно часами – и при этом не сказать ничего дельного. Ты никогда не был говоруном, Дил... Почему вдруг теперь?

– Я хочу, чтобы ты слышала меня и чтобы я слышал тебя, чтобы мы говорили не только о каталогах семян, или «передай мне бобы», или «в лесу пожар», или «прекрати храпеть». В этом есть что-то неправильное. Я больше так не хочу. И не хочу, чтобы Том бывал здесь сейчас. Я хочу, чтобы у нас

было время только для нас троих – тебя, меня и Уинстона. Вот и все.

Дил почувствовал на ее стороне кровати какое-то движение. Он повернулся к ней и увидел, что она задрала ночную рубашку выше груди. Грудь у нее была полная и круглая, она выглядела очень привлекательно, а волосы на лобке в темноте казались очень густыми.

– Возможно, – сказала она, – как раз сегодня мы можем начать узнавать друг друга поближе.

Во рту у него пересохло. Он с трудом смог выдавить из себя:

– Хорошо.

Руки дрожали, когда он расстегивал пижамные штаны, а она широко развела ноги, и он вошел в нее сверху. Всего минута – и он кончил.

– О Боже, – простонал он и почти потерял сознание, пытаясь удержать на локтях вес своего тела.

– Как это было? – спросила она. – Я все еще на что-то гожусь?

– Ты прекрасна. Но я... у меня все получилось слишком быстро. О, детка, просто... просто я так долго... прости меня.

– Ничего, – она легонько похлопала его по спине, а потом крутанулась под ним, показывая, что хочет, чтобы он вышел из нее.

– Я способен на большее, – сказал Дил.

– Завтра ночью.

– Завтра ночью мы с Томом идем на охоту. Он приведет собаку, и мы пойдем на опоссума.

– А, точно. Ну, значит, следующей ночью.

– Да, следующей, – сказал Дил. – Послезавтра.

Он откинулся назад на кровати, застегнулся и попытался понять, что чувствует, стало ему лучше или хуже. Он почувствовал облегчение. Но с ее стороны он не почувствовал ни малейшего желания. Она была все равно что дырка в матрасе.

Том привел собаку, принес винтовку 22-го калибра и мешок. Дил вынул двустволку из тайника в туалете и нашел, что она в прекрасном состоянии. Он взял к ней целый мешок патронов. Патроны были старые, но у Дила не было ни малейшего повода сомневаться в их пригодности: они хранились вместе с оружием, а оно было в полном порядке.

Небо было чистым, и хотя звезды отсутствовали, а луна была похожа на тонкий серп, вырезанный из свежего куса мыла, было так светло – что видно землю под ногами. Мальчик уже спал, а Дил, Том и Мэри Лу стояли перед домом и вглядывались в ночь.

– Присматривай за ним, Том, – сказала Мэри Лу Тому.

– Присмотрю, – обещал Том.

– Позаботься о нем как следует.

– Конечно, обязательно.

Дил и Том только начали свой путь в направлении леса, как их внимание было привлечено какой-то тенью: они увидели, как сова, то и дело ныряя к самой земле, схватила жирную мышь и понесла ее в клюве. Собака бежала за совиной тенью, которая бесшумно скользила по земле.

Они смотрели, как сова поднимается со своей добычей все выше и выше в небо, и Том произнес:

– Нет ничего бесспорного в мире, правда?

– Особенно, если ты мышь, – добавил Дил.

– Жизнь может быть очень жестокой, – сказал Том. Дил возразил:

– Никакой жестокости со стороны совы тут нет. Сова просто хотела есть. Это борьба за жизнь – ничего больше. У людей все по-другому. У людей вообще все не так, как у всех, за исключением, может, муравьев.

– Муравьев?

– Только люди и муравьи убивают и воюют просто потому, что они это могут. Люди придумывают тысячу благородных причин, произносят пламенные речи и приводят кучу поводов, но в основе всего – то, что мы этого хотим и мы это можем.

– Тут есть о чем поговорить, – сказал Том.

– Человек не может быть счастлив, если он не убивает и не разрушает все на своем пути. Когда видит что-то красивое, что ему не принадлежит, он хочет добыть это, поймать, испортить и в конечном итоге уничтожить. Красота привле-

кает его – и он ее убивает.

– Дил, у тебя странные мысли, – сказал Том.

– О да, это точно.

– Мы собираемся убивать. Но мы собираемся сделать это, чтобы поесть. Мы не совы и не едим мышей. Мы хотим убить большого опоссума и съесть его со сладким бататом, – закончил Том.

Они смотрели, как собака вбегает в темный лес, маячивший впереди.

Когда они добрались до края леса, тени деревьев исчезли. В лесу было совершенно темно, глаз выколи, только кое-где, где ветки были особенно тонкими, – чуть светлее. Они направились к этим светлым местам, нашли след и пошли по нему. Они шли и шли, и становилось все темнее. Дил поглядел вверх: так и есть, на небе появилось черное облако.

Том сказал:

– Черт, похоже, быть дождю. И откуда оно взялось?

– Будет ливень, – сказал Дил. – Проливной дождь, под которым моментально становишься мокрым, прежде чем сообщать, где можно найти сухое местечко.

– Ты так думаешь?

– Я знаю. Я видел много дождей. И каждый раз начинается все именно так. Говорю тебе, это облако выплечет все глаза и пойдет дальше. Но грозы не будет, даже молний не будет.

Словно в подтверждение его слов из тучи начал хлестать

ливень. Не было ни грома, ни молнии, но дождь лил очень сильный и холодный, и ветер буквально сбивал с ног.

– Я знаю хорошее место неподалеку, – сказал Том. – Там можно спрятаться под деревом, и там есть бревна, чтобы сидеть. Я даже убил там парочку опоссумов.

Они спрятались под деревом и, сидя на поваленном бревне, пережидали дождь. Это был дуб, старый, огромный, с толстыми ветками и широкими листьями, которые закрывали собой небо, – под ними дождь почти не чувствовался.

– Собака убежала далеко в лес, – сказал Дил. Он положил ружье рядом с собой и уронил руки на колени.

– Он ищет опоссума. Мы услышим его голос, его невозможно не услышать.

Том поправил на коленях винтовку 22-го калибра и взглянул на Дила, который был погружен в свои мысли.

– Иногда, – сказал Дил, – когда мы сидели в окопах и ждали, сами не зная чего, шел дождь, окопы заливало водой, вокруг плавали большие крысы, и мы ловили и ели их. Мы были очень голодны.

– Крыс?

– Да. Они на вкус почти такие же, как белки. Не то чтобы очень вкусные, но и не такие уж противные. А что белки? Белки, в сущности, те же древесные крысы.

– Вот как?

Том пошевелился, и Дил повернулся к нему.

Винтовка 22-го калибра все еще лежала у Тома на коле-

нях, но теперь Дил увидел, что ее ствол смотрит прямо на него. Дил начал было говорить что-то вроде: «Эй, дружище, что ты делаешь?» – но в этот момент он понял то, что должен был, но не хотел понимать раньше.

Том собирался его убить.

Он с самого начала собирался его убить. С той самой минуты, когда Мэри Лу шла по полю рядом с его лошадью, они хотели его убить. Вот почему они не пускали его в город: его ведь считают погибшим, никто бы его не хватился, и не было бы никакого расследования.

– Я знал, – сказал Дил. – И я не знал.

– Я должен, Дил. Ничего личного – я прекрасно к тебе отношусь, и ты много сделал для меня. Но я должен. Она не оставила мне выбора. Двадцать второй калибр – негусто, но вполне хватит.

Дил спросил:

– Уинстон... он ведь не мой сын, да?

– Не твой.

– У него родинка на лице. И я теперь отчетливо помню, что когда ты был мальчишкой – я видел у тебя такую же. Она у тебя под волосами, да?

Том не отвечал. Он отступил назад, прицеливаясь, и потому оказался уже за пределами полога дубовых листьев, дождь обрушился на него, заливая потоками воды его шляпу, размазывая по лицу черные волосы.

– Ты был с моей женой, когда тебе было восемнадцать, а

я даже не подозревал об этом. – Дил улыбнулся, как будто действительно думал, что это смешно. – Для меня ты был ребенком – вот и все.

– Ты слишком стар для нее, – глядя сквозь прицел винтовки, произнес Том. – И никогда не уделял ей внимания. Я был с ней все время с тех пор, как ты ушел. Я был с ней даже в тот момент, когда ты вернулся. Я просто выскочил тогда с другой стороны дома. Черт, Дил, там, в шкафу, моя одежда – а ты этого даже не заметил! Ты чертовски здорово разбираешься в погоде. Но ни хрена не понимаешь ни в женщинах, ни в мужчинах.

– Я не хочу понимать, потому иногда и не понимаю. А вообще мужчины и женщины разные бывают, не все одинаковые... Ты когда-нибудь убивал человека, Том?

– Ты будешь первым.

Дил смотрел на Тома, а Том смотрел на Дила сквозь прицел своей винтовки 22-го калибра.

– Это трудно, Том. С этим трудно жить – даже если человек тебе незнаком, – сказал Дил. – Я много убивал. Они приходят, когда я закрываю глаза. И каждый раз умирают снова, и я каждый раз умираю вместе с ними.

– Вот только не надо жалостливых историй. Я не верю, что ты придешь меня навестить, когда умрешь. Совсем не верю.

Из-за дождя фигура Тома стала расплывчатой, потеряла четкие очертания. Дил мог видеть только его силуэт.

– Том...

Пуля 22-го калибра попала Дилу в голову. Он опрокинулся навзничь, и дождь с остервенением набросился на его лицо. Перед тем как погрузиться в кромешную темноту, Дил подумал: «Как прохладно и чисто!»

Дил смотрел через бойницы, сделанные в металлическом ограждении на краю окопа. Он не видел ничего, кроме темноты, – за исключением тех моментов, когда в небе ослепительно вспыхивали молнии и освещали сельский пейзаж. Гром гремел так громко и оглушительно, что порой его невозможно было отличить от выстрелов орудий, снаряды которых рвались со страшным грохотом тут и там, укладывая направо и налево бегущих солдат, как тряпичных кукол.

Дил увидел фигуры. Они двигались по полю, как колонна призраков. Вытянувшись в одну длинную серую линию, они все приближались, и приближались, и приближались. Он высунул винтовку в отверстие бойницы и прицелился, прозвучала команда – и они начали стрелять. Застрекотали пулеметы, окрашивая поле боя в красный цвет беспорядочными вспышками огня. Фигуры стали падать. Лица тех, кто шел в наступление, в этом дьявольском красном освещении были видны теперь отчетливо, а когда снова вспыхивала молния, они, казалось, вибрировали. Ревели орудия, гремел гром, кашляли надрывно пулеметы, шелкали винтовки, кричали люди.

Уцелевшие немцы преодолели поле и попрыгали за желез-

ное ограждение прямо в окопы. Началась рукопашная. Дилу пришлось пустить в ход свой штык. Он ткнул им в молодого немецкого солдата, такого тщедушного, что форма на нем висела, будто полупустая. Когда немец болтался там, на конце штыка винтовки Дила, снова вспыхнула молния, и в ее свете Дил отчетливо увидел белесый пушок на его подбородке. А на детском личике появилось такое выражение, будто тот внезапно понял, что все происходящее здесь и сейчас вовсе не является увлекательной и грандиозной игрой.

И тут Дил закашлялся.

Он все кашлял и кашлял и не мог вдохнуть. Попытался подняться, но сначала ничего не вышло. Потом все-таки сел, и грязь стекала по его лицу и телу, а дождь поливал его неистово сверху. Дил выплюнул изо рта грязь и землю и вдохнул полной грудью. Дождь умыл его лицо и волосы.

Он не знал, сколько просидел там, под дождем, заново учась дышать. Но дождь наконец перестал.

Он ранен в голову.

Дил поднял руку к голове и коснулся раны – на пальцах остались следы крови. Он снова тронул рану, убрал волосы со лба, – там был след от пули, углубление, но пуля прошла навывлет, наискосок, через мягкие ткани, не затронув кости черепа. Дил потерял много крови, но сейчас кровотечение остановилось – грязь в могиле заполнила рану и остановила кровь. Могила, довольно мелкая, скорее всего, была вырыта накануне – все было спланировано заранее, но дождь спутал

планы. Дождь намочил землю, и в темноте Том закопал Дила не слишком глубоко. Недостаточно глубоко и недостаточно тщательно. Он мог дышать – его нос был свободен. А земля была слишком мягкой и не смогла его удержать. И вот теперь он сидел, а земля оползала с него большими кусками, шлепаясь рядом.

Дил попытался вылезти из могилы, но был слишком слаб, и ничего не получилось, он только ворочался в скользкой мокрой грязи и в результате так и замер лицом вниз, не в силах пошевелиться. Когда он смог наконец поднять голову, дождь прекратился, облака рассеялись и на небе ярко сияла луна.

Дил кое-как выкарабкался из своей могилы и пополз к бревну, где они сидели с Томом. Его ружье было все там же, где он упал, – за бревном. Том или забыл о нем, или не позаботился. У Дила не было сил его поднять.

Дил сел, привалившись к бревну спиной, и сидел, держась за голову и разглядывая землю вокруг. Одна смелая змейка скользнула по его ботинку и скрылась в темноте леса. Дил наклонился, протянул руку и взял ружье. Оно было мокрым и холодным. Он переломил ружье, два патрона выскочили и упали на землю – он не пытался их искать. Заглянул в ствол – чисто. Не заботясь о выскочивших патронах, он зарядил два новых из мешка с боеприпасами.

Глубоко вздохнул. Поднял с земли два влажных листа и приложил к ране – они тут же прилипли. Затем Дил встал и

поплелся к дому, а листья, прилипшие к крови на его лбу, делали его похожим на лесное божество в венце.

Дил шел, пошатываясь, медленно, словно на прогулке. Наконец он выбрался из леса на дорогу, ведущую через поле. Дождь совсем прекратился, снова стало светло, и начал дуть слабый ветер. Земля после дождя сильно пахла – совсем как там, во Франции, когда была гроза и сверкали молнии, и солдаты наступали... Запах влажной земли смешивался с резким запахом пороха, а в результате получался запах смерти.

Дил шел, пока не увидел очертания дома, черного, словно сгоревшего. Дом казался очень маленьким, еще меньше, чем раньше: будто все, что имело когда-то для Дила значение и смысл, продолжало сжиматься и уменьшаться в размерах. Собака вышла навстречу, но он не обратил на нее внимания, и она убежала прочь, к деревьям, которые остались у него за спиной.

Он подошел к двери и распахнул ее ударом ноги. Дверь открылась со скрежетом и грохотом и стукнулась о стену. Дверь спальни была открыта, и он вошел. Окно распахнуто, лунный свет освещал комнату так, что было видно все как днем, и Дил увидел Тома и Мэри Лу, они занимались любовью, и тут же вспомнил то краткое соитие, что было у него с ней, как она позволила отыметь ее, чтобы не говорить больше о Томе. Он понял, что тогда она дала ему себя, чтобы защитить то, что было у них с Томом. Внутри у Дила что-то надломилось, и он знал, это сломалось самое главное, что

делает человека человеком.

Он смотрел на них в упор, а они увидели его и замерли. Мэри Лу сказала: «Нет». Том поспешно выскочил из нее, чуть помедлил, голый, как сама природа, на середине кровати, и скользнул в окно, как лиса в нору. Дил нажал на курок, пуля съела часть подоконника, но Том успел выскочить и убежать. Мэри Лу закричала. Она рывком вскочила с кровати, но не могла стоять – ноги не держали ее от ужаса, она упала на пол и начала отползать в сторону, повторяя его имя. Что-то темное поднималось с самых глубин души Дила, и этому темному нельзя было противостоять. Окровавленный лист упал с его лба. Дил поднял ружье и выстрелил. Выстрел разворотил ей грудь и отбросил к стене, чуть пониже подоконника.

Дил смог хорошо разглядеть ее: глаза открыты, рот тоже. А ее волосы и простыня потемнели от крови.

Он перезарядил ружье, засунув в боек два новых патрона из боезапаса, и пошел в комнату мальчика, которая была напротив спальни. Дверь снова распахнул ногой. Когда он вошел, Уинстон, одетый в пижаму, выбирался через окно. Дил выстрелил, но попал только в шарик на спинке кровати. Мальчик же, как и его отец, ловко умел прыгать через окна.

Дил выглянул в открытое окно и огляделся.

Мальчик бежал по залитому лунным светом полю, как заяц, петляя в направлении леса и города. Дил вылез через окно и погнался следом. И тут увидел Тома. Том убегал в пра-

вую сторону, туда, где раньше было большое ущелье и заросли ежевики. Дил побежал за ним. Он бежал все быстрее. Он чувствовал себя солдатом, который бежит в атаку и ждет, когда пуля сразит его и все кончится.

Дил приближался к цели. Том был разут, и это работало против него: он хромал. Вероятно, его ноги были изранены камнями, шипами и колючей травой. Лунная тень Тома переломилась и поднялась высоко, будто душа попыталась оторваться от тела хозяина.

Том ворвался в ущелье, с трудом продираясь сквозь заросли ежевики, и побежал вниз. Дил – за ним. Было влажно и свежо после недавнего дождя. Дил видел, как Том пытался забраться наверх с противоположной стороны ущелья, там, где заросли ежевики особенно густы. Дил пошел в том направлении и, когда подошел поближе, увидел, что Том запутался в колючих ветках. Ветки вцепились в его руки и ноги и крепко держали, будто он был прибит гвоздями. Чем сильнее сопротивлялся Том, тем глубже впивались в его кожу шипы и тем прочнее он застревал. Том продолжал крутиться и дергаться и в конце концов оказался беспомощным, вися на ветках ежевики чуть повыше того места, где стоял Дил, одна рука вытянута, вторая прижата к животу, как муха в паутине или рождественский подарок в упаковке. Подарок для того, что так любят делать люди и муравьи.

Он тяжело дышал.

Дил склонил голову набок, словно собака, внимательно

разглядывающая что-то перед собой:

– Ты плохо стреляешь, Том.

– Это не повод, чтобы убивать меня, Дил.

– Поводы не нужны. Я просто человек, – сказал Дил.

– Да какого черта, Дил, что ты несешь! Я прошу, не убивай меня. Я умоляю тебя! Она думала, что ты мертв, давно мертв. Она просто хотела, чтобы мы были вместе, – она и я.

Дил глубоко вдохнул и попробовал воздух на вкус. Еще секунду назад такой чистый и свежий, теперь он горчил.

– Мальчишка ушел, – сказал Дил.

– Иди за ним. Иди, если хочешь, но только меня не убивай!

Улыбка перекосила лицо Дила.

– Маленькие мальчики должны вырастать в больших мужчин, – сказал он.

– Но в этом нет никакого смысла, Дил! Ты не имеешь права!

– Никто из нас не имеет права, – ответил Дил.

Он вскинул ружье и выстрелил. Голова Тома откинулась назад, и тело его обвисло на ветках над краем ущелья.

Мальчишка был шустрый – гораздо более шустрый и ловкий, чем его отец. Дил видел, куда бежал мальчик, нашел много его следов, отпечатки босых ног на мокрой земле, четко видимые в лунном свете, примятую траву там, где он переводил дух... должно быть, он уже достиг леса, а может, и

города. Дил это знал. И это уже не имело никакого значения.

Дил уходил все дальше от леса по полю, пока не приблизился к Блинной скале. Она была сложена из плоских, лежащих друг на друге огромных камней и издалека походила на стопку блинов – отсюда и название. А он и забыл про нее.

Дил подошел к скале и внимательно рассматривал ее передний край. Примерно двадцать футов в высоту, от земли до вершины. Дил вдруг вспомнил, как когда-то, когда был пацаном, отец говорил ему: «Спартанский мальчик преодолел бы эту высоту примерно за три минуты. Я тоже забираться на эту скалу примерно за три минуты. Посмотрим, на что способен ты, сынок». Дил никогда не добирался до вершины за три минуты, хотя и пытался, раз за разом. Почему-то это было важно для его отца, по каким-то непонятным личным причинам. И ведь Дил позабыл об этом.

Дил прислонил ружье к скале, разделся и снял обувь. Разорвал рубашку и сделал из нее перевязь для ружья, закинул ружье на голое плечо, повесил на другое голое плечо мешок с патронами и полез. Он добрался до вершины. Он не знал, сколько времени это заняло, но предполагал, что приблизительно три минуты. Теперь он стоял на вершине Блинной скалы и вглядывался в ночь. Отсюда был виден его дом. Он уселся, скрестив ноги, и положил ружье себе на бедра.

Посмотрел на небо.

Звезды были такими же яркими, как и всегда, а черное пространство между ними – таким же черным и бездонным.

Если бы человек мог – он бы посрывал с неба звезды, думал Дил.

Он сидел и задавал себе вопрос, сколько сейчас времени. Луна уже опустилась ближе к Земле, но еще не так, чтобы потянуть за собой солнце. Дилу казалось, он сидит так уже несколько дней. Иногда он задремывал, и во сне был муравьем, одним из множества муравьев, и двигался с другими муравьями к отверстию в земле, из которого валил дым и вылетали сполохи огня. Вместе с другими муравьями он оказался внутри этого отверстия и продолжал путь к огню. Цепочкой, по одному. Идущие прямо перед ним муравьи один за другим превращались в огне в черные угольки, и он с нетерпением ожидал своей очереди. Когда же наступила его очередь, он проснулся и посмотрел на залитое лунным светом поле.

Он увидел, как со стороны его дома по полю скачет всадник. Лошадь под ним была похожа на большую собаку – настолько крупным был этот человек. Дил давным-давно не видел его, но сразу догадался, что это Лобо Коллинз. Шериф. Он был шерифом еще до отъезда Дила.

И теперь Дил наблюдал, как Лобо скачет по полю, приближаясь к нему, и у него не было никаких мыслей на этот счет.

Встав так, чтобы Дил не мог его подстрелить, Лобо остановился, слез с лошади и снял притороченную к седлу винтовку.

– Дил, – крикнул он, – я Лобо Коллинз, шериф!

Голос Лобо летел по полю, не встречая препятствий, громкий и ясный. Будто они сидели совсем рядом. Было так светло, что Дил видел кончики его усов.

– Твой парень прибежал и рассказал, что тут случилось.

– Он не мой парень, Лобо.

– Это все знали, кроме тебя, но это же не повод творить то, что ты натворил. Я был в ущелье, видел Тома.

– Они все еще мертвы, я полагаю.

– Тебе не стоило это делать, Дил. Но она была твоей женой, а он с ней путался; думаю, это может служить неким оправданием, и присяжные примут во внимание. Тебе стоит подумать, Дил, у тебя хорошие шансы.

– Он стрелял в меня, – сказал Дил.

– Тем более. Это в корне меняет дело. Почему бы тебе не бросить оружие, не спуститься ко мне и не сдаться? Мы вместе поедem в город и там разберемcя, что к чему и что можно со всем этим сделать.

– Я был мертв еще до того, как он выстрелил в меня.

– Что? – Лобо встал на одно колено, он придерживал винчестер рукой на колене, а другой рукой по-прежнему держал уздечку.

Дил поднял ружье. Теперь он сидел прямо за камнем, дуло его ружья смотрело в небо.

Лобо произнес:

– Лучше выходи, Дил. Твоя пуля не достанет меня, а я могу тебя подстрелить. И стреляю я метко – могу попасть в

задницу мухе, что летает на Луне.

Дил встал:

– Да, я слишком далеко, чтобы ты мог попасть в меня, Лобо. Что ж, я, пожалуй, придвинусь немного ближе, чтобы устранить это досадное обстоятельство, – сказал он.

Лобо поднялся с колен и бросил поводья. Лошадь не тронулась с места.

– Не будь дураком, Дил. Не будь дураком, черт тебя дери!

Дил пристроил ружье на плечо и начал спускаться с той стороны, где камни закрывали его и где Лобо не мог видеть его передвижений. Спускался он быстрее, чем поднимался, и даже не замечал, что камни сдирают кожу с коленей и голеней.

Когда Дил обошел камни, Лобо стоял почти на том же месте, только чуть отошел от лошади, держа наготове винчестер. Он стоял и смотрел, как приближается к нему Дил, голый и растерзанный. Потом сказал:

– Дил, это абсурд. В этом нет ни малейшего смысла. Я не видел тебя много лет, а сейчас должен смотреть на тебя через прицел винчестера. Дил, в этом нет смысла.

– Ни в чем нет смысла, – произнес Дил. Он пошел еще быстрее, на ходу вздергивая затвор.

Лобо постоял еще немного, потом поднял винчестер к плечу и сказал:

– Последнее предупреждение, Дил.

Дил не останавливался. Он опустил ружье к бедру и нажал

на курок. Раздался выстрел, пули пролетели широкой дугой и упали на траву перед Лобо.

И тогда выстрелил Лобо.

Дилу показалось, что его толкнули. Да, так это и выглядело. Будто кто-то невидимый оказался рядом и сильно толкнул в плечо. Дальше он обнаружил, что лежит на траве и смотрит на звезды. Он чувствовал боль. Но это была совсем не та боль, какую он чувствовал тогда, когда понял, кто он на самом деле.

Мгновение спустя кто-то вынул ружье из его рук. Лобо опустился на колени рядом с ним, держа в одной руке винчестер, а в другой – ружье Дила.

– Я убил тебя, Дил, – сказал он.

– Нет, – Дил выплюнул изо рта кровь. – Нет. Для того чтобы убить, нужно, чтобы человек был жив. А я не был живым.

– Думаю, я подрезал тебе легкое, – сказал Лобо, будто немного гордясь своей меткостью. – Не надо было делать того, что ты сделал. Хорошо, что мальчик смог убежать. Он ни в чем не виноват.

– Просто еще не пришла его очередь.

Грудь Дила заполнялась кровью. Будто кто-то вставил ему в рот шланг и вливал через него кровь. Он пытался что-то сказать, но не получалось. Он только закашлялся, и немного теплой крови выплеснулось ему на грудь. Лобо приподнял его голову и положил себе на колени, чтобы ему было легче дышать.

– Твои последние слова, Дил.

– Посмотри туда, – сказал Дил.

Глаза Дила были устремлены вверх, на небо, и Лобо посмотрел туда же. Он увидел ночь, и звезды, и луну.

– Посмотри туда. Ты видишь это? – прохрипел Дил. –

Звезды падают.

Лобо ответил:

– Нет, Дил, не падают, – но когда он обратил свой взгляд на Дила, тот был уже далеко.

Перевод Марины Тогобецкой

Уолтер Мосли

Дитя ночи³⁴

I

Она дала мне имя Ювенал Никс и превратила меня в Дитя Ночи.

Все началось на субботнем собрании в «Сплинтере» – книжном магазине Радикальной фракции. Я выступал – излагал позицию Союза чернокожих студентов относительно сотрудничества с белыми радикалами. Мы считали, что наши структуры, организации, сама идея нашего освобождения слишком долго эксплуатировались белыми группировками, которые притворялись нашими друзьями и союзниками, возможно – даже веря в это. В результате нам навязали чуждые задачи, отвлекли от потребностей и целей нашего народа.

Речь моя удалась, слушатели – и белые, и черные – вроде приняли мои слова всерьез. Я почувствовал, что, сформулировав наши цели, уже многого достиг, – будто прочертил линию в сыром, но быстро твердеющем цементе и тем добавил важный штрих в прекрасную картину грядущей революции.

³⁴ «Juvenal Nyx» by Walter Mosley. Copyright © 2010 by Walter Mosley

После ответных речей, мнений, клятв и призывов к солидарности ко мне подошла девушка. Она была небольшого роста, белая, даже бледная, в широких джинсах не по размеру и выцветшей синей футболке. Не красавица, почти ненакрашенная. Зато глаза у нее были поразительные. Темные, почти черные, с матово-серебристым отблеском.

– Мне понравилось твое выступление, – сказала она. – Мужчина должен стоять на своем, не полагаясь на чужую поддержку.

Слово «мужчина» удивило меня. По ее виду я было решил, что она феминистка.

– Верно, – откликнулся я. – Чернокожему не нужен белый господин, который укажет путь. А вот белым нужна власть над нами.

– Всем нужна ваша сила.

Она посмотрела мне в глаза и коснулась моего запястья. Пальцы у нее были ледяные.

– Выпьем кофе?

Я хотел ответить «нет», но неожиданно сказал «да».

– Только недолго, – добавил я смущенно. – Мне надо к своим, отчитаться.

– Я из Румынии, – рассказывала она, когда мы сидели в кафе напротив нашего книжного. – Родители умерли, я одна на всем свете. Зарабатываю редактурой – на вольных хлебах, а по вечерам хожу на всякие сборища.

– Политические? – спросил я, любуясь лунным сиянием

ее глаз.

– Всякие, – пожалала она плечами. – Лекции, вернисажи и все такое. Просто хочется быть среди людей, чувствовать себя причастной к чему-то, хоть временно.

– Живешь одна?

– Одна. Мне так лучше. Серьезные отношения быстро теряют смысл, неделя-другая – и мне опять хочется одиночества.

– Сколько тебе лет? – спросил я, отметив, какая странная у нее манера говорить.

– Я молода, – ответила она с улыбкой, словно вспомнив какую-то шутку. – Пойдем ко мне ночевать?

– Я не охотник до белых девушек, Джулия, – сказал я, так она мне назвалась.

– Пойдем, – повторила она.

– Я провожу тебя до дома, – нехотя процедил я, – но потом мне надо обратно в центральное здание.

– Что за центральное здание?

– Руководители союза арендовали старый особняк в Гарлеме. Мы там вместе живем и готовимся к тому, что скоро наступит.

Она улыбнулась моим словам и встала.

– Джулия! – окликнул ее мужчина, когда мы отошли от кафе на полквартала. – Подожди!

Это был высокий плечистый блондин. Вполне мог оказаться игроком в американский футбол, даже из команды

моего университета.

– Мартин... – не слишком-то обрадовалась она.

– Куда ты?

К его левому предплечью был приклеен пластырем кусок многослойной марли.

Она не ответила, и он злобно глянул на меня.

– Это моя девушка, чувак, – сказал он.

Я тоже не ответил. Я уже готовился к драке, в которой не рассчитывал победить. Он был амбал, а я максимум – в среднем весе.

– Иди куда шел и останешься цел, – добавил амбал.

Он словно уговаривал меня и от этого казался еще более опасным.

– Слушай, ты! – сказал я. – Мы только что познакомились, но уходить я не собираюсь.

Он потянулся ко мне, и я изготовился нанести самый страшный удар, на какой был способен. Я не мог позволить этому белому обратить меня в бегство.

– Мартин, хватит! – отчеканила Джулия. Каждый слог был похож на удар молотка по гвоздю.

Кулак Мартина разжался, и он отдернул руку, будто обжегшись.

– Уходи! – приказала она. – И отстань от меня раз и навсегда.

В Мартине было под два метра роста и больше центнера веса, в основном за счет мышц. Но он дрожал, точно стоял

на сильном ветру. Шейные мускулы напряглись, лицо искажил судорожный оскал. Простояв так около минуты, Мартин повернулся и, шатаясь, пошел прочь. По пути он все больше сутулился, даже съеживался, как человек, которого только что избили.

– Ты был готов подраться, – сказала Джулия.

Я не ответил.

– Тебе досталось бы, – продолжила она.

Она взяла меня за руку и повела через Манхэттен к пешеходному проходу на Бруклинский мост. Я не сопротивлялся. Во мне еще кипела кровь от чуть было не состоявшейся драки, от предчувствия, что мне вот-вот накостыляют.

По дороге она рассказывала о жизни в Румынии, о побеге от коммунистов в Мюнхен, где она какое-то время жила среди цыган. Был холодный октябрьский вечер, я слушал, не чувствуя необходимости отвечать. А она держалась за мою руку и беспечно болтала о жизни, которая казалась мне историей из книжки.

Мы перешли на ту сторону, и вскоре она привела меня в район, где складов было гораздо больше, чем жилых домов. Мы спустились по лестнице, ведущей к двери полуподвального помещения. Она открыла дверь без ключа, просто толкнув ее.

Дальше – длинный коридор, еще одна лестница, спуск не меньше чем на три этажа, зал и опять дверь, от которой у нее был ключ.

Мы оказались в небольшой слабоосвещенной комнате с кленовым столом в углу и простым матрасом на полу. Окно, конечно, не было, запах стоял сухой и затхлый, как в склепе, который не открывали несколько веков.

Дверь за мной закрылась, и я повернулся, чтобы взглянуть в глаза Джулии. Их лунный блеск стал еще ярче, а от улыбки у меня перехватило дыхание. Она стянула голубую футболку, перешагнула широкие джинсы и предстала передо мной нагая. Бросившись к ней, я осознал, что мое непреодолимое влечение нарастало с того момента, как Мартин начал мне угрожать. Я спустил брюки, и Джулия засмеялась. Я повалил ее на матрас, и мы соединились. Брюки так и остались на моих лодыжках, и ботинки я не снял – торопился. Мне надо было срочно оказаться в ней. Я должен был трахать и трахать и трахать ее. Ничто не могло меня остановить. Даже оргазм лишь на пару мгновений притормозил мощное и ритмичное движение наших тел.

Джулия не переставая смеялась и говорила со мной на каком-то иноземном языке. То и дело она убирала с моего лба волосы и ловила мой взгляд своими жутковато-искристыми глазами.

Я корчился на ней, а она обвивала меня ледяными руками и ногами. Я не мог остановиться, не мог выйти из нее. Впервые в жизни я почувствовал, что такое настоящая свобода. Я понял, что лишь эта страсть смогла что-то расшевелить в бездонных глубинах моего существа.

Очнулся я, не помня, что потерял сознание. И все-таки без этого явно не обошлось, потому что теперь я лежал в другой комнате, на кровати. Запястья и лодыжки были прикованы к ней цепями.

В этой комнате также отсутствовало окно, и воздух был затхлый. Мне показалось, что я где-то глубоко под землей, но тем не менее я закричал. Я визжал и орал, пока не охрип, но никто так и не пришел. Никто меня не услышал.

Проходил час за часом, а я все бился и орал, но цепи были крепки, а стены толсты. Единственным источником света была похожая на колонну свеча, оставленная Джулией. Я гадал, суждено ли мне умереть в этой подземной гробнице.

Порой меня посещала тревога: может, это заговор расистов против нью-йоркского СЧС? Может, они похитили меня, чтобы чего-то добиться. И линчуют или сожгут. Я стану мучеником за наше дело.

Через много часов дверь наконец открылась, и вошла Джулия. Я завизжал что было сил, но она не обратила внимания. Улыбнулась, села рядом на кровать. Она была босая. На ней был красный бархатный халат до пола, с капюшоном.

– Эта комната внутри другого помещения, а то – внутри еще одного, – сказала она. – Мы глубоко под землей, и тебя никто не услышит.

– Зачем ты меня приковала? – спросил я, стараясь не выдать своего страха.

В ответ она встала, широкий халат упал на пол. Она была

обнажена – как и я. У меня захватило дух, только не знаю, из-за ее наготы или все из-за тех же глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.